EVROPSKÝ POLITICKÝ A PRÁVNÍ DISKURZ

Svazek 1
1. vydání
2014

•

EUROPEAN POLITICAL AND LAW DISCOURSE

Volume 1
Issue 1
2014

Editorial Policy

The *European Political and Law Discourse* – international Journal of International Law, domestic Law of European countries, Political Science, International Relations is a peer reviewed journal with blind referee system, which aims at publishing high quality articles that may bring innovative and significant theoretical, conceptual, methodological and empirical contributions to the fields.

The *European Political and Law Discourse* has a particular interest in interdisciplinary approaches to law and political spaces, whether through comparative or single case-study analysis, but by no means restricts its interests to these spaces, welcoming any relevant contribution from and about different parts of the World.

The *European Political and Law Discourse* accepts original articles which are not under consideration elsewhere at the time of submission.

Editorial Committee:

Oleksandr Merezhko, PhD, Doctor of Law, Professor, Andrzej Frycz Modrzewski Cracow Academy

Bertrand Mathieu, Doctor of Law, Professor at the Université Panthéon, Sorbonne, Paris I, President of the French Association of Constitutional Law, member of the High Council for the Judiciary of France

Volodimir Kuzmenko, PhD, Doctor of Law, Professor, National University of State Tax Service

Olena Grynenko, PhD, Doctor of Law, Institute of International Relations, Kyiv National Taras Shevchenko University.

Borys Babin, Dr.Hab, Odessa National Maritime Academy

Pavol Hrivík, PhD in European and Global Studies, Alexander Dubcek Trencin University

Marina Nahum, PhD in Anthropology, London School of Economics

Nick Polyovyy, PhD, Doctor of Political Science, Professor, National University "Odessa Law Academy"

Evgen Tcokur, PhD, Doctor of Political Science, Professor, Zaporozhye National University

Galina Kuz, PhD, Doctor of Political Science, Professor, H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University

Administrative Editor

Iana Chernopyshchuk, PhD in constitutional and municipal law, European Border Assistance Mission to Moldova and Ukraine

---

EVROPSKÝ POLITICKÝ A PRÁVNÍ DISKURZ

Vydavatel: Jižní Palmíra, družstvo

Adresa: Šternovská 735, Újezd u Brna, 664 53,

okres: Brno, kraj: Jihomoravský

Zapsáno do evidence: 27.11.2013

Table of contents

Oleksandr Merezhko, NATURAL PRIVATE LAW 4

Kateryna Gaidei, THE PRESENCE OF AN ALLEGED OFFENDER IN A FORUM STATE: A PREREQUISITE FOR THE EXERCISE OF UNIVERSAL JURISDICTION 9

Dmytro Grechanii, THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE TEMPORARY IMPORTATION INSTITUTE IN INTERNATIONAL LAW 19

Konstantin Gromovenko, INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF PERSONNEL OF PRIVATE MILITARY AND SECURITY COMPANIES IN TIMES OF INTERNATIONAL ARMED CONFLICTS 30

Oksana Sokolova, SOCIAL AND ECONOMICAL RESTRUCTURING IN EUROPE IN THE CONTEXT OF "CHALLENGES" OF NEW DEMOGRAPHIC TENDENCIES 51

Oleksandr Sokolov, MULTICULTURALISM AND MULTICULTURAL POLICY IN THE CONTEXT OF POLITICAL ORDER THEORIES 60

Svitlana Shevchenko, CLERICALISM IN THE SYSTEM OF CONTEMPORARY NATIONAL STATIST RELATIONS 67

Maria Dobrova, FACTORS OF THE DEVELOPMENT OF POLITICAL IDENTITY WITHIN THE CONTEXT OF TRANSITION PERIOD IN UKRAINE 77

Yevheniya Sadykova, PUBLIC CONFRONTATION IN UKRAINE AS A CRISIS OF LEGITIMACY OF POWER 84

Maria Mordovetc, STATE POLICY ON THE PREVENTION OF EXTREMISM ESCALATION AS A FORM OF DEVIANT SOCIO-POLITICAL ACTIVITY 97

Oleksandr Bilousov, ESTABLISHMENT OF THE UKRAINIAN STATE POLICY ON PROMOTION OF THE CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF EUROPEAN GOVERNANCE CONCEPT 106

Yuliya Biletskaya, MAIN STAGES AND DIRECTIONS OF SCIENTIFIC RESEARCH ON POLITICAL CONFLICTS 114

Oleksandr Merezhko

NATURAL PRIVATE LAW

The article presents the comprehensive analysis on the issues of historical roots, core meaning, and constitutive elements of natural private law. The underlying principles of natural private law development are studied and illustrated. The interrelationship of modern international law and private law, civil law is covered in the article. Particular attention is paid to the different approaches and interpretations (in particular, social-biological and teleological) of both natural and private law definition. Overall, the keynote of the article is explanation and reasoning of dialectic substance of natural private law.

History knows numerous examples of situations where representatives of various peoples, cultures and civilizations, without knowing each other's languages and without having the least idea of each other's legal system, nonetheless concluded various types of transactions, specifically transactions for purchase and sale of goods.

These facts, in and of themselves, represent an amazing and truly interesting phenomenon from the point of view of law since one finds the substance and the nature of law as a universal phenomenon of social reality in them.

Let us imagine a simple situation: a citizen of some European country, while living on an island, uses sign language to conclude a sales contract with a member of the native population.

Here, we are immediately faced with a number of questions: 1. How could this transaction ever take place if the counterparts were not aware of each other's laws? 2. What legal norms govern this deal? 3. What guarantees are there that the terms of this deal will be observed?

However, the very fact that this transaction was actually concluded is an unqualified testament to the existence of some sort of self-evident principles or laws that have such common and universal characteristics that they could be termed peculiar to the very depths of man's nature. Further, this law is obviously not positivist because it does not stem from the will of the state and is not clothed in the mantle of its authority.

We are definitely talking about natural law which is so deeply rooted in man's nature and the subconscious that it may even be considered instinctive.

When concluding the given transaction, counterparts are unconsciously guided by the following principles: 1) first of all, they see each other as subjects of some sort of universal law, the existence of which is understood by them more on an intuitive rather than rational level;

2) they recognize property rights for the objects that they own; 3) they realize that fairness demands that the transfer of these objects is carried out not through violence, but through mutual acquiescence, i.e. through an agreement; 4) the actors promise to abide by this agreement in good faith; 5) the agreement must be concluded in good faith, i.e. it must not be the result of force or deception

The agreement is based on the mutual understanding and trust of the two sides. By concluding the agreement, the two sides consider themselves free and equal.

Therefore, the guarantee that the agreement will be observed is the mutual understanding and trust of the two sides.

In analyzing this case, we inevitably come to the conclusion that the transaction has a hermeneutic subbasis, since it is only possible when the two sides possess a mutual understanding that forms the foundation for the relationships of the two sides. Mutual understanding thus represents the basis of understanding and correct interpretation. It exists when the two sides perceive each other as equals, specifically as «one's other» I. Mutual understanding is the foundation of natural law, and this means that natural law has hermeneutic roots.

This mutual understanding is formed in areas where two sides' beliefs about each other intersect. The basis of mutual understanding is the sense of belonging to humankind. The logical question that follows then is about the founding principle of natural law.

According to the theory of academician V.I. Vernadsky, the principle of the unity of all peoples, i.e. the biological unity and equality of all people is a law of nature.[1] It is the main principle of natural law, its *Grundnorm*. The principle of unity and equality of all people is the starting principle of law and also its endpoint. Obstacles to implementing it are national laws which must be overcome through international, cosmopolitan law.

It is a known fact that the school of natural law has become the first scientific-theoretical school of civil law (the science of private law), and is most clearly expressed by Roman private law. Later, the concept of natural private law became embodied in the idea of natural, inalienable rights of man. As elucidated by the Russian civil law scholar Professor Spektorsky in his Saratov report (1911): «The system of private law is the system of Roman law, which already by the time of the classical men of law had been brought to such perfection that they saw in it the logic of law in general and even the logic of nature itself. Finally, the philosophy

[1] See: Vernadsky, V. I. (1988) *Naturalist's Philosophical Thoughts.* M., 503-512.

of 17th and especially that of the 18th century put this system onto a pedestal of natural, eternal and unchanging rights of man and citizen.»

Another Russian civil law scholar, Prof. V. I. Sinaisky had a similar view, which also stressed close ties between natural private law and the fate of the Roman law. According to Sinaisky, «Created by the Antiquity, this law (i.e. Roman law – A. M.) became a heritage of all new peoples, came to form the basis of modern civil law. An explanation for this phenomenon may be the fact that Roman law, though unofficially (not so for Germany), replaced in fact common law for new peoples. For them, it became the «written natural law», «the theory of civil law»[1].

Therefore, natural law, as represented by Roman private (civil) law was originally: first, natural law (jus naturale); second, common, i.e., universal law for European peoples who were creating these peoples' law continuity (jus commune europe); third, highest expression of legal logic based on rational principles (ratio scripta).

A historical basis of private law was not the will of the lawmaker; it was the sacral nature of ancestors' customs (mores maiorum). «Those were codes of behavior handed down from father to son in full belief that they are necessary and required since they were based on godly will and since ancestors who had observed them, themselves became godly creatures upon dying.»[2] In other words, private law grew out of ideational, godly law (jus sacrum), and its further development followed the path of secularization.

Viewed under this angle, the history of private law and its institutions, and, first and foremost, of the history of ownership right development, may be presented as history of relentless desacralization, disintegration and atomization. Using its logical tools, the positive science of private law did the same thing with it as science did with the concept of matter, which was first understood by humans as a unified and live substance, to be separated later into an infinite multitude of infinitesimally divisible units. If the school of natural law saw private law as living teleological unity, not reduced to a simple sum of the norms making it up, then positivism created an impression of private law as a lifeless, deadening system of formal logical schemes and operations.

It is worth noting that the emergence of private law historically preceded the rise of positive law and public law since it did not ensue from the will of the state. In essence, natural private law was synchretic by nature, and it gave rise to other branches of law, including civil and trade

[1] Sinaisky, V. I. (2002) *Russian Civil Law.* M., 45-46.
[2] Cesare, S. (2002) *Course on Roman Private Law.* M., 23.

law, in addition to the law of peoples. In this respect, modern international law borrowed much from civil law, especially in terms of legal tools, as private and international law are akin in their typological similarity, a similarity which is associated with the decentralized nature of the mechanism of legal governance, and with the method of coordination which forms the basis of both legal systems. Therefore it is not an accident that many founders of the international law were civil law scholars (for example, Gentili).

What is natural law?

Since law lies at the basis of a living human society, of understanding the nature of natural law, it is necessary to start by splitting human unions into natural and artificial ones. «What is the difference between a natural and an artificial union? How does a natural union start? –Russian historian, V. O. Klyuchevsky asks, and immediately provides a response, -– Instinctively, thanks to unconscious drives; this is an accidental union, it is formed without thoughts about the goal, it does not see its consequences and only realizes what its goal is after it is already formed. On the contrary, an artificial union begins when it becomes present in the consciousness. A natural union's goal appears before the union is formed, an artificial union's goal precedes this formation.»[1] In other words, natural unions (for example, family, clan, tribe) are built upon instincts, unconscious stimuli, artificial unions (private unions and the state) – upon goals, i.e., conscious drives introduced into coexistence by humans themselves.

This means that natural law may have two interpretations: first, as social-biological norms arising out of an instinct lying at the basis of natural alliances; second, from a teleological viewpoint, i.e. as a sort of ideal goal (for example, fairness), for which artificial alliance is striving, and to which the laws of this alliance must conform.

Teleological aspect of private law was also stressed by the outstanding Russian civil law scholar, I. A. Pokrovsky, who believed that law is a phenomenon of dual nature. «On the one hand, writes Pokrovsky in his work, *Natural and Legal Trends in the History of Civil Law*, there is in it a fact of reality, a power which … governs public relationships. On the other hand, law standards are a means to achieving social goals when striving to achieve a «social ideal». Our attitude toward law conforms then to this dual nature of law. On the one hand, law is presented to our consciousness as a phenomenon of the «real world», and we are striving to understand it in incarnation (dogmatically and historically). On the

[1] Klyuchevsky, V. O. (1989) Works: Nine Volumes. *Volume VI. Special courses*. M., 13.

other hand, we cannot but assess it from the point of view of the social goals that it serves…»[1]

Now, Pokrovsky suggests looking for criteria for evaluating law in «general views on what is proper», which in turn are determined by the «general views on the world, man and society», i.e. «a common world view».[2]

Let us note in light of its teleological aspect, natural law (in terms of Max Weber's philosophy) is the reflection of the value and rational social action, an example of which would be the actions of people who, despite possible detriment to themselves, still put their beliefs about obligations, truth and fairness into practice. It is through this aspect of natural law that the latter constitutes the will for fairness (will to justice), as German law philosopher, Gustav Radbruch, would say.

To summarize, let us stress that natural private law is a natural combination of biological instinct (first and foremost, freedom instinct that academician I. P. Pavlov discussed, as well as group solidarity instinct), and rational ideal of fairness.

This is the exact combination that we believe constitutes the dialectic substance of natural private law and the source of its life force.

[1] Pokrovsky, I. A. (1909) *Natural and Law Trends Throughout the History of Civil Law.* St. Petersburg, 38–39.

[2] Same, 39–40.

Kateryna Gaidei

THE PRESENCE OF AN ALLEGED OFFENDER IN A FORUM STATE: A PREREQUISITE FOR THE EXERCISE OF UNIVERSAL JURISDICTION

The article contains the comprehensive analysis on to which extent the presence of an alleged offender in the territory of a forum state constitutes a prerequisite for the exercise of universal jurisdiction under current international law. The difference between universal jurisdiction and its form in absentia is investigated through the inquiry of respective provisions of international treaties and customary law along with the corresponding national practice of different states.

When talking about universal jurisdiction one has to bear in mind that until this very moment, there is 'no generally accepted definition of universal jurisdiction in conventional or customary international law' in the words of Judge Van Den Wyngaert[1]. The lack of precise definition and scope of the notion may explain the lasting discussion on the matter. In the most general sense universal jurisdiction can be specified as 'jurisdiction to define and prescribe punishment for certain offences recognized by the community of nations as of universal concern[…], even where none of the bases of jurisdiction [such as the principle of territoriality, nationality and the protective principle] is present'[2]. It follows therefrom that the only connection between the crime and the prosecuting state that may be required in frames of the concept of universal jurisdiction is the physical presence of an alleged offender within the jurisdiction of that state[3]. In practice, the factor of the presence of a suspect in the territory of a prosecuting state may drastically change the nature and characteristics of universal jurisdiction[4]. Therefore, the issue of whether the exercise of universal jurisdiction should be subject to the presence of a suspect

[1] *Case Concerning Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of Congo v. Belgium)*, Merits, Judgment of 14 February 2002, [2002] ICJ Rep., at 3, Judge *ad hoc* Van den Wyngaert, Dissenting Opinion, para. 44.

[2] *Restatement (Third) of the Law of Foreign Relations of the United States*. (1986). American Law Institute, Vol. 1, 14 May 1986, §1-488, paras. 402, 404.

[3] *Final Report on the Exercise of Universal Jurisdiction in Respect of Gross Human Rights Offences*. (2000). Committee on International Human Rights Law and Practice, London Conference, ILA Report, 2.

[4] Inazumi, M. (2005). *Universal Jurisdiction in Modern International Law: Expansion of National Jurisdiction for Prosecuting Serious Crimes under International Law*. Antwerpen: Intersentia, 27.

in the territory of a forum state, or it is permissible even in the absence of a person needed, so called 'universal jurisdiction *in absentia*', has attracted broad debate among state high officials and international law scholars. The article is thus aimed at providing a comprehensive analysis on to which extent the presence of an alleged offender in the territory of a forum state constitutes a prerequisite for the exercise of universal jurisdiction under existing international law.

Generally, there is no commonly accepted understanding regarding the issue of the presence of a suspect in the territory of a state intending to prosecute such individual. However, exactly this element of the exercise of universal jurisdiction justifies the existence of two approaches to universal jurisdiction, which are universal jurisdiction as such and universal jurisdiction *in absentia*. Thus, some claim that the traditional explanation of universal jurisdiction is that some crimes are regarded as so heinous that every state has a legitimate interest in their repression[1]. Others insist that in general and in order to exercise universal jurisdiction a state has to meet the requirement of the presence of a suspect within its territory[2]. However, both approaches imply the absence of any nexus between the committed crime and a prosecuting state. The latter is sometimes called 'ordinary'[3], or 'conditional'[4], or 'custodial'[5] universal jurisdiction. The former is known as 'pure universal concern jurisdiction', or 'true'[6], or 'pure'[7], or 'absolute'[8] universal jurisdiction, or universal jurisdiction *in absentia* (the term is used though without indication of a definition in the ICJ Arrest Warrant Case), or «full» universal jurisdiction.

---

1 *Case Concerning Arrest Warrant of 11 April 2000* (Democratic Republic of Congo *v.* Belgium), Merits, Judgment of 14 February 2002, [2002] ICJ Rep., at 3, Judges Higgins, Kooijmans and Buergenthal, Joint Separate Opinion, paras. 41, 54.

2 Cassese, A. (2003). *Is the Bell Tolling for Universality? A Plea for a Sensible Notion of Universal Jurisdiction.* Journal of International Criminal Justice, Vol. 1, No. 3, 592.

3 Inazumi, M. (2005). *Universal Jurisdiction in Modern International Law: Expansion of National Jurisdiction for Prosecuting Serious Crimes under International Law*. Antwerpen: Intersentia, 101.

4 Chadwick, M. (2009). *Modern Developments in Universal Jurisdiction: Addressing Impunity in Tibet and Beyond.* International Criminal Law Review, Vol. 9, 366.

5 Universal Jurisdiction: The Duty of States to Enact and Enforce Legislation. *Amnesty International.* <http://www.amnesty.org/en/library/asset/IOR53/017/2001/en/3c6e7c7b-d8ef-11dd-ad8c-f3d4445c118e/ior530172001en.html> (2014, March 15).

6 Yee, S. (2011). *Universal Jurisdiction: Concept, Logic, and Reality.* Chinese Journal of International Law, Vol. 10, 508.

7 O'Keefe, R. (2004). *Universal Jurisdiction: Clarifying the Basic Concept.* Journal of International Criminal Justice, Vol. 2, Issue 3, 755.

8 Chadwick, M. (2009). *Modern Developments in Universal Jurisdiction: Addressing Impunity in Tibet and Beyond.* International Criminal Law Review, Vol. 9, 366.

The reason why some scholars can regard universal jurisdiction *in absentia* as a purified form of universal jurisdiction is that it also can be considered as a kind of *actio popularis*[1]. Universal jurisdiction *in absentia* allows all the states constituting the international community and interested in ending impunity for gross violations of human rights to prosecute and punish alleged perpetrators, notwithstanding the total lack of any nexus between them and the crime. It thus allows acting in the interest of the whole international community, what makes universal jurisdiction *in absentia* an action for the good of the international society. Judges Higgins, Kooijmans and Buergenthal, for instance, in the aforementioned Arrest Warrant Case in their Joint Separate Opinion seemed to regard universal jurisdiction *in absentia* as the original form of universal jurisdiction by reference to the Lotus principle (which is however disputable) and denying the presence of the suspect as its prerequisite.

Therefore, universal jurisdiction *in absentia* is quite widely understood as a form of jurisdiction whose lawfulness is to be considered in its own right and thus as distinct from universal jurisdiction *per se*. However, the question may arise, as on what grounds it is possible to distinguish so called ordinary universal jurisdiction and universal jurisdiction *in absentia*. Some may claim that the difference between them is simply temporal, precisely at which stage the presence of a suspect must be obtained[2]. Others may find the underlying difference in the fact that ordinary universal jurisdiction is recognized only for a state in which a suspect is present, and universal jurisdiction *in absentia* is attributable to virtually any state in the world since it requires no nexus between the crime and the state claiming jurisdiction. Moreover, some scholars may even argue that the distinction between the two is meaningless, since a state which initially only has universal jurisdiction *in absentia*, may eventually obtain ordinary universal jurisdiction by obtaining the custody of a suspect who is located abroad as the result of its arrest warrant or extradition request. Finally, for some the major difference is that the two have different rationales and status under treaty and customary international law, *i.e.* different legal status and the realm of their acceptance among states. The last point is worth more comprehensive studying.

---

[1] Inazumi, M. (2005). *Universal Jurisdiction in Modern International Law: Expansion of National Jurisdiction for Prosecuting Serious Crimes under International Law*. Antwerpen: Intersentia, 102.

[2] *Ibid*.

As to the incorporation in conventional international law ordinary universal jurisdiction, based on the requirement of the presence of a suspect in a prosecuting state, has much firmer position. If interpret the principle *aut dedere aut judicare* as implying applicability of universal jurisdiction, then most of contemporary relevant treaties and conventions prescribes application of universal jurisdiction (*e.g.* Arts. 49, 50, 129, 146 and 85(1) of 1949 Geneva Conventions and Additional Protocol I respectively; Art. 7 of the UN Convention against Torture). Moreover, the exercise of universal jurisdiction comprises not merely a right but rather more – an obligation upon states where a suspect is present and provide such states with discretion in deciding whether to extradite a person or exercise jurisdiction itself. In contrast, universal jurisdiction *in absentia* is not explicitly prescribed by any existing international convention (the major exceptions may be found only in 1949 Geneva Conventions). Moreover, Judge Guillaume in the same Arrest Warrant Case in his Separate Opinion proclaimed that '[u]niversal jusrisdiction *in absentia* is unknown to international conventional law'[1].

Therefore, universal jurisdiction *in absentia* is of the exclusive character, since its exercise is not a direct consequence of the expansion of national jurisdiction under conventional international law. Though, such jurisdiction was recognized, for instance, by the U.S. courts in the Demjanjuk Case and by the German Federal Supreme Court in the Sokolovic Case, universal jurisdiction *in absentia* is not widely recognized by states and, thus firmly supported in neither conventional nor customary international law. The only factor, which promotes its exercise, is the recognition of the interest of the international community. So in most of their domestic laws and practices states are reluctant to expand their jurisdiction beyond that which they are obliged to do under specific treaties or conventions and consequently to enact the relevant legislation.

On the other hand, contemporary conventional international law contains wordings that conventions do 'not exclude any criminal jurisdiction exercised in accordance with internal law' (Art. 4(3) of the UN Convention against Torture). This means that the lack of evidence of universal jurisdiction *in absentia* in conventional international law does not lead to the conclusion about the prohibition of such jurisdiction under international law either.

[1] *Case Concerning Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of Congo v. Belgium)*, Merits, Judgment of 14 February 2002, [2002] ICJ Rep., at 3, President Guillaume, Separate Opinion, para. 9.

Concerning its position in customary international law, both support and opposition of universal jurisdiction *in absentia* can be found. In favour of the former A. Cassese, for instance, points out two rationales for universal jurisdiction *in absentia*: the first is the extreme extent of gravity and magnitude of the crime; and the second is compliance with the principle of sovereign equality of states and non-interference in the internal affairs of the state where the crime has been prepared[1]. However, what remains questionable is state acceptance and *opinio juris* on these rationales. Except for the support, there are also strong arguments as to the opposition of universal jurisdiction *in absentia*. The law and practice of states prove the tendency to limit universal jurisdiction to cases in which a suspect is present on their territory, *e.g.* Canada, France, Switzerland and Denmark. Moreover, for the states allowing universal jurisdiction *in absentia*, its actual exercise may provoke some opposition from the states involved in the case (this is exactly what happened to Belgium after the aforementioned Arrest Warrant Case, when Belgium amended its domestic law towards abolishing universal jurisdiction *in absentia*). In the stream of this argumentation, A. Cassese also criticizes the approach of understanding universal jurisdiction as tantamount to universal jurisdiction *in absentia*. He claims that 'it would be contrary to the logic of current state relations to authorize any state of the world to institute criminal proceedings (commence investigations, collect evidence, and lay out charges) against any foreigner or foreign state official allegedly culpable of serious international crimes.'[2]. Furthermore, the possible arbitrariness in determination of a forum state may also cause concerns of rights' protection of a suspect. In contrast to the ordinary universal jurisdiction, in case of exercising universal jurisdiction *in absentia* suspects cannot foresee which state will claim jurisdiction. Therefore, they will neither be able to know which state will issue an arrest warrant in the future, and thereby to which state they may be extradited, nor under which national law they will be prosecuted, what kind of punishment may be imposed, and in which state they will have to serve sentence.

National practice on the matter of inclusion a condition of the presence of a suspect on the exercise of universal jurisdiction also differs from state to state. Overall, it is possible to evidence 'renaissance' of universal jurisdiction during recent years in domestic criminal legislation

[1] Cassese, A. (2001). *International Law.* Oxford: Oxford University Press, 292.

[2] Cassese, A. (2003). *Is the Bell Tolling for Universality? A Plea for a Sensible Notion of Universal Jurisdiction.* Journal of International Criminal Justice, Vol. 1, No. 3, 592.

of different states[1]. After the Rome Statute's adoption and because of its consequent ratification and implementation numerous states have amended their domestic criminal legislation concerning prosecution of the core crimes including provisions on universal jurisdiction. At the current stage, approximately more than a half of the total number of existing states has incorporated certain provisions prescribing universal jurisdiction in their national criminal legislation. Most of them spread the scope of the universality principle over the grave breaches of the four Geneva Conventions and the crime of torture only[2].

As to the requirement of the presence of a suspect for the exercise of universal jurisdiction, belonging to the group of states allowing application of universal jurisdiction without establishing strict prerequisites concerning the presence of a suspect in the territory of the corresponding state, are – among others – Germany, Greece, Finland, Luxembourg, the UK. The domestic criminal legislation of Germany can be used as an illustration in this regard.

German criminal legislation, in particular the Code of Crimes against International Law (29 June 2002), Section 153f allows for universal jurisdiction, with various conditions. This normative act establishes universal jurisdiction over genocide, crimes against humanity, and war crimes. Before the adoption of the aforementioned Code, exercise of extraterritorial jurisdiction in Germany was limited to the requirement of the presence of a suspect or his/her permanent residence in Germany. However, according to the provisions of the aforementioned Code, the latter requirement was annulled. Nevertheless, the public prosecutor has discretion to decide whether to initiate criminal trial or not if a suspect is not present in the territory of Germany and there are reasonable concerns as to the possibility of acquiring of custody of such person, according to para. 1, Section 153f of the German Code of Crimes against International Law.

The second group of states, which does not allow commencement of domestic criminal proceedings based on unconditional universal jurisdiction (thus requiring the presence of a suspect in the territory before the start of criminal proceedings) comprises the following states: Canada, France, Austria, Italy, the Netherlands, Portugal, *etc*. Therefore, as an example, Dutch legislation can be analysed.

---

[1] Lowe, V., Staker, C. (2010). *Jurisdiction.* In Evans, M.D. (ed.), *International Law* (Chapter 11). Oxford: Oxford University Press, 327.

[2] Beigbeder, Y. (2005). *International Justice against Impunity: Progress and New Challenges.* Leiden, the Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers, 52.

Previously application of universal jurisdiction *in absentia* was allowed under the Dutch legislation (Wartime Offences Act (*Wet Oorlogsstrafrecht*) (1952), Art. 3(1) and (3)), however, recently it was amended by the corresponding requirement of the presence of a suspect (International Crimes Act, adopted 19 June 2003, entered into force 1 October 2003). Under the current criminal domestic legislation of the Netherlands, the presence of a suspect in Dutch territory is a pre-condition for exercising most of the prosecutions based on the universality principle. Moreover, this condition is applicable to the very first stage of commencement of investigation. Thus, this is the example of the traditionally Western European restrictive perception on universal jurisdiction.

However, the most peculiar and interesting examples of states having prescribed and actually invoked universal jurisdiction several times are Belgium and Spain. In Belgium, the national criminal law of which used to be considered as one of the most far-reaching concerning the incorporation of provisions on universal jurisdiction, it has nevertheless been subject to changes provoked by certain political circumstances[1]. On 16 June 1993, the Parliament of Belgium adopted the Law in accordance with the relevant clauses of the four 1949 Geneva Conventions and Additional Protocol I, prescribing possibility of prosecution over individuals alleged in committing international crimes irrespectively of place where it happened. On the basis of these provisions, in 2001 and 2002 several complaints were brought before the Belgian courts against the high officials of certain states, such as the Israeli Prime Minister Ariel Sharon, the Ivory Coast President Laurent Gbagbo, his predecessor Robert Guei and his Minister of Interior, the President of Iraq Saddam Hussein, the President of Cuba Fidel Castro, the Palestinian leader Yasser Arafat, the President of Iran Ali Akbar Hashemi Rafsanjani, and against the former Presidents of Chad, Mauritania and Chile. The respective cases were suspended on the ground of invocation of immunities of the persons concerned. Nevertheless, in response to such measures taken by Belgian courts, Israel made a note of protest addressed to Belgium and withdrew its Ambassador from the latter. Noteworthy, such a note of protest can be regarded as evidence of state practice against universal jurisdiction. Nonetheless, the turning point which led to the amendment of the corresponding Belgian criminal law was the submission of case against high officials of the US, including the former President George

[1] Reydams, L. (2003). *Universal Jurisdiction. International and Municipal Legal Perspectives.* Oxford etc.: Oxford University Press, 179.

W. Bush, Defense Secretary Donald Henry Rumsfeld, State Secretary Colin Powell, General Tommy Franks and the British Prime Minister Tony Blair. In response to this event the US Defense Secretary and simultaneously one of the alleged perpetrators, Mr Rumsfeld warned the Belgian Government that the headquarters of the NATO could be withdrawn from Brussels. As a result, in April 2003, the corresponding amendments were taken, and the right to initiate proceedings based on universal jurisdiction was left to the public prosecutor exclusively. While Israel was satisfied with the made amendments, the US demanded further essential changes of the Law on the universality principle. The US refused the further financing of the NATO headquarters in Brussels and made a promise not to allow the US state officials to come to Belgium until the necessary amendments of Belgian domestic criminal law would be taken. As a result, the Belgian legislation on the universality principle was restricted by the requirement of the presence of a suspect in the territory of Belgium in the same year of 2003, not only following the demanding requests made by the US[1] but also after the judgment in the 'unfortunate' Arrest Warrant Case against Belgium.

Similarly to Belgium, Spanish national criminal law initially allowed application of universal jurisdiction even in case of the absence of a suspect in the territory of Spain (Art. 23.4 of the Organic Law on Judiciary Power (336), promulgated on July 1, 1985). There were also several complaints against Fidel Castro, other Cuban leaders, political leaders of Guatemala brought before the Spanish courts as well as several arrest warrants against several Argentinean officers issued by the Spanish Judge Baltasar Garzon[2]. However, recently in 2009, the requirement of the presence of a suspect in Spanish territory amended the corresponding normative act of Spain; therefore, nowadays the exercise of universal jurisdiction *in absentia* in Spain is also not possible.

In conclusion, despite the lack of extensive conventional incorporation and support among states application of even the most innovative and disputed form of jurisdiction, such as universal jurisdiction *in absentia*, is not prohibited under international law unless it clashes with its other rules or principles. As the logic flows if universal jurisdiction is permissible, then its exercise *in absentia* is permissible too, though which question remains without an answer is whether the latter is desirable. Notwithstanding some former state practice, the future application of the «full» universal jurisdiction remains highly doubtful, especially

[1] Beigbeder, Y. (2005). *International Justice against Impunity: Progress and New Challenges.* Leiden, the Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers, 54.

[2] *Ibid*, 55.

considering the possibility of trials *in absentia* because of the use of «full» universal jurisdiction. The legal frameworks and jurisprudence of existing international and internationalized criminal courts and tribunals indicate prohibition and avoidance of international criminal trials *in absentia*. Moreover, in principle, in frames of international criminal proceedings, trials *in absentia* are not accepted (ICCPR, Art. 14(3); ICTY Statute, Art. 21(4)(d); ICTR Statute, Art. 20(4)(d); ICC Statute, Arts. 63, 67(1)(d)).

Thus, the issue on whether the presence of a suspect in the territory of a forum state is strictly required for the exercise of universal jurisdiction under existing international law will remain unresolved and unsure until either a corresponding case comes to an international tribunal, or an international treaty, or a recognized series of guidelines is accepted[1]. Now a prerequisite of the presence of an alleged offender for initiating criminal investigations based on universal jurisdiction remains highly welcomed and favourable for guaranteeing legitimacy of further court trial and safeguarding friendly relations between states concerned[2]. What is clear at the moment is that universal jurisdiction, including its form *in absentia*, is envisaged to serve the interests of the international community as a whole by replacing impunity with accountability, thus being an extremely important tool of fostering progressive development of international law towards human rights and justice. This demonstrates the urgent need in further development and improvement of international law and national legislation provisions on universal jurisdiction exercise, including the requirement of the presence of a suspect in the territory of a forum state.

Bibliography:

1. *Case Concerning Arrest Warrant of 11 April 2000* (Democratic Republic of Congo v. Belgium), Merits, Judgment of 14 February 2002, [2002] ICJ Rep., at 3, President Guillaume, *Separate Opinion*; Judges Higgins, Kooijmans and Buergenthal, Joint *Separate Opinion*; Judge *ad hoc* Van den Wyngaert, *Dissenting Opinion*.
2. Beigbeder, Y. (2005). *International Justice against Impunity: Progress and New Challenges.* Leiden, the Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers.
3. Cassese, A. (2001). *International Law.* Oxford: Oxford University Press.

[1] Chadwick, M. (2009). *Modern Developments in Universal Jurisdiction: Addressing Impunity in Tibet and Beyond.* International Criminal Law Review, Vol. 9, 393.

[2] Coombes, K. (2011). *Universal Jurisdiction: A Means to End Impunity or a Threat to Friendly International Relations*. The George Washington International Law Review, Vol. 43, 459.

4. Cassese, A. (2003). *Is the Bell Tolling for Universality? A Plea for a Sensible Notion of Universal Jurisdiction.* Journal of International Criminal Justice, Vol. 1, No. 3, 589.
5. Chadwick, M. (2009). *Modern Developments in Universal Jurisdiction: Addressing Impunity in Tibet and Beyond.* International Criminal Law Review, Vol. 9, 359.
6. Coombes, K. (2011). *Universal Jurisdiction: A Means to End Impunity or a Threat to Friendly International Relations*. The George Washington International Law Review, Vol. 43, 419.
7. *Final Report on the Exercise of Universal Jurisdiction in Respect of Gross Human Rights Offences*. (2000). Committee on International Human Rights Law and Practice, London Conference, ILA Report.
8. Inazumi, M. (2005). *Universal Jurisdiction in Modern International Law: Expansion of National Jurisdiction for Prosecuting Serious Crimes under International Law*. Antwerpen: Intersentia.
9. Lowe, V., Staker, C. (2010). *Jurisdiction.* In Evans, M.D. (ed.), *International Law* (Chapter 11). Oxford: Oxford University Press, 313.
10. O'Keefe, R. (2004). *Universal Jurisdiction: Clarifying the Basic Concept.* Journal of International Criminal Justice, Vol. 2, Issue 3, 735.
11. *Restatement (Third) of the Law of Foreign Relations of the United States*. (1986). American Law Institute, Vol. 1, 14 May 1986, §1-488.
12. Reydams, L. (2003). *Universal Jurisdiction. International and Municipal Legal Perspectives.* Oxford etc.: Oxford University Press.
13. Universal Jurisdiction: The Duty of States to Enact and Enforce Legislation. *Amnesty International.* <http://www.amnesty.org/en/library/asset/IOR53/017/2001/en/3c6e7c7b-d8ef-11dd-ad8c-f3d4445c118e/ior530172001en.html> (2014, March 15).
14. Yee, S. (2011). *Universal Jurisdiction: Concept, Logic, and Reality.* Chinese Journal of International Law, Vol. 10, 503.

Дмитрий Гречаный

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ВРЕМЕННОГО ВВОЗА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

The present article provides the analyses of the main stages of creation of the international legal regulations on temporary admission. The aims and objectives solved during that process are also reviewed. The characteristics of the key standards of proper customs procedures are given. Some last conventions considerably simplified application of corresponding procedures national custom administrations, and extended a range of countries, which apply them, as a necessity of tacking fell off to the large number of international agreements.

Институт временного ввоза товаров и транспортных средств является одним из важнейших элементов обеспечения развития международных экономических, культурных и научных связей, туризма и спорта. Его применение позволяет реализовать свободу перемещения физических лиц, международную торговлю услугами, культурный и научный обмен без применения ограничений в виде мер тарифного и нетарифного регулирования к товарам перемещаемых в рамках подобных процессов. С учетом того, что конкретные правоотношения, возникающие в рамках данного института, реализуются на территории нескольких стран (страны вывоза, страны временного ввоза, страны реэкспорта), эффективное применение соответствующих таможенных процедур невозможно без наличия соответствующих международно-правовых стандартов.

Вопросы международно-правовых стандартов таможенных процедур были предметом исследований ряда ученых-правоведов, таких, как С.В. Кивалов, А.Н. Козырин, Б.А. Кормич, И.М. Кулишер, В.В. Ченцов и других. Однако, на наш взгляд, важным является не только анализ структуры самих международно-правовых стандартов, но и динамики их развития, поскольку это позволяет охарактеризовать те цели и задачи, которые решались в процессе создания данных стандартов.

Формирование международно-правовых норм, регулирующих вопросы временного ввоза, началось в самых ранних многосторонних соглашениях по вопросам таможенных процедур в 20-е гг. XX столетия. В этом время под эгидой Лиги Наций подписываются два многосторонних соглашения – Барселонская Конвенция и

статут о свободе транзита 1921 г. и Международная конвенция об упрощении таможенных формальностей (Женева, 1923 г.).

Именно в Конвенции 1923 г. впервые были установлены многосторонние правила, касающиеся временного ввоза товаров, которые содержались в ст.ст. 10 и 16 и приложении к ст. 16 данной Конвенции[1]. В частности, ст. 10 Конвенции 1923 г. предусматривала, что образы, импортируемые производителями или продавцами непосредственно, либо через торговых представителей, должны временно допускаться на территорию стран-участниц с освобождением от уплаты таможенных платежей. При этом в качестве обеспечения обратного вывоза могли применяться внесение депозита в сумме импортной таможенной пошлины или предоставление гарантий платежа. Предусматривалось, также, применение унифицированного документа – Идентификационной карты для лиц перемещающих подобные товары.

Таким образом, Конвенция 1923 г. заложила основные подходы к урегулированию вопросов временного ввоза, которыми стали унификация таможенных процедур и документов, а так же широкое международное сотрудничество.

Однако, периодом формирования современных правил временного ввоза стали 50-е гг. XX в., а основная роль в данном процессе принадлежит трем международным институциям: ООН в лице ряда своих специализированных агентств, Секретариат ГАТТ 1947, и созданный в 1953 г. Совет таможенного сотрудничества (Ныне – Всемирная таможенная организация).

Ключевым же фактором стало существенное увеличение объемов международной торговли под влиянием ГАТТ 1947. Общие принципы либерализации внешнеторгового режима, заложенные в это соглашение, вынудили страны-участницы искать дополнительные средства содействия развитию экономических связей. Одним из этих путей, явившимся прямым продолжением идей, заложенных в таможенные конвенции 1920-х гг., стало создание механизмов временного ввоза товаров с рекламными целями. Это было реализовано в Международной конвенции по содействию импорту коммерческих образцов и рекламных материалов от 7 ноября 1952 г., в преамбуле которой декларировалось, что «установление унифицированных правил импорта образцов товаров всех видов (природных

[1] *International Convention relating to the Simplification of Customs Formalities, and Protocol of Signature* (Geneva, 3 November 1923). Australian Treaty Series. No. 14.

или промышленных изделий) либо рекламных материалов будет содействовать расширению международной торговли»[1].

Однако эффективной реализации Конвенции 1952 г. препятствовала необходимость внесения депозитов при временном ввозе товаров, что увеличило финансовые издержки. Решение этой проблемы было предложено в рамках Таможенной конвенции о карнетах для коммерческих образцов, подписанной в Брюсселе 1 марта 1956 г. под эгидой Совета таможенного сотрудничества (СТС)[2]. И хотя данная Конвенция не имала широкого признания, она примечательна тем, что в ее рамках был впервые предложен механизм гарантирования уплаты таможенных платежей, базирующийся на унифицированном документе и международной системе гарантий. Подобный документ получил название «E.C.S. carnet». Аббревиатура E.C.S. означала сокращение от французского и английского названия *Echantillons commerciaux-Commercial Samples* – «коммерческие образцы». Карнеты E.C.S. выдавались «ассоциациями-гарантами» в стране экспорта образцов и принимались таможенной администрацией страны воза в качестве гарантий уплаты таможенных платежей.

В то время, как ГАТТ и СТС акцентировали внимание на содействии развитию торговли, в центре внимания ООН оказались вопросы развития международного транспорта и туризма. В 1954 г. по инициативе ЭКОСОС была проведена Конференция ООН по таможенным формальностям в отношении временного ввоза частного автотранспорта и туризма, в которой принимали участие 47 государств и еще 8 были привлечены в качестве наблюдателей[3]. Одним из результатов этой конференции стало подписание 4 июля 1954 г. Конвенции о таможенных формальностях для туристов, которая предусматривала временный ввоз личных вещей туристов с освобождением от импортных таможенных пошлин и сборов[4].

Кроме того, важным результатом данной конференции стало подписание, разработанная при участие Экономической комиссии ООН

---

[1] *International Convention To Facilitate The Importation Of Commercial Samples And Advertising Material* (1955). (Geneva, November 7, 1952) Treaty Series No. 81. London: Her Majesty's Stationery Office.

[2] *Customs Convention regarding Carnets for Commercial Samples (with Protocol of Signature)* (1959) (Brussels, March I, 1956) Treaty Series No. 29. London: Her Majesty's Stationery Office.

[3] *Final Act of the United Nations Conference on Customs Formalities for the Temporary Importation of Private Road Motor Vehicles and for Tourism. Signed at the Headquarters of the United Nations* (New York, on 4 June 1954) 276 UNTS No. 3992.

[4] *Convention Concerning Customs Facilities For Touring* (1957) (done At New York, On 4 June 1954) 276 UNTS No. 3992.

для Европы, Таможенной конвенции о временном ввозе частных наземных транспортных средств[1]. Этой Конвенцией помимо освобождения от уплаты таможенных пошлин временного ввоза частных транспортных средств для физических лиц-нерезидентов, устанавливался универсальный документ – *«carnet de passages en douane»*, позднее получивший сокращенное название Карнет CPD. Предназначением данного Карнета стало гарантирование уплаты ввозных таможенных пошлин и налогов, а так же возможных таможенных штрафов, в случае возникновения оснований для их наложения.

Вообще, период середины 50-х – начала 60-х гг. XX в. стал определяющим для формирования унифицированных международных стандартов института временного ввоза, действие которого было расширено на многие группы товаров и транспортных средств.

Так, в 1956 г. процедура временного ввоза с применением Карнета CPD была распространена на коммерческие наземные транспортные средства, воздушные суда и прогулочные суда, используемые для частных целей. Это произошло после подписания в 18 мая 1956 г. в Женеве Таможенной конвенции о временном ввозе коммерческих наземных транспортных средств[2] и Таможенной конвенции о временном ввозе для частного использования воздушных транспортных средств и прогулочных судов.

Вообще, необходимо отметить важную роль Экономической комиссии ООН для Европы в формировании современных правил временного ввоза, которые оказали огромное влияние на упрощение международных перевозок. Кроме упомянутых выше вопросов временного ввоза личных вещей и транспортных средств, важным направлением стало упорядочение временного ввоза оборудования используемого для транспортировки грузов – контейнеров и поддонов (паллет).

В этом аспекте следует выделить еще один результат, достигнутый в рамках переговорв в Женеве в 1956 г. – Таможенную конвенцию о контейнерах[3]. Характерным является то, что в рамках данной Конвенции был урегулирован целый комплекс вопросов,

---

[1] *Customs Convention On The Temporary Importation Of Private Road Vehicles* (done at Geneva on 4 June 1954) United Nations Economic Commission For Europe. ITC. <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/trans/conventn/impprive.pdf>.

[2] *Customs Convention On The Temporary Importation Of Commercial Road Vehicles* (signed at Geneva on 18 May 1956) United Nations Economic Commission For Europe ITC. <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/trans/conventn/impcom-e.pdf>.

[3] *Customs Convention On Containers* (done At Geneva, On 18 May 1956) 338 UNTS No. 4834.

связанных с перемещением контейнеров через таможенные границы, который охватывал технические стандарты, процедуры таможенного оформления и вопросы обеспечения соблюдения таможенного законодательства.

Так, в частности Конвенция содержала технические требования к устройству контейнеров, двух категорий. Первая (ст.1) устанавливая критерии к контейнерам, как предметам транспортного оборудования (возможность повторного использования, возможность перемещения несколькими видами транспорта, наличие средств для обработки, удобство наполнения и опорожнения и т.д.)

Вторая группа критериев была направлена на предотвращения незаконного доступа к товарам, перевозимым в контейнерах под таможенным контролем (ст. 4) и касалась соответствующих требований к их устройству (запорные устройства, отсутствие скрытых полостей, надежность крепления составных частей, размеры вентиляционных отверстий и т.д.).

Статья 2 Конвенции о контейнерах устанавливала освобождение от уплаты таможенных пошлин, налогов, применения ввозных запретов и ограничений и предусматривала модели перемещения контейнеров через таможенную границу: ввоз загруженными, с последующим реэкспортом пустыми либо загруженными; или временный ввоз пустыми с целью реэкспорта загруженными. Исключением являлся ввоз контейнеров с целью покупки резидентом страны ввоза.

Несколько иной порядок реализации временного ввоза был предусмотрен Европейской конвенцией о таможенном режиме для поддонов, которые используются в международных перевозках, подписанной 9 декабря 1960 г.[1] В соответствии со ст. 2 данной Конвенции разрешался ввоз поддонов (паллетов) без уплаты ввозных таможенных пошлин и без применения ввозных ограничений и запретов по нескольким типовым моделям перемещения через таможенную границу: 1) если паллеты были ранее вывезены либо будут впоследствии вывезены; 2) если эквивалентное количество паллет такого же типа и стоимости было ранее ввезено, либо будет впоследствии вывезено.

Таким образом, в рамках Конвенции о поддонах был предложена специфическая процедура временного ввоза, которая базируется не на обязательствах о реэкспорте конкретных товаров, а на учете

[1] *European Convention On Customs Treatment Of Pallets Used In International Transport* (done at Geneva on 9 December 1960) UN Economic Commission For Europe. ITC. E/ECE/396 E/ECE/TRANS/519. <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/trans/conventn/pallette.pdf>.

общего количества идентичных товаров, ввозимых и вывозимых с таможенной территории.

Наконец, к этому же типу применения режима временного ввоза можно отнести и Таможенную конвенцию о временном ввозе упаковок, подписанную в 1960 г. при содействии СТС и ГАТТ[1]. В рамках этой Конвенции предоставлялся временный ввоз упаковок, под которыми понимались все предметы, которые используются, либо будут использоваться как упаковка в стране ввоза, в перечень которых входили: держатели, используемые как внешнее, либо внутреннее покрытие товаров, держатели на которые товары наматываются, подвешиваются либо прикрепляются.

Как мы видим, благодаря системе международных соглашений к началу 60-х гг. XX ст. была создана система правовых норм, составляющих институт временного ввоза определенных видов товаров и транспортных средств. С одной стороны формирование подобной системы значительно расширило применение временного ввоза во внешнеэкономической деятельности и международном транспорте. Однако, по каждому виду товара существовала отдельна процедура временного ввоза, что сохраняло достаточно сложную систему таможенных формальностей, которые устанавливались, как правило, национальным законодательством.

Кроме того, сложившаяся система была ориентирована на решение проблем перемещения товаров и транспортных средств, однако не учитывала начавшийся значительный рост торговли услугами и, связанное с этим перемещение рабочей силы между разными странами. Таким образом, важными задачами стала универсализация таможенных процедур временного ввоза и создание механизмов временного ввоза товаров для обеспечения торговли услугами и гуманитарных связей.

Так, расширение номенклатуры товаров, разрешенных к временному ввозу рассматривалось в рамках взаимодействия СТС, ГАТТ, Европейской экономической комиссии ООН и ЮНЕСКО. В частности, Таможенная конвенция о льготах, предоставляемых при ввозе товаров предназначенных для демонстрации или использования на выставке, ярмарке, конгрессе или подобном мероприятии (Брюссель, 8 июня 1961 г.) предусмотрела возможность временного ввоза товаров на срок до шести месяцев для демонстрации на соответствующих мероприятиях[2].

---

[1] *Customs Convention on the Temporary Importation of Packings* (done at Brussels on 6 October 1960)/ <http://english.customs.go.kr/html/kor/_down/packings.pdf>.

[2] *Customs Convention concerning facilities for the importation of goods for display*

В соответствии же с Таможенной конвенцией о временном ввозе профессионального оборудования[1], подписанной в тот же день, режим временного ввоза предоставлялся широкому кругу товаров, перечень которых охватывался тремя приложениями. Приложение А устанавливало правила временного ввоза оборудования для прессы, телевидения и радиовещания, Приложение В – для кинематографического оборудования. Наконец, Приложение С касалось категории «иное профессиональное оборудование», под которым понималось оборудование, необходимое для осуществления призвания, торговли либо профессии лица, посещающего страну для выполнения поставленного задания.

Вместе с тем, подписанные конвенции не снимали проблему применения финансовых гарантий уплаты таможенных платежей, и только содержали ограничение этой суммы размером не превышавшим размер надлежащих таможенных платежей на 10% (например, ст. 3 Конвенции о профессиональном оборудовании). Учитывая это обстоятельство, в конвенции было заложена оговорка относительно возможного расширения форм и способов обеспечения временного ввоза. Например, ст. 9 Конвенции о профессиональном оборудовании, отмечалос, что ее положения устанавливали минимальные возможности, которые должны предоставляться, и подчеркивалось, что это не препятствует введению больших возможностей, которые могут предоставляться на базе национального законодательства, либо в рамках двухсторонних или многосторонних соглашений.

Подобные большие возможности предоставила Конвенция о Карнете А.Т.А., которую можно считать наиболее важным, на тот период, результатом сотрудничества между СТС и Секретариатом ГАТТ-47. Именно Конвенция А.Т.А. определила универсальные порядок и принципы применения режима временного ввоза в отношении широкого круга товаров.

В частности на необходимость решения подобных задач указывалось в отчете группы экспертов ГАТТ, которые рассматривали проект Конвенции А.Т.А. В частности, в данном отчете (п.п. 13, 14) указывались такие основные позиции:

– отмечалась важность Конвенции А.Т.А., как для торгового сообщества, так и для правительств стран-участниц;

---

or use at exhibitions, fairs, meetings or similar events (1962) (done at Brussels on 8 June, 1961). *Tractatenblad Van HetKoninkrijk Der Nederlanden*. Jaargang, Nr. 109.

[1] *Customs Convention on the Temporary Importation of Professional Equipment* (done at Brussels on 8 June 1961) <http://english.customs.go.kr/html/kor/_down/proequip.pdf>.

– указывалось, что технические положения Конвенции А.Т.А. базируются на опыте, полученном от использования Карнета E.C.S. для временного ввоза коммерческих образцов, что с точки зрения экспертов ГАТТ было ценным дополнением к процедурам временного ввоза товаров;

– отмечалось, что новый карнет А.Т.А. мог бы использоваться не только в связи с конвенциям о временном ввозе, но также и для национальных процедур обеспечения временного ввоза, на усмотрение сторон конвенции[1].

Таким образом, изначально подчеркивались два аспекта разработки картнета А.Т.А. Во-первых, это последовательность в использовании позитивного опыта международной системы гарантий и унификации таможенных документов, наработанного в предыдущие годы. Во-вторых – возможность расширения использования карнета А.Т.А. в рамках национальных таможенных процедур, даже в случаях, прямо не предусмотренных соответствующей конвенцией.

Конвенция А.Т.А. была подписана 6 декабря 1961 г. и вступила в силу 30 июля 1963 г.[2] Именно с данного момента институт временного ввоза приобрел современный вид, получив целый набор стандартизированных элементов: документация используемая при таможенном оформлении; порядок обеспечения уплаты платежей; срок применения; основания прекращения обязательств и т.д. Кроме того, этот период окончательно утвердилось роль Международной торгово-промышленной палаты и национальных торгово-промышленных палат в качестве ассоциаций выдающих карнеты для временного ввоза и предоставляющих гарантии.

Важную роль в формировании института временного ввоза стало расширение применения временного ввоза на товары в зависимости от целей использования. Например, Таможенная конвенция о материалах для обеспечения благосостояния мореплавателей 1964 г., регламентировала временный ввоз товаров, необходимых для культуры, образования, отдыха, отправления религиозных обрядов и занятий спортом членов экипажей морских судов, осуществляющих

---

[1] *Customs Convention on Temporary Importation of Professional Equipment and Draft Customs Convention on The A.T.A. Carnet for the Temporary Admission of Goods* (Eighteenth Session. 15-19 May 1961). Report of the Group of Experts on Temporary Admission. General Agreement on Tariffs and Trade. CONTRACTING PARTIES L/1476. <http://www.wto.org/gatt_docs/English/SULPDF/90740261.pdf>.

[2] *Customs Convention on the A.T.A. Carnet for the temporary admission of goods* (done at Brussels on 6 December 1961). <http://www.wcoomd.org/en/about-us/legal-instruments/conventions.aspx>.

международные перевозки. Перечень этих товаров включает в себя печатные издания, аудиовизуальные материалы, спортивный инвентарь и предметы культа[1].

В 1968 г. СТС во взаимодействии с ЮНЕСКО была создана Таможенная конвенция о временном ввозе научного оборудования[2], которой определялись категории товаров (инструментов, аппаратуры и приспособлений), которые могут временно ввозиться без уплаты таможенных платежей и применения административных ограничений с целями проведения научных исследований и образования. А двумя годами позже к этому списку добавилась Таможенная конвенция о временном ввозе педагогического оборудования[3], которой устанавливались соответствующие правила относительно средств и материалов, используемых для целей образования и профессиональной подготовки, в частности моделей, инструментов, аппаратов, машин и приспособлений.

Интересным аспектом двух последних конвенций была оговорка о возможности отказа во временном ввозе товаров, если аналоги аналогичного качества производились на территории страны ввоза. Таким образом, достаточно неожиданно, в институт временного ввоза были интегрированы положения направленные на защиту национальных производителей, путем ограничения конкуренции со стороны иностранных товаров, которые могли использоваться в режиме временного ввоза.

Созданные в 60-х гг. XX в. универсальные стандарты и процедуры временного ввоза обширных категорий товаров и транспортных средств обусловили утверждение института временного ввоза в международном и национальном законодательстве.

Дальнейшие меры, в первую очередь в рамках СТС (с 1994 г. – Всемирной таможенной организации) были направлены на дальнейшие упрощение и гармонизацию процедур временного ввоза. Логическим завершением этого процесса стало подписание 26 июля 1990 г. Стамбульской конвенции о временном ввозе, которая обеспечивала большую унификацию в данной сфере. Одновременно,

---

[1] Customs Convention concerning Welfare Material for Seafarers (1966) (done at Brussels on 1 December, 1964). *Tractatenblad Van Het Koninkrijk Der Nederlanden*. – Jaargang, Nr. 117.

[2] Customs Convention on the temporary importation of scientific equipment (1969) (done at Brussels on 11 June, 1968). *Tractatenblad Van Het Koninkrijk Der Nederlanden*. Jaargang 1969, Nr. 130.

[3] Customs Convention on the temporary importation of pedagogic material (1971) (done in Brussels on 8 June 1970). *Tractatenblad Van Het Koninkrijk Der Nederlanden*. Jaargang, Nr. 122.

Стамбульская конвенция полностью заменила девять из вышеперечисленных таможенных конвенций по временному ввозу и внесла изменения в ряд положений еще трех оставшихся. Все это значительно упростило применение соответствующих процедур национальными таможенными администрациями, и расширило круг стран, которые их применяют, поскольку отпала необходимость присоединения к большому числу международных соглашений.

Литература:

1. Convention Concerning Customs Facilities For Touring (1957) (done At New York, On 4 June 1954) 276 UNTS No. 3992.
2. Customs Convention concerning facilities for the importation of goods for display or use at exhibitions, fairs, meetings or similar events (1962) (done at Brussels on 8 June, 1961). *Tractatenblad Van HetKoninkrijk Der Nederlanden*. Jaargang, Nr. 109.
3. Customs Convention concerning Welfare Material for Seafarers (1966) (done at Brussels on 1 December, 1964). *Tractatenblad Van Het Koninkrijk Der Nederlanden*. – Jaargang, Nr. 117.
4. Customs Convention On Containers (done At Geneva, On 18 May 1956) 338 UNTS No. 4834.
5. Customs Convention on Temporary Importation of Professional Equipment and Draft Customs Convention on The A.T.A. Carnet for the Temporary Admission of Goods (Eighteenth Session. 15-19 May 1961). Report of the Group of Experts on Temporary Admission. General Agreement on Tariffs and Trade. CONTRACTING PARTIES L/1476. <http://www.wto.org/gatt_docs/English/SULPDF/90740261.pdf>.
6. Customs Convention on the A.T.A. Carnet for the temporary admission of goods (done at Brussels on 6 December 1961). <http://www.wcoomd.org/en/about-us/legal-instruments/conventions.aspx>.
7. Customs Convention On The Temporary Importation Of Commercial Road Vehicles (signed at Geneva on 18 May 1956) United Nations Economic Commission For Europe ITC. <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/trans/conventn/impcom-e.pdf>.
8. Customs Convention on the Temporary Importation of Packings (done at Brussels on 6 October 1960)/ <http://english.customs.go.kr/html/kor/_down/packings.pdf>.
9. Customs Convention on the temporary importation of pedagogic material (1971) (done in Brussels on 8 June 1970). *Tractatenblad Van Het Koninkrijk Der Nederlanden*. Jaargang, Nr. 122.
10. Customs Convention On The Temporary Importation Of Private Road Vehicles (done at Geneva on 4 June 1954) United Nations Economic Commission For Europe. ITC. <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/trans/conventn/impprive.pdf>.
11. Customs Convention on the Temporary Importation of Professional Equipment (done at Brussels on 8 June 1961) <http://english.customs.go.kr/html/kor/_down/proequip.pdf>.

12. Customs Convention on the temporary importation of scientific equipment (1969) (done at Brussels on 11 June, 1968). *Tractatenblad Van Het Koninkrijk Der Nederlanden*. Jaargang 1969, Nr. 130.
13. Customs Convention regarding Carnets for Commercial Samples (with Protocol of Signature) (1959) (Brussels, March I, 1956) Treaty Series No. 29. London: Her Majesty's Stationery Office.
14. European Convention On Customs Treatment Of Pallets Used In International Transport (done at Geneva on 9 December 1960) UN Economic Commission For Europe. ITC. E/ECE/396 E/ECE/TRANS/519. <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/trans/conventn/pallette.pdf>.
15. Final Act of the United Nations Conference on Customs Formalities for the Temporary Importation of Private Road Motor Vehicles and for Tourism. Signed at the Headquarters of the United Nations (New York, on 4 June 1954) 276 UNTS No. 3992.
16. International Convention relating to the Simplification of Customs Formalities, and Protocol of Signature (Geneva, 3 November 1923). Australian Treaty Series. No. 14.
17. International Convention To Facilitate The Importation Of Commercial Samples And Advertising Material (1955). (Geneva, November 7, 1952) Treaty Series No. 81. London: Her Majesty's Stationery Office.

Константин Громовенко

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПЕРСОНАЛА ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

International legal issues on the status of personnel of private military and security companies (PMSC) in times of international armed conflicts, the awarding of combatant status to PMSC personnel are analysed in the article.
It is grounded that under conditions of international conflicts the interpretation of existing normative criteria to PMSC personnel is possible for qualification of: a) PMSC personnel as combatants; b) their acts in combatant status as such that violate the laws and customs of war; c) differentiation of PMSC personnel between combatants and the rest; d) PMSC personnel, which does not bear combatant status but lawfully exercises certain functions (security, logistic, humanitarian) in armed conflict; e) in certain cases PMSC personnel as persons who illegally take part in an armed conflict and are not combatants. There is an objective need in changing criteria for classification of combatants and supplement of their list with PMSC personnel.
It is proven that the existence of a domestic legal act on the inclusion of PMSC into the armed forces is a lawful ground for inclusion and thus belonging of both foreign and domestic PMSC personnel to combatants. The existence of such a legal act is a sufficient ground for PMSC identification as a constitutive part of the armed forces of a respective state.
Conditions and legal consequences of PMSC inclusion (or its part) into the armed forces are compliance with provisions of para. 1 Art. 43 of the Additional Protocol I, in particular: being under a command responsible to that Party for the conduct of its subordinates; being subject to an internal disciplinary system which, 'inter alia', shall enforce compliance with the rules of international law applicable in armed conflict. Herewith, members of the armed forces of a Party to a conflict (other than medical personnel and chaplains) are combatants, that is to say, they have the right to participate directly in hostilities.
It is defined that in case of inclusion into the armed forces, PMSC personnel exercising medical and sanitary, or informational functions can be referred to non-combatants.
It is grounded that recognition of PMSC personnel as combatants is possible because of its inclusion to members of other militias and members of other volunteer corps (which do not belong to personnel of the armed forces of any Party to the conflict), including personnel of organized resistance movements, belonging to a Party to the conflict and operating in or outside their own territory, even if this territory is occupied (para. 2 Art. 4 of Geneva Convention III). For gaining combatant status personnel has to meet the conditions of organization and legitimacy (presence of a command, having a fixed distinctive sign, carrying arms openly and compliance with the laws and customs of war).

Проблематика правового статуса персонала частных военных и охранных предприятий (ЧВОП) является частью общей проблемы правового статуса негосударственных субъектов в вооруженных конфликтах. Участие негосударственных субъектов в вооруженных конфликтах вызывает ряд вопросов в отношении соблюдения ими международного гуманитарного права (МГП), в частности, уважения к покровительствуемым лицам, таким как гражданские лица. Все эти вопросы, рассматриваемые с точки зрения привлечения негосударственных субъектов к ответственности за нарушения МГП, вызывали и вызывают все более растущий интерес со стороны исследователей и ученых[1]. Несмотря на то, что негосударственные субъекты в той или иной степени участвовали в вооруженных конфликтах, их роль и характеристики, равно как и потенциальные угрозы, исходящие от их участия в конфликтах, несомненно претерпевают определенные изменения. Это касается в значительной мере ЧВОП. В настоящее время не вызывает сомнений возможность и способность ЧВОП влиять на безопасность и благополучие миллионов людей в зонах, где происходят вооруженные конфликты. В этой связи важным является правовой статус ЧВОП и их персонала, их способность соблюдать нормы МГП в процессе своей деятельности в период вооруженного конфликта.

Следует отметить, что в условиях вооруженного конфликта первичным является не правовой статус ЧВОП, а статус его персонала. На наш взгляд, не является аксиомой абсолютная невозможность принадлежности персонала ЧВОП к комбатантам только на том основании, что они относятся к негосударственным акторам, как указывают отдельные авторы[2]. Речь может только идти, что персо-

---

[1] См., например, Clapham, A. (2006). Human Rights Obligations of Non-State Actors in Conflict Situations. *INT'L REV. RED CROSS,* 88, 491; Michelle, L. Mack (2003). Compliance with International Humanitarian Law by Non-State Actors in Non-International Armed Conflicts. *International Humanitarian Law Research Initiative (Working Paper)*. <http://ihl.ihlresearch.org/_data/n_0002/resources/live/briefing3293.pdf> (2013, май, 15); Ryngaert, C. (2008). *Non-State Actors and International Humanitarian Law*. <https://www.law.kuleuven.be/ iir/nl/onderzoek/wp/WP146e.pdf> (2013, май, 15); Higgins, N. (2009). The regulation of Armed Non-State Actors: Promoting the Application of the Laws of War to Conflicts Involving National Liberation Movements. *Human Rights Brief*. <http://www.wcl.american.edu/hrbrief/17/1higgins.pdf?rd=1> (2013, май, 15), и др.

[2] «Несмотря на организованный характер и вооруженность ЧВОК, они не отвечают требованиям, предъявляемым к вооруженным силам (ст. 43 Дополнительного протокола I), уже только потому, что являются негосударственными акторами. Тем более, когда ЧВОК состоят из иностранных граждан или имеют интернациональный состав, никаким образом не связанным со сто-

нал ЧВОП в силу своей принадлежности к ЧВОП, автоматически не является комбатантом[1], но может им стать при дополнительных условиях, речь о которых пойдет ниже. Причем, эти условия различаются не только от вида вооруженного конфликта, но и от категории комбатантов. Как указывает В. В. Гаврилов, сотрудники ЧВОП «в зависимости от характера выполняемых ими задач и конкретной ситуации они могут быть как причислены к числу комбатантов, так и иметь статус гражданских лиц»[2].

Как правильно отмечает А.А. Сырхаев, существуют противоположные точки зрения по вопросу определения статуса частных военных и охранных компаний как участников вооруженного конфликта. Ученый рассматривает возможность отнесения персонала ЧВОП к различным категориям, предусмотренным МГП: 1) члены регулярных вооруженных сил, 2) гражданские лица, 3) гражданские лица, следующие за вооруженными силами[3].

Деятельность ЧВОП в период вооруженного конфликта порождает несколько важных проблем обусловленных особенностями правового регулирования вооруженного конфликта в целом и недостаточным уровнем регламентации правового статуса и режима ЧВОП и его персонала, особенно в случае деятельности ЧВОП от имени и по поручению государства. К ним относится проблема соблюдение международного права прав человека[4] и МГП в период вооруженного конфликта в связи с участием в нем ЧВОП, ответственности персонала ЧВОП за нарушения норм международного права прав человека и МГП в процессе своей деятельности. Как указывал в этой связи Заместитель Верховного комиссара ООН по

роной, находящейся в конфликте». Котляров, И. И., Пузырева, Ю. В. (2013). Негосударственные вооруженные группы и международное гуманитарное право. *Московский журнал международного права*, *3 (90),* 8.

[1] Поскольку статус комбатанта возможен исключительно в случае вооруженного конфликта международного характера.

[2] См.: Гаврилов, В. В. (2010). Правовое положение частных военных и охранных компаний: задачи международного и национального регулирования. *Российский ежегодник международного права*. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 333.

[3] Сырхаев, А. А. (2013). *Ответственность частных военных и охранных компаний в международном гуманитарном праве* (Автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.10 – Международное право. Европейское право) М.: ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов»), 9.

[4] В случае вооружённого конфликта международное гуманитарное право применяется вместе с международным правом защиты прав человека. *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory* (Advisory Opinion) 2005 ICJ Para. 106.

правам человека Кюнг-ва Канг на заседании Межсессионной межправительственной рабочей группы открытого состава по рассмотрению возможности создания международной нормативной базы для регулирования, мониторинга и контроля деятельности частных военных и охранных компаний, отсутствие четкой юридической регламентации статуса ЧВОП в период ведения вооруженных конфликтов, неоднозначное определение их правового положения как комбатантов или как гражданского населения несет в себе риск стирания фундаментального для МГП и гуманитарной деятельности различия между этими двумя категориями лиц[1].

Важным вопросом является и определение установление правовой связи между государством и ЧВОП в случае участия последнего вооруженном конфликте, опосредованном в статусе персонала ЧВОП в качестве комбатантов или гражданского населения, для определения связанности ЧВОП нормами международного права защиты прав человека. Отвечая на вопрос, связаны ли сотрудники ЧВОП связаны в своей деятельности международными нормами о защите прав человека В. Н. Русинова указвает, что на этот вопрос можно дать утвердительный ответ с оговоркой, что это применимо к тем случаям, когда действия таких лиц могут быть вменены государству. В остальных случаях решение данного вопроса зависит от законодательства лицензирующего государства, государства, где они осуществляют деятельность и государства, которое заключило соответствующий контракт, потому что относится к сфере «позитивных обязательств» государств по соблюдению международных договоров и обычаев в сфере защиты прав человека[2].

В настоящее время, международно-правовых норм, непосредственно закрепляющих права и обязанности персонала ЧВОП как отдельной и самостоятельной категории в МГП не существует. Что, в свою очередь не исключает идентификацию их как более широкой категории лиц в рамках международного гуманитарного права.

---

[1] *Вступительное слово Заместителя Верховного комиссара ООН по правам человека Кюнг-ва Канг на заседании Межсессионной межправительственной рабочей группы открытого состава по рассмотрению возможности создания международной нормативной базы для регулирования, мониторинга и контроля деятельности частных военных и охранных компаний*. <http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=11059&LangID=R> (2013, февраль, 20).

[2] Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, *5*. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

Следует отметить, что Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. (ЖК) с Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 10 июля 1977 года (ДП I) определяют статус любых лиц в период вооруженного конфликта международного характера – либо комбатанты (или некомбатанты), либо гражданское население[1]. Согласно ДП I, «гражданским лицом является любое лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в статье 4. А. 1, 2, 3 и 6 Третьей конвенции и в ст. 43 настоящего Протокола» (п. 1 ст. 50). Таким образом, любое лицо, не являющееся комбатантом, является гражданским лицом. Насколько такая классификация объективно отражает фактически сложившуюся ситуацию, когда к гражданским лицам необходимо относить лиц, систематически участвующих в вооруженном конфликте, и фактически нарушающих действующие нормы международного гуманитарного права (наемники, члены международных террористических операций, персонал ЧВОП), именуемых «незаконными комбатантами»[2] является темой для научной дискуссии, особенно в отношении целесообразности внесения соответствующих изменений в международное гуманитарное право. В этой связи трудно не согласиться с К.У. Уоткиным о наличии многочисленных сложностей в применении четкого различия между комбатантом и гражданским лицом: в формулировании ясных и полных критериев для статуса комбатанта; в определении достаточного количества критериев, позволяющих считать, что гражданское лицо принимает непосредственное участие в военных действиях; учет присутствия гражданских лиц в зоне боевых действий или их участия в военных усилиях государства[3].

Что касается персонала ЧВОП, то на наш взгляд, с учетом фактической ситуации их деятельности в условиях вооруженных конфлик-

---

[1] Наш взгляд, в эту дихотомическую классификацию не вполне укладываются наемники.

[2] Короткий, Т. Р. (2009). К вопросу о правомерности применения термина «незаконный комбатант». Ред. коллегия.: Кивалов С. В. (гл. ред.) и др. *Альманах международного права*. О.: Фенікс, 203 – 220.; Короткий, Т. Р. (2009). Понятие «незаконные комбатанты» и их правовой статус. *Наукові праці Одеської національної юридичної академії*, *8*, Одеса: Юридич. л-ра., 242 – 251.

[3] Уоткин, К. У. (2003). Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. *Подтверждение и развитие международного гуманитарного права: материалы для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме (Кембридж, 27–29 июня 2003 г.)*. <http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc > (2013, февраль, 20).

тах вопрос состоит в: 1) возможности интерпретации существующих нормативных критериев к персоналу ЧВОП: а) в отношении классификации их как комбатантов; б) квалификация их действий как нарушающих законы и обычаи войны в статусе комбатантов; в) дифференциации персонала ЧВОП, на относящихся к комбатантам и не относящихся к ним[1]; г) персонал ЧВОП, не являющийся комбатантом, но правомерно выполняющим в условиях вооруженного конфликта определенные функции (охранные, логистические, гуманитарные); д) квалификации в определенных случаях персонала ЧВОП как лиц, незаконно участвующих в вооруженном конфликте, не являющихся комбатантами; 2) необходимости изменения критериев для классификации комбатантов или дополнения их перечня персоналом ЧВОП.

Мы не вполне согласны с В. В. Гавриловым в отношении того, что «Международное гуманитарное право идентифицирует своих субъектов и наделяет их определенным статусом в зависимости, прежде всего, от того являются ли они комбатантами или гражданскими лицами, а не в силу их принадлежности к определенным структурам»[2]. Как раз принадлежность к определенным структурам и может служить необходимым (но не достаточным) основанием наделения лиц статусом комбатанта, как это имеет место в случае принадлежности лиц к вооруженным силам. На это указывает и п. 5. ст. 44 ДП I, в соответствии с которой «Любой комбатант, который попадает во власть противной стороны, когда он не участвует в нападении или в военной операции, являющейся подготовкой к нападению, не теряет своего права считаться комбатантом и военнопленным в силу совершенных им ранее действий». Однако относительно статуса персонала ЧВОП высказывание профессора В.В. Гаврилова абсолютно верно – принадлежность к персоналу ЧВОП не позволяет однозначно трактовать лицо как комбатанта (как и в случае принадлежности к вооруженным силам лицо может относится к гражданским лицам или некомбатантам). Хотя, с другой, стороны, как представляется, принадлежность к легализированным ЧВОП путем их включения в состав вооруженных сил стороной конфликта, обусловливает наделение их персонала статусом комбатантов.

---

[1] Следует также отметить неоднородность личного состава вооруженных сил, включающих некомбатантов.

[2] Гаврилов, В. В. (2010). Правовое положение частных военных и охранных компаний: задачи международного и национального регулирования. *Российский ежегодник международного права*. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 332.

До непосредственного рассмотрения статуса и оснований отнесения к определенной категории персонала ЧВОП следует отметить, что их статус (как и критерии отнесения к этому статусу) будут зависеть от вида вооруженного конфликта – вооруженный конфликт международного характера, вооруженный конфликт немеждународного характера, в меньшей степени интернационализированный конфликт. На данное обстоятельство абсолютно обоснованно обращают внимание многие авторы[1]. Например, В.Н. Русинова указывает, что «В свете норм jus in bello статус сотрудников частных военных и охранных компаний зависит от классификации вооружённого конфликта в качестве международного или немеждународного, и от вида деятельности, которую они осуществляют»[2].

Категория «комбатант» применяется в случае вооруженного конфликта международного характера, правовой статус персонала ЧВОП в процессе которого следует рассматривать отдельно от правового статуса ЧВОП в период вооруженного конфликта немеждународного характера.

При этом, в контексте нашего анализа имеет важное значение определение понятия «комбатант» и его видового разнообразия.

Как правило, для определения понятия, критериев, условий принадлежности к комбатантам применяют ст. 4 Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года (ЖК III) и ст. 43 ДП I. Однако, в них испльзуеся различная формулировка. В ст. 43 ДП I говорится о **вооруженных силах** в собирательном смысле, и формулируются общие критерии, которым входящие в их состав подразделения должны соответствовать (п. 1 ст. 43 ДП I), с указанием в п. 2 ст. 43 ДП I что «Лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте…, являются комбатантами, то есть они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях», т.е. принадлежность к вооруженным силам (отвечающим условиям п. 1 ст. 43 ДП I) является единственным условием наделения лица статусом комбатанта (за исключением некомбатантов). Как нам кажется, в определеном смысле произошла деперсонификация комбатанта по сравнению с ст. 4 ЖК III.

---

[1] Котляров, И. И., Пузырева, Ю. В. (2013). Негосударственные вооруженные группы и международное гуманитарное право. *Московский журнал международного права*, *3 (90),* 7.

[2] Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, *5*. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

Обратим внимание на следующие особенности. Во-первых, лицо обладает статусом комбатанта не зависимо от того, участвовал ли он, или участвует в нападении или в военной операции, являющейся подготовкой к нападению. Т.е. статус комбатанта (в большинстве случаев) напрямую не связан с непосредственной деятельностью лица, а с принадлежностью определенной структуре (вооруженным силам, ополчению, партизанским отрядам). Такой вывод можно сделать из п. 5 ст. 44 ДП I. Т.е., персонал ЧВОП, включенной в состав вооруженных сил, независимо от фактического участия в нападении и боевой операции, относится к комбатантам. Во-вторых, трактовка п. 2 ст. 44 ДП I позволяет исключить требование относительно обязательного соблюдения МГП из условий «комбатантности», сделав его факультативным для всех категорий кобатантов по ст. 4 ЖК III (в зависимости от сферы действия этого пункт – на всех комбатантов, или только тех, которые входят в состав вооруженных сил согласно п. 1 ст. 43 ДП I), когда как несоблюдение это требование в соответствие с условиями пп. 2 п. А ст. 4 ЖК III и пп. 6 п. А ст. 4 ЖК III приводит к невозможности получения статуса комбатанта личным составом «других ополчений и добровольческих отрядов, включая личный состав организованных движений сопротивления, принадлежащих стороне, находящейся в конфликте» (пп. 2 п. А ст. 4 ЖК III) и «населением неоккупированной территории, которое при приближении неприятеля стихийно по собственному почину берется за оружие для борьбы со вторгающимися войсками, не успев сформироваться в регулярные войска, если оно носит открыто оружие и соблюдает законы и обычаи войны» (пп. 6 п. А ст. 4 ЖК III). Т.е. соблюдение МГП по ЖК III является квалифицирующим признаком для наделения статусом комбатанта, а по ДП I – нет. Однако, несоблюдение комбатантами МГП фактически свидетельствует, в зависимости от последствий, о совершении военных преступлений. Эти обстоятельства важно учитывать при определении статуса персонала ЧВОП. По нашему мнению, критерием возможности легитимизации участия ЧВОП в международном вооруженном конфликте в качестве комбатанта в качестве обязательного условия должно быть соблюдение им соблюдение норм международного права, применяемых в период вооруженных конфликтов. В этой связи представляется важным необходимость выполнения персоналом ЧВОП положений МГП.

В случае вооруженного конфликта международного характера обладание лица статусом комбатанта порождает определенный объем прав и обязанностей, отличный от статуса гражданского лица.

В частности, лицо имеет право принимать непосредственное участие в военных действиях и в этом качестве не несет персональной ответственности за свои действия, если в не нарушает законы и обычаи войны. В определенных, прямо оговоренных в ЖК с ДП I и международно-правых обычаях случаях, статус комбатанта является предпосылкой приобретения статуса жертвы войны с наделением определенных прав. Не являются исключением и персонал ЧВОП. В случае принадлежности персонала ЧВОП к комбатантам, то «они могут стать объектом нападения в любое время, но и имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях. В случае взятия в плен они имеют право на статус военнопленного и не могут быть привлечены к ответственности за сам факт участия в военных действиях»[1].

Однако, в отличии от личного состава вооруженных сил, и в меньшей степени иных категорий комбатантов, критерии отнесения к которым более-менее в четко прописаны ЖК и ДП I, идентификация персонала ЧВОП в качестве комбатантов затруднительна, не однозначна и связана с расширительным толкованием норм международного гуманитарного права ввиду 1) разнообразие видов ЧВОП, и выполняемых ими функций; 2) различной степенью вовлеченности персонала ЧВОП к непосредственному участию в охранных (военных) операциях, его функциональной неоднородностью; 3) различным статусом нанимателя услуг ЧВОП – государство, международная межправительственная организация, или физические, юридические лица, международная неправительственная организация. 4) определенное значение для идентификации персонала ЧВОП как комбатантов будет иметь и распространяемое на него законодательства – государства регистрации, государства нанимателя, государство нахождения. В этом отношении важным для уточнения статуса персонала ЧВОП является разработанное МККК в 2009 г. специального Руководства, разъясняющего содержание понятия «непосредственное участие в военных действиях» и его последствий в соответствии с международным гуманитарным правом[2].

Как уже указывалось ранее, отнесение персонала ЧВОП к комбатантам носит ситуативный характер, связано с их соответствием критериям, выдвигаемым МГП к комбатантам. Эти критерии в

[1] Жийар, Э.-К. (2006). Бизнес идет на войну: частные военные и охранные компании и международное гуманитарное право. *Международный журнал Красного Креста, 88, 863,* 8 – 9.

[2] Подробнее см.: Direct participation in hostilities <http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/html/p0990?opendocument> (2013, февраль, 20).

наиболее концентрированной форме содержаться в ЖК III (ст. 4). К ним относится принадлежность к личному составу вооруженных сил стороны конфликта, а также к личному составу добровольческих отрядов или ополчения, не входящим в их состав, но отвечающим ряду условий. К числу комбатантов относится личный состав регулярных вооруженных сил, считающих себя в подчинении правительства или власти, не признанных держащей в плену державой, равно как и население неоккупированной территории, которое при приближении неприятеля стихийно, по собственному почину берется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками, не успев сформироваться в регулярные войска, если оно открыто носит оружие и соблюдает законы и обычаи войны.

Мы согласны с мнением о том, что в ст. 43 ДП I «сфокусированы признаки вооруженных сил, которыми представлены противоборствующие государства в международном вооруженном конфликте и на которые распространяются нормы МГП. И это не случайно, т.к. вооруженные силы (армия) являются институтом государства со своими специфическими чертами. Принимать непосредственное участие в военных действиях вправе только лица, входящие в состав вооруженных сил (комбатанты) государства»[1]. Однако в этой связи возникает два вопроса. Во-первых, действительно в ст. ст. 43 ДП I речь идет о признаках вооруженных сил. Но ведь, в соответствии со ст. 4 ЖК III к комбатантам относятся и лица, не входящие в состав вооруженных сил. Поэтому, на наш взгляд, возможность присвоение статуса комбатанта персоналу ЧВОК можно рассматривать в двух аспектах – принадлежность к личному составу вооруженных сил или принадлежность к иным вооруженным формированиям, отличным от вооруженных сил, но в тоже время, правомерно участвующих в вооруженном конфликте.

Первый вариант наделения персонала ЧВОП статусом комбатанта это включение ЧВОП (его части, отдельного структурного подразделения) в состав вооруженных сил. Мы не видим прямого запрета на такое включение в ЖК и ДП I, при издании акта внутреннего права с распространением на персонал ЧВОП всех положений МГП относительно статуса личного состава вооруженных сил. Однако, как указывает В.Н. Русинова, «Как правило, персонал частных военных и охранных предприятий не включается в личный состав

[1] Котляров, И. И., Пузырева, Ю. В. (2013). Негосударственные вооруженные группы и международное гуманитарное право. *Московский журнал международного права*, *3 (90),* 14 – 18.

вооружённых сил «государства-контрагента»»[1], хотя и не отрицает такую возможность.

О такой возможности свидетельствует и п. 3 ст. 43 ДП I, согласно которого «Всякий раз, когда сторона, находящаяся в конфликте, включает в свои вооруженные силы полувоенную организацию или вооруженную организацию, обеспечивающую охрану порядка, она уведомляет об этом другие стороны, находящиеся в конфликте». Следует отметить, что данный пункт не санкционирует включение такого рода организаций в состав вооруженных сил, а указывает только на необходимость соблюдения определенного условия – уведомление об этом других сторон, находящихся в конфликте. Решение о таком включении принимает государство, и право на такое решение проистекает из государственного суверенитета.

Формально говоря, в данном пункте не идет речь ни о характере (публичный или частный), ни о национальной принадлежности (национальная, иностранная организация). Единственно что императивно указывается – на ее функцию такой организации – обеспечение охраны порядка. Причем эта функция должна быть присуща данной организации еще до включения в состав вооруженных сил.

Что касается национальной принадлежности, то как указывает И.И. Котляров и Ю.В. Пузырева[2], речь может идти о включении в состав вооруженных сил воюющего государства как отечественных (национальных) полувоенных или вооруженных организаций, так и приравненных к ним силовых структур, деятельность которых обусловлена международным договором. Мы не вполне согласны с таким утверждением. Ничто в данном пункте не указывает на необходимость наличия международного договора. Наш взгляд, не будет противоречить нормам международного права включение в состав вооруженных сил как иностранной полувоенной или вооруженной организации частноправовой природы, с ограниченным условием – ее деятельность направлена на обеспечение порядка. Речь о международном договоре как основании такого включения возникает, на наш взгляд, только в случае публичноправовой природы такой иностранной организации. Причем речь идет о включении

[1] Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, *5*. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

[2] Котляров, И. И., Пузырева, Ю. В. (2013). Негосударственные вооруженные группы и международное гуманитарное право. *Московский журнал международного права*, *3 (90),* 14 – 18.

именно **организации,** в нашем случае ЧВОП, а не отдельных лиц, и именно включение в состав вооруженных сил организации, на наш взгляд порождает потенциальную возможность **наделения** всех ее сотрудников статусом комбатантов.

В связи с коммерческим характером деятельности ЧВОП возникает вопрос об правовых последствиях контракта, заключенного ЧВОП и правительством государства, участвующего в вооруженном конфликте. Данный контракт может предусматривать право или возлагать на персонал ЧВОК обязанность непосредственного участия в военных действиях. Однако, по нашему мнению, наличие такого контракта будет необходимым, с учетом частноправовой природы ЧВОП, но недостаточным условием присвоение персоналу ЧВОП статуса комбатантов.

Наиболее явным случаем такого включении, и соответственно принадлежности персонала как иностранной, так и национальной ЧВОП к комбатантам, является наличие акта внутреннего права, включающем ЧВОП в состав вооруженных сил. Наличие данного акта является, на наш взгляд достаточным правовым основанием для идентификации ЧВОП как составной части вооруженных сил соответствующего государства.

Условиями и правовыми последствиями включения ЧВОП (его части) в состава вооруженных сил является соблюдение положений п. 1 ст. 43 ДП I, а именно: нахождение под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных; подчинение внутренней дисциплинарной системе, которая, среди прочего, обеспечивает соблюдение норм международного права, применяемых в период вооруженных конфликтов. При этом, лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала), являются комбатантами, то есть они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях.

В этом случае имеет место относительно не соответствующий традиционному способ формирования вооруженных сил. И в этом случае ЧВОП как самостоятельный субъект «растворяется» в статусе вооруженных сил, и все его действия будут присваиваться вооруженным силам. Ведь одним из условий отнесения лиц к наемникам будет невхождение в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (е) п. 2 ст. 47 ДП I. Действительно, что касается гражданства, да и других критериев наемников, они когут свидетельствовать о возможности квалификации персонала ЧВОП (особенно иностранной), однако именно персонала, а не самой

ЧВОП, и во-вторых, эти критерии позволяют квалифицировать лицо в качестве наёмника лишь в совокупности, и несоответствие хотя бы одному критерия позволяет избежать такой квалификации.

Поэтому, на наш взгляд, универсального запрета на формирования вооруженных сил посредством ЧВОП нет. Попытка таким образом квалифицировать персонал ЧВОП в качестве наемников наталкивается на две проблемы[1]: размытость критериев наемника[2]; ограниченность участников Международной конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г.

Таким образом, согласно МГП, исключительно в порядке, определяемым национальным законодательством, ЧВОП будут включены в состав вооруженных сил данного государства, а их персонал приобретет статус комбатантов.

В случае вхождения в состав вооруженных сил, персонал ЧВОП, выполняющий медико-санитарные функции или информационные функции может быть отнесен к некомбатантам. Возможность принадлежности к данной категории персонал ЧВОП большинство авторов игнорируют, и на практике она не распространена, причем согласно нормам МГП, медицинский и санитарный персонал обладают специальной защитой, вне зависимости от вхождения в состав вооруженных сил, национальных обществ Красного Креста или Красного Полумесяца, гражданского статуса, хотя эта защита и ее нормативное содержание могут значительно различаться.

Согласно пп. 3 п. А ст. 4 III ЖК статус военнопленных может быть предоставлен лицам, «следующих за вооружёнными силами». При этом они являются гражданскими лицам, однако, имеющими тесную связь, в процессе осуществлении своих функций, с вооружёнными силами. При этом комбатантами они не являются, не участвуют в боевых столкновениях, не вправе применять силу, но имеют право на предоставление им статуса военнопленных. К ним может относится персонал ЧВОП, выполняющий задачи, связанные с логистической поддержкой вооруженных сил, снабжением, оказанием инженерных или строительных услуг[3].

---

[1] Данный вопрос мы рассматриваем в отдельном параграфе настоящей работы.

[2] См.: Давид, Э. (2000). *Принципы права вооруженных конфликтов*. М., 344.

[3] Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, *5*. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

Признание персонала ЧВОП в качестве комбатантов возможно на основании его отнесения к личному составу других ополчений и добровольческих отрядов (не входящих в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте), включая личный состав организованных движений сопротивления, принадлежащих стороне, находящейся в конфликте, и действующих на их собственной территории или вне ее, даже если эта территория оккупирована (А. п. 2) ст. 4 ЖК III)[1]. Для обретения статуса комбатанта личный состав должен отвечать условиям организованности и легитимности, перечисленным в статье 5 (наличие командования, ношение определённого отличительного знака, открытое ношение оружия и соблюдение «законов и обычаев войны»). Данные критерии в обобщенном виде содержаться и в определены и п. 1 ст. 43 ДП I, в соответствии с которым к комбатантам относятся «организованные вооруженные силы, группы и подразделения, находящиеся под командованием лица, ответственного перед стороной конфликта за поведение своих подчинённых.... Такие вооруженные силы подчиняются внутренней дисциплинарной системе, которая, среди прочего, обеспечивает соблюдение норм международного права, применяемых в период вооруженных конфликтов».

Относительно возможности их соблюдения персоналом ЧВОП в принципе, сомнений не возникает (хотя, несомненно существуют определенные проблемы их соблюдения[2]).

---

[1] Такую возможность допускает В. В. Гаврилов и В. Н. Русинова: См Гаврилов, В. В. (2010). Правовое положение частных военных и охранных компаний: задачи международного и национального регулирования. *Российский ежегодник международного права*. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 332; Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, *5*. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

[2] «Проследить наличие или отсутствие указанных признаков на практике будет чрезвычайно трудно, так как в полевых условиях практически невозможно быстро и точно установить, например, факт принадлежности данной группы лиц к стороне конфликта или ее нахождение под ответственным командованием». Гаврилов, В. В. (2010). Правовое положение частных военных и охранных компаний: задачи международного и национального регулирования. *Российский ежегодник международного права*. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 332.; Сотрудники некоторых ЧВОК «могут отличать себя от местного гражданского населения посредством ношения формы, но, учитывая многочисленность компаний, неприятелю будет очень сложно отличить одну компанию от другой, сотрудники которой не подпадают под действие ст. 4. А. 2. и непосредственное нападение на которых будет преступлением». Камерон, Л. (2006). Частные военные компании: их статус по международному

Весьма важным представляется замечание В. Н. Русиновой о том, что в случае, если сотрудники ЧВОП не подпадают ни под одну из перечисленных категорий (комбатантов, некомбатантов, лиц, «следующих за вооружёнными силами» – К.Г.), то дальнейшая квалификация этих лиц будет зависеть от того, какой деятельностью они занимаются в зоне вооружённого конфликта[1]. Однако мы не вполне согласны с таким обобщением. В отношении их идентификации как «наемников», «незаконных комбатантов» их фактическая деятельность будет иметь значение, чего нельзя сказать об их статусе как гражданского населения, который зависит скорее от непринадлежности к комбатантам (незаконные комбатанты не являются самостоятельной категорией). Однако, в ряде случаев именно от деятельности сотрудников ЧВОП зависит отнесение их к одной из разновидностей комбатантов – населению оккупированной территории, которое при приближении неприятеля стихийно по собственному почину берется за оружие для борьбы со вторгающимися войсками, не успев сформироваться в регулярные войска, если оно носит открыто оружие и соблюдает законы и обычаи войны (пп. 6 п. А ст. 4 ЖК III).

В этой связи персонал ЧВОП должен соответствовать не двум, как традиционно считается, а пяти условиям. Во-первых, относится к населению оккупированной территории, что весьма сомнительно в первую очередь для иностранной ЧВОП или для иностранного персонала ЧВОП. Во-вторых, «при приближении неприятеля **стихийно по собственному почину берется за оружие** для борьбы со вторгающимися войсками» (выделено нами, К.Г.). Т.е. речь идет не о состоянии в некоторой структуре, а о самостоятельных действиях, деятельности. Подчинению приказу, действию на основании контракта, а именно о стихийности действий по собственному почину. Это условие свидетельствует о том, что именно в качестве персонала ЧВОП, а не отдельных частных лиц, относящихся к населению, они не могут быть признаны комбатантами данного вида. Одновременно, они должны «взяться за оружие», а не быть вооружены. В-третьих, требование о том, что население не успело сформироваться в регулярные войска может свидетельствовать о

гуманитарному праву и воздействие МГП на регулирование их деятельности. *Международный журнал Красного Креста, 88, 86,* 79.

[1] Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, *5*. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

отсутствии организации, что в определенной степени неприемлемо в случае ЧВОП. В-четвертых, они должны открыто носить оружие, их в-пятых, соблюдать законы и обычаи войны. При этом мы не исключаем возможность участия персонала ЧВОП в личном качестве в «борьбе со вторгающимися войсками», что, они «открыто оружие и соблюдает законы и обычаи войны», что однако не противоречит действию в составе подразделений ЧВОП, но по собственной инициативе.

Отметим, что существует и другая точка зрения на этот счет. По мнению И.И. Котлярова и Ю.В. Пузыревой, в ситуации, когда составе населения, которое при приближении неприятеля стихийно по собственному почину берется за оружие для борьбы со вторгающимися войсками, персонал ЧВОК воюет с неприятельскими войсками, то на него распространяется статус комбатанта и военнопленного, что соответствует нормам международного гуманитарного права[1].

Как указывает В. Н. Русинова, если деятельность персонала ЧВОП в зоне вооружённого конфликта не связана с непосредственным участием в военных действиях (добавим – в качестве комбатантов – К.Г.), и они не являются «лицами, следующими за вооружёнными силами» (или некомбатантами – К.Г.), то они должны рассматриваться в силу ст. 4 ЖК IV как «гражданские лица»[2], с оговоркой о возможности их квалификации как наемников и незаконных комбатантов. Следует отметить, что наемников включают в категорию незаконных комбатантов, что на наш взгляд вполне оправдано.

Проблема квалификации персонала ЧВОП как наемников является наиболее обсуждаемой в доктрине и практике, и требуют отдельного анализа. Отметим только, что наемники практически одна из немногих самостоятельных категорий, не относящихся ни к комбатантам (согласно п. 1 ст. 47 ДП I наемники не имеют права на статус комбатанта или военнопленного), ни к гражданскому населению, противоправность которой закреплена в ЖК III и ДП I.

Мы считаем необходимым рассмотрение возможности принадлежности персонала ЧВОП к категории незаконных комбатантов

[1] Котляров, И. И., Пузырева, Ю. В. (2013). Негосударственные вооруженные группы и международное гуманитарное право. *Московский журнал международного права*, *3 (90),* 9.

[2] Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, *5*. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

как самостоятельной категории участника вооруженного конфликта, несмотря на то что в договорных нормах МГП данная категория прямо не выделяется. Проблема выделения категории незаконных комбатантов вызвала широкие дискуссии в доктрине международного права[1]. Достаточно подробно статус последней категории лиц проанализировал Кнут Дерман в своей статье «Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов»» в контексте права «незаконных / не подпадающих под защиту конвенций комбатантов» на правовую защиту, предоставляемую международным гуманитарным правом[2]. Именно на неоднозначность статуса этой категории лиц обращает внимание К.У. Уоткин «Проблемы, возникающие в связи с отказом в статусе комбатанта[3], – одна из сложностей, с которыми мы сталкиваемся при проведении различия исключительно на основе двух категорий: комбатантов и гражданских лиц»[4].

В этой связи В. Н. Русинова укзывает, что если сотрудники ЧВОП не могут считаться комбатантами в силу того, что, к примеру, они не подчиняются напрямую военному командованию или не соблюдают принцип отличия от гражданского населения, и, несмотря на это, принимают непосредственное участие в военных дей-

[1] Дерман, К. (2003). Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов». *Междунар. журн. Красного Креста*, 51 – 87.; Тузмухамедов, Б. Р. (2006). Хамдан против Рамсфелда: уроки и параллели. *Рос. ежегодник междунар. права*. СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып., 129 – 139.; Короткий, Т. Р. (2009). Генезис понятия и статуса участников вооруженных конфликтов. *Рос. ежегодник междунар. права*. СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2010. – Спец. вып., 267 – 285. (Korotky, T. R. (2009). Genesis of the concept and status of armed conflict participants). *Rus. year-book of international law*. Sanct-Petersburg. SCC «Russia–Neva», 2010. – Special Issue, 285 – 311.; Уоткин, К. У. (2003). Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. *Подтверждение и развитие международного гуманитарного права: материалы для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме (Кембридж, 27–29 июня 2003 г.)*. <http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc > (2013, февраль, 20).

[2] Дерман, К. (2003). Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов». *Междунар. журн. Красного Креста*, 51.

[3] Речь идет о лицах, не соответствующим таким критериям, как: открыто носят оружие, не обеспечивает соблюдение норм международного права, применимого во время вооруженного конфликта, имеют различимый на расстоянии постоянный отличительный знак и т.п.

[4] Уоткин, К. У. (2003). Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. *Подтверждение и развитие международного гуманитарного права: материалы для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме (Кембридж, 27–29 июня 2003 г.)*. <http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc > (2013, февраль, 20).

ствиях, они подпадают под категорию так называемых «незаконных комбатантов» – лиц, которые принимают участие в военных действиях, не имея на это права[1]. Таким образом, если персонал ЧВОП не относится комбатантам, некомбататам, лицам, следующим за вооружёнными силами согласно ЖК III и ДП I, однако непосредственно участвуют в боевых действиях, их можно обозначить как «незаконных комбатантов», они подпадают под действие ст. 5 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года (ЖК IV) и ст. 75 ДП I, в которых определен минимальный набор правил обращения с ними.

Рассмотрим ситуации квалификацию персонала ЧВОП как гражданских лиц. Анализ положений ст. 50 ДП I позволяет сделать вывод, что основным критерием, по которому лица относятся к гражданскому населению, является неотнесение их к категории комбатант, а не неучастие в вооруженном конфликте[2]. Как указывает К.У. Уоткин, в различных международных соглашениях делалась попытка дать определение понятию комбатант[3], при этом все остальные считались гражданскими лицами[4]. Предлагалось считать такой подход более предпочтительным, потому что он охватывает все категории лиц без исключения. Более того, все было сделано для того, чтобы сохранить простоту и однозначность этих норм. Цель такого подхода – повысить качество соблюдения норм международного гуманитарного права[5].

---

[1] Русинова, В. Н. (2009). Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий. *Российское право в Интернете: журнал*, *5*. <http://www.rpi.msal.ru/prints /200905_3.html> (2013, февраль, 20).

[2] Следует отметить, что подход к категории «гражданские лица» несколько различается в этих в ЖК и ст. 43 ДП I.

[3] См.: ст. ст. 1–3 Гаагского положение о законах и обычаях сухопутной войны, ст. 4 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными, и ст. ст. 43–44 I ДП.

[4] Уоткин, К. У. (2003). Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. *Подтверждение и развитие международного гуманитарного права: материалы для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме (Кембридж, 27–29 июня 2003 г.).* <http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc > (2013, февраль, 20).

[5] A.P.V. Rogers (1996). *Law on Battlefield*. Manchester University Press, 7 – 9. Цит. по: Уоткин, К. У. (2003). Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. *Подтверждение и развитие международного гуманитарного права: материалы для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме (Кембридж, 27–29 июня 2003 г.).* <http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc > (2013, февраль, 20).

Этот тезис имеет важное значение для идентификации статуса персонала ЧВОП, ибо неучастие вооруженном конфликте это следствие обладание статуса гражданского лица, дающий право на определенные права (согласно Норме 6 обычного международного гуманитарного права, гражданские лица находятся под защитой от нападений, кроме случаев, когда и пока они принимают непосредственное участие в вооруженных действиях[1]), а не причина обладания этим статусом. Поэтому ошибочным будет подход, в соответствии с которым, отнесение персонала ЧВОП в период вооруженного конфликта к числу гражданских лиц допустимо до тех пор, пока они не принимают непосредственного участия в военных действиях.[2]

Исходя из ст.ст. 43, 46, 47 ДП I, лица, которые принимают фактическое участие в военных действиях, но к комбатантам не относятся, относятся к гражданскому населению. Согласно п. 3 ст. 51 ДП I, эти лица находятся под защитой как гражданское население, за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях. Этот критерий применяется и в Норме 6 обычного международного гуманитарного права. Таким образом, к гражданскому населению по смыслу ст. 50 ДП I, относятся персонал ЧВОП, в том числе принимающий непосредственное участие в военных действиях.

Интересной является проблема отнесение к одной из рассматриваемых категорий шпионов или наемников, при наличии н то правовых оснований, к которым может быть отнесен персонал ЧВОП. По нашему глубокому убеждению, это самостоятельные категории, производные от комбатантов, и обладающие, несмотря на схожесть в объеме прав с гражданскими лицами, принимающими непосредственное участие в военных действиях, самостоятельным статусом. Существует и другая точка зрения на этот вопрос: «…при нынешней ситуации в рамках современного права Женевы[3] все они (шпи-

[1] Звичаєве міжнародне гуманітарне право. Норми (2006). *Український часопис міжнародного права*, *2,* 8.

[2] Сырхаев, А. А. (2013). *Ответственность частных военных и охранных компаний в международном гуманитарном праве* (Автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.10 – Международное право. Европейское право) М.: ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов»), 9.

[3] Именно право Женевы, а не в целом международного гуманитарного права, хотя положение об единстве права Женевы и права Гааги в рамках международного гуманитарного права не вызывает сомнений.

оны, наемники, диверсанты – примечание наше, К.Г.) относятся к гражданскому населению»[1].

Однако, в ЖК заложено несколько иное соотношения понятие «гражданское население» и «комбатанты», чем в ДП. В ЖК прямо не определяется понятие гражданское население, а используется понятие «под защитой Конвенции состоят лица», «лицо, находящееся под покровительством Конвенции». Причем, указанием на круг покровительствуемых лиц (в отношении дифференциации на комбатант / покровительствуемое лицо) является абз. 4 ст. 4 ЖК IV, согласно которому лица, находящиеся под защитой ЖК I – III, не рассматриваются в качестве лиц, пользующихся покровительством по смыслу ЖК IV. При этом в ст. 5 ЖК IV прямо указывается, что если лицо задержано в качестве шпиона, диверсанта, или подозреваемого в деятельности, враждебной для безопасности государства, то такое лицо не будет иметь право претендовать на такие права и преимущества, предоставляемые Конвенцией, которые наносили бы ущерб безопасности этого государства, если бы они предоставлялись данному лицу (абз. 1 ст. 5); либо данное лицо может быть лишено прав на связь, предоставляемых ЖК IV (абз. 2 ст. 5).

Как уже отмечалось, «гражданским лицом является любое лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в статье 4. А. 1, 2, 3 и 6 Третьей конвенции и в ст. 43 настоящего Протокола» (ДП I п. 1 ст. 50). Более того, что в значительной степени может относится к персоналу ЧВОП в виду наличия отдельных признаков комбатантов (форма, оружие, ответственное командование), «в случае сомнения относительно того, является ли какое-либо лицо гражданским, оно считается гражданским лицом» п. 1 ст. 50 ДП I.

Правовые последствия отнесения персонала ЧВОП к гражданским лицам конкретизирует Э.-К. Жийар: «Если же они являются гражданскими лицами, нападать на них запрещено. Однако, если они принимают непосредственное участие в военных действиях, они утрачивают иммунитет от нападения на время этого участия... и могут стать объектом судебного преследования»[2].

---

[1] Короткий, Т. Р. (2009). Генезис понятия и статуса участников вооруженных конфликтов. *Рос. ежегодник междунар. права*. СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2010. – Спец. вып., 267 – 285. (Korotky, T. R. (2009). Genesis of the concept and status of armed conflict participants). *Rus. year-book of international law*. Sanct-Petersburg. SCC «Russia–Neva», 2010. – Special Issue, 302.

[2] Жийар Жийар, Э.-К. (2006). Бизнес идет на войну: частные военные и охранные компании и международное гуманитарное право. *Международный журнал Красного Креста, 88, 863,* 8 – 9.

Таким образом, при отсутствии оснований принадлежности к комбатантам, непосредственное участие персонала ЧВОП в военных действиях не влечет изменение их статуса гражданских лиц, однако в последнем случае вне зависимости от последствий влечет их ответственность. В этой связи с этим возникают следующие вопросы: каким образом определить понятие «участие в военных действиях», и дифференцировать его от деятельности ЧВОП по выполнению контрактных функций как в интересах государства, так и в интересах физических и юридических лиц; в соответствие с законодательством какого государства будет проводится такая идентификация в случае вооруженного конфликта (данное обстоятельство, на наш взгляд, порождает острую необходимость международно-правовое определение критериев участия ЧВОП в военных действиях); относительно юрисдикции по привлечению к ответственности в случае незаконного участия в военных действиях персонала ЧВОП.

Оксана Соколова

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ В ЕВРОПЕ В КОНТЕКСТЕ «ВЫЗОВОВ» НОВЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

This article analyzes the current demographic policy of European countries and the EU to counter the negative effects of demographic crisis. The paper deals with the EU and PACE documents aimed at developing a unified strategy of population policies to preserve the stability of economic and social development of States.

Analysis of documents of EU and PACE allows to distinguish the system of measures, offered as an universal political standard for the countries of Europe on overcoming of negative situation in socio-economic development in connection with the folded demographic situation. The senescence of population and low level of birth-rate it is suggested to examine as major factors of transformation of economy, as new possibilities for development of countries of Europe.

Демографические изменения, охватившие Европу в XX в., оказывают серьезное влияние на ключевые социальные процессы. Европейские страны переживают третью фазу демографического перехода, когда общее старение населения связано со снижением смертности и увеличением продолжительности жизни, при сохранении тенденции к снижению рождаемости. В результате в течение последней трети XX в. в странах с высокой продолжительностью жизни, доля лиц в возрасте от 80 лет увеличилась более чем в 2 раза, а вероятное число лет жизни у тех, кто дожил до 60 лет, превысило два десятилетия.

В странах Западной Европы продолжительность жизни в период с 2000 до 2050 гг. увеличится на 4-11 лет за счет старших возрастных групп. В целом на земном шаре количество людей в возрасте старше 60 лет увеличится с 673 млн. в 2005 г. до 2 млрд. в 2050 г., а их доля в численности населении возрастет с 10 % до 22 %. Т. е., более трети населения Европы будут составлять люди в возрасте старше 60 лет. Все это требует серьезных изменений в политике и изменения отношения общества к пожилым людям. При этом, численность детей не изменится (1,82 млрд.). Максимальный уровень старения (35-40 %) ожидается в Южной Испания, Греция) и Восточной Евро-

пе (Польша, Украина). А численность населения в «Старой Европе» в период 2005-2050 гг. сократится на 10,3 % (75 млн.) [1].

Такая демографическая ситуация обусловливает депрессивное социально-психологическое состояние европейского общества, получившее название «геронтофобия» – т.е. восприятие старения как причины демографического кризиса, как источник социальной нагрузки на работающее население, как предсказателя банкротства систем социального обеспечения. В противоположность геронтофобии возникает другое психологическое состояние – общественный «синдром Дориана Грея», когда возникает культ молодости, усиливается страх перед физическим старением. Современное состояние социального развития в Европе демонстрирует наличие двух форм депрессии [2]. Геронтофобия прослеживается и в документах Еврокомиссии ЕС и в общих документах и рекомендациях ПАСЕ относительно демографической ситуации и политики преодоления её последствий.

31 октября 2011 г. население мира достигло знаковой отметки в 7 миллиардов человек. В условиях роста мирового народонаселения население пространства, занимаемого государствами-членами Совета Европы, составляет 800 млн. человек, представляющих около 12 % населения мира. Ожидается, что к 2050 г. этот показатель сократится примерно до 9 %. Население Китая также должно сократиться, в то время как население Индии – существенно вырасти.

Демографические тенденции в самой Европе очень многообразны: Германия и Россия испытывают убыль населения, тогда как Франция и Соединенное Королевство – демографический бум – в значительной степени в результате притока миграции.

Демографическое развитие стран Европы стало предметом внимания таких европейских исследователей как Ф. Бернард, Р. Канн, А. Карлсон, А. Монье и др. Демографическая политика ЕС рассматривается в трудах А. Вовка, Л. Зубченко, С. Ничипоренко, С. Оконешникова, Э. Либановой, В. Стешенко, Г. Лукьянова, А. Мандрагели, А. Позняка, С. Пирожкова, Ю. Узун, С. Коч и др.

Целью данной статьи является анализ современных тенденций и направлений демографической политики стран Европы в условиях задачи сохранения устойчивого социально-экономического развития.

---

[1] Денисенко, М. (2005) Тихая революция. *Отечественные записки,* 3 (23), 20.

[2] Узун, Ю. В., Коч, С. В. (2012) Консолідована демографічна політика ЄС як засіб подолання «геронтофобії» та «синдрому Доріана Грея. *Вісник ОНУ, (Соціологія і політичні науки),* Т. 17., Вип 2(16), 116.

Создание единых стандартов европейской политики в демографической сфере набирает обороты, причем развитие демографической политики анализируется исключительно как фактор экономического развития и в пределах социально-экономических потребностей. Например, в 2011 году в Резолюции ПАСЕ № 1864 «Демографические трудности в Европе: преобразование трудностей в преимущества» было заявлено: «В мире, где рост населения считается условием экономического роста и благополучия, Европа должна срочно выработать политику и стратегию с тем, чтобы справиться с изменением демографической ситуации и сохранить свою силу и влияние в мире. Важно превратить демографические вызовы в преимущества, которые обеспечат устойчивое экономическое развитие и международную безопасность» [1]. Также в Резолюции отмечается, что «в Европе XXI в. политические цели должны определяться не в разрезе численности населения, а скорее категориями человеческого капитала, способного обеспечить наилучшее качество жизни для всех. Европа должна обладать всем необходимым для того, чтобы быть лидером революции в развитии инноваций и технологий. … Это будет способствовать экономическому росту в Европе и придаст континенту способность сохранить влияние в мире… Европа также сможет влиять на рост в таких развивающихся странах, как Китай и Индия» [2].

Аналогично, цели демографического развития были сформулированы в Лиссабонской стратегии (март, 2000) – новой стратегии ЕС: стать конкурентоспособной и динамичной в мире экономикой, которая способна к росту, обеспечивает больше рабочих мест и социальное сплочение. В 2001 г. Европейским Советом на выполнение Лиссабонской стратегии была принята «Триединая стратегия преодоления экономической и бюджетной проблемы, вызванной старением населения», которая предусматривала: сокращение долга, повышение уровня занятости и производительности труда, пенсионное реформирование, реформы в системе здравоохранения и долгосрочного ухода. Лиссабонской стратегией введен межправительственный

[1] Демографические трудности в Европе: преобразование трудностей в преимущества Резолюция № 1864 ПАСЕ (2011). *Электронная библиотека ПАСЕ.* <http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2012%5D/%5BJan2012%5D/Res1864_rus.asp#TopOfPage>.

[2] Демографические трудности в Европе: преобразование трудностей в преимущества Резолюция № 1864 ПАСЕ (2011). *Электронная библиотека ПАСЕ.* <http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2012%5D/%5BJan2012%5D/Res1864_rus.asp#TopOfPage>.

метод «мягкой координации» с помощью которого государства – члены установили рамки сотрудничества путем координации национальных политик в демографической политике, в социальной, молодежной и семейной политике, политике занятости и др.

Инструменты реализации Лиссабонской Стратегии разрабатывались экспертной группой Еврокомиссии (High-Level Group), которая в 2004 г. представила доклад о необходимости поддержания баланса между демографической и социальной политикой. Принципами национальных программ группа назвала: повышение вклада социальной политики в экономический рост; конкурентоспособность и социальная сплоченность благодаря «непрерывному» обучению; модернизация организации труда и реформирования социальной защиты; удлинение трудовой жизни посредством расширения занятости не только старших по возрасту работников, но и молодых. Все эти меры снова рекомендованы для национальных политик стран Европы и в Упомянутой выше Резолюции ПАСЕ. Среди факторов социально-экономической реструктуризации в Европе названы : повышение доступности и качества услуг по уходу за детьми и пожилыми людьми, улучшение организации труда, обеспечение занятости пожилых людей путем снижения мотивации к завершению трудовой жизни, постоянное обучение, повышение квалификации и производительности труда работающих, расширенное вовлечение в трудовую деятельность тех групп населения, которые традиционно недостаточно или вообще не участвуют в ней – расширенное вовлечение женщин в трудовую деятельность, обеспечение более позднего выхода на пенсию через реформирование пенсионных систем, меры по сочетанию семейной и трудовой жизни.

Так, в Резолюции ПАСЕ (2011) отмечается, что одним из наиболее положительных факторов роста европейских трудовых ресурсов и экономики государств – членов Система мер по улучшению качества человеческого капитала в Европе должна стать «политика развития семьи, с тем чтобы создать для людей и семей условия для самостоятельного устройства своей жизни и принятия решения о количестве детей, которое семья желала бы иметь. Важно признать, … реализация государственной политики создания благоприятных общественных условий для развития семьи со временем может оказать положительное влияние на показатели рождаемости» [1].

[1] Демографические трудности в Европе: преобразование трудностей в преимущества Резолюция № 1864 ПАСЕ (2011). *Электронная библиотека ПАСЕ.* <http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2012%5D/%5BJan2012%5D/Res1864_rus.asp#TopOfPage>.

Национальные стратегии рекомендуется ориентировать на учет этих факторов.

Так, ПАСЕ прямо призывает страны Европы: «при выборе политики учитывать демографические тенденции, разрабатывая необходимые тактики и стратегии, направленные на решение проблем, вызванных демографическими изменениями; внедрять меры, направленные на создание наилучших возможностей для образования и подготовки кадров в целях обеспечения самого высокого качества подготовки «человеческого капитала»; поощрять межпоколенческую солидарность и развитие, в частности, путем : содействия развитию модели активного долголетия с помощью мер, направленных на использование в полной мере потенциала пожилых людей, включая сохранение их присутствия на рынке труда; развития возможностей для получения образования на протяжении всей жизни для всех поколений, включая применение новых технологий в профессиональной деятельности и повседневной жизни; противодействия возрастной дискриминации как в отношении женщин, так и мужчин, обеспечивая полноценный доступ к программам подготовки кадров и рынку труда (тут же принята Резолюция ПАСЕ 1860 (2011 г.) «Укрепление прав женщин во всем мире» [1] и Рекомендация к более широкому применению «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (CEDAW)); поддерживать развитие науки, инноваций и технологий в целях повышения производительности труда и обеспечения экономического роста; содействовать демографическому обновлению путем: разработки мер политики, призванных помочь родителям в воспитании детей, включая финансовые и налогово-бюджетные меры; развития мер политики, поощряющих достижение более полного равновесия между профессиональной и личной жизнью, включая адекватные условия по уходу за детьми, по поддержке престарелых и физически слабых людей; разработки мер по стабилизации экономического положения молодых родителей, которые сочетали бы гибкость и экономическую стабильность (модель «flexicurity»); поощрять интеграцию и многообразие путем разработки политики, способствующей сокращению безработицы среди мигрантов и оптимальному использованию потенциала мигрантов, в том числе путем привлечения их к участию в социальной, экономической, культурной

[1] Укрепление прав женщин во всем мире Резолюция 1860 ПАСЕ (2011). *Электронная библиотека ПАСЕ.* <http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2012%5D/%5BJan2012%5D/Res1860_rus.asp#TopOfPage>.

и политической жизни принимающих стран; развития политики, направленной на интеграцию и совершенствование языковых навыков и повышение образовательного уровня мигрантов, их детей и, в частности, женщин-мигрантов.

Рассматривая миграционную политику как часть политики демографической (иммиграция как метод замещения утраченного населения), ПАСЕ обращает внимание на необходимость политики стран Европы усилить борьбу с фактами незаконного ввоза трудовых мигрантов в целях принуждения к труду. Так, Рекомендация ПАСЕ «О незаконном ввозе трудовых мигрантов в целях принуждения к труду» (2013 г.)[1], ссылаясь на свою резолюцию 1922 (2013 г.) «О незаконном ввозе трудовых мигрантов в целях принуждения к труду» ориентирует государства Европы на поддержание деятельности Группы экспертов Совета Европы по борьбе с торговлей людьми (ГРЕТА), которая контролирует выполнение Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми, предлагается ввести ряд совместных форм работы Группы экспертов Совета Европы по борьбе с торговлей людьми (ГРЕТА) и Группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) с целью изучения взаимосвязи между коррупцией и торговлей людьми, предлагает Комитету министров в рамках подготовки программы работы на 2014-2015 гг. уделять приоритетное внимание вопросам борьбы с торговлей людьми, в том числе с торговлей в целях принуждения к труду.

Данные рекомендации ПАСЕ развивают ту политику, которая вырабатывалась в рамках ЕС как консолидированная политика ЕС в области социально-экономического и демографического развития.

Так, в принятой в июне 2010 г. Европейским Советом новой 10-летней стратегии «Европа – 2020 г. Стратегия разумного, устойчивого и всеобъемлющего роста», речь идет о трансформации «политики кризисного управления» в «политику стратегическую», где должны определяться среднесрочные и долгосрочные цели демографического развития [2]. Будущее Европы зависит от ее способности выявлять потенциал проблем наиболее быстро растущих сегментов населения: иммигрантов и пожилых людей. Сами цели были названы в 2006 г. в Сообщении Еврокомиссии «Демографическое будущее Европы – от проблем к возможностям». Среди них :

[1] О незаконном ввозе трудовых мигрантов в целях принуждения к труду Рекомендация ПАСЕ (2013). *Электронная библиотека ПАСЕ.* <http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2013%5D/Jan2013/Rec2011_rus.asp>.

[2] Новая европейская стратегия «Европа-2020». *Электронная библиотека «Право Европейского Союза».* < http://eulaw.ru/content/307>.

1) Содействие демографическом возрождению в Европе с помощью политик : гендерного равенства, улучшения условий жизни, доступа к жилью, доступа к приемлемым по цене и качеству институтов уходу за детьми, политики борьбы с детской и семейной бедностью. 2) Содействие занятости в Европе. Реформы образования и подготовки кадров с целью снижения сегментации рынков труда, увеличение количества рабочих мест для женщин, обеспечение непрерывного обучения и обеспечения активности рынка труда [1]. Отмечалось, что производительность труда – станет единственным источником экономического роста в ЕС, где зрелые работники будут составлять большую часть трудоресурсив, потому «активное старение» должно предусматривать антидискриминационную политику в сфере занятости, образовательную политику с целью восстановления навыков и повышение знаний в области новых технологий, активизацию превентивной политики в сфере здравоохранения. Государствам – членам предлагалось принять меры для выполнения обязательств, взятых в Стокгольме в 2001 г. перед Европейским Советом – поднять уровень занятости для работников старше 55 лет на 50 %. Европейский Союз гарантировал поддержку обеспечении «активной старости» с помощью Европейского социального фонда и программы «непрерывного образования» на 2007-2013 гг. Государствам – членам предлагалось выполнять Директиву о равноправном отношение в сфере труда (в 2007 г. Комиссия рассмотрела ход выполнения директивы по дискриминации по возрасту). 3) Третьим направлением политики ЕС было признано повышение производительности труда европейцев, что предполагает реформы оптимизации внутреннего рынка, переориентацию экономики на нужды пожилых людей, создание новых рынков сбыта для товаров и услуг, которые отвечают потребностям пожилых клиентов – создание «серебряной экономики». 4) Обеспечение устойчивости государственных финансов было определено в качестве четвертого направления политической деятельности правительств государств – членов ЕС. Поскольку возрастные государственные расходы увеличатся на 4,7 % от ВВП к 2060 г. в ЕС и более чем на 5 % в зоне евро, то сокращение численности населения трудоспособного возраста будет действовать как тормоз на экономический рост и доход на душу населения. Потому, целью названо проведение мер по обеспечению

[1] The demographic future of Europe. From challenge to opportunity (Commission Communication). *Электронная библиотека «Документы Еврокомиссии» на англ. языке*. <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52006DC0571:EN:NOT>.

финансовой стабильности – пенсионных реформ, в частности. Так, в 2007 р. Еврокомиссия приняла коммуникацию «Содействие солидарности между поколениями», в которой государствам – членам ЕС рекомендовано ввести политику повышения пенсионного возраста и ограничения доступа к раннему выходу на пенсию. Т.к. систему здравоохранения ожидают аналогичные проблемы – расходы на здравоохранение возрастут в ЕС на 1,5 % от ВВП к 2060 г., Еврокомиссия формирует меры демографической политики в странах ЕС исходя из лозунга : «Здоровый образ жизни – как ограничение предстоящих расходов» [1].

На Мюнхенском саммите «Европа и демографический вызов» (2007) в докладе комиссара ЕК В. Шпидла впервые было акцентировано внимание на проблеме геронтофобии, на чрезмерном пессимизме европейского общества, которое репрессивно анализирует проблемы «становления европейской геронтократии», «трудности системы социального страхования» и «Европы как бездетного общества» [2]. Тогда же, еврокомиссар отметил, что Еврокомиссия с самого начала формирования консолидированной европейской демографической политики исходила из того, что благодаря интеграции женщин и пожилых людей в процесс работы будет возможным компенсировать демографическое падение. В июне 2007 г. в Брюсселе проведена первая встреча членов Группы правительственных экспертов для обсуждения вопросов демографии ЕС, а именно по вопросу «Подготовки к старению населения ЕС». Приветствуя заседания, В. Шпидла отметил, что «серебро экономики» открывает новые возможности для услуг и товаров.

В 2011 г. Европейский экономический и социальный комитет принял единое мнение относительно введения поощрения длительной трудовой деятельности в ЕС [3]. Вывод ЕЭСК, подписанный его председателем – Штефаном Ниллсон содержит предложение усилить меры по поощрению длительной трудовой деятельности в государствах ЕС, поскольку несмотря на рост занятости, за последние 10

---

[1] Узун, Ю. В., Коч, С. В. (2012) Консолідована демографічна політика ЄС як засіб подолання «геронтофобії» та «синдрому Доріана Грея. *Вісник ОНУ, (Соціологія і політичні науки),* Т. 17., Вип 2(16), 116 – 128.

[2] Узун, Ю. В., Коч, С. В. (2012) Консолідована демографічна політика ЄС як засіб подолання «геронтофобії» та «синдрому Доріана Грея. *Вісник ОНУ, (Соціологія і політичні науки),* Т. 17., Вип 2(16), 116 – 128.

[3] Opinion of the European Economic and Social Committee on «The future of the labor market in Europe – in search of an effective response to demographic trends» (2011) (exploratory opinion). *Офіційний сайт Європейської Комісії.* <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2011:318:0001:0008>.

лет число пожилых людей в системе занятости остается ниже целевых показателей (70 %), установленных ЕС. Признано, что развитие экономики ЕС в ближайшее время будет зависеть от того, насколько активной будет политика внедрения «серебряной экономики».

Итак, представленный анализ документов ЕС и ПАСЕ позволяет выделить систему мер, предлагаемую как универсальный политический стандарт для стран Европы по преодолению негативной ситуации в социально-экономическом развитии в связи со сложившейся демографической ситуацией. Главным в этих документах представляется попытка выработки нового «позитивного» представления о старении и иммиграции как о новых «достижениях» Европы и как о новых «возможностях» для её обновления. Старение населения и низкий уровень рождаемости предлагается рассматривать как важнейшие факторы трансформации экономики, как новые возможности для развития стран Европы, для создания новой системы мер по поддержанию активного старения, мер по преодолению дискриминации женщин в их праве на личностную реализацию, мер по успешному сочетанию карьерного роста и семейных ценностей, мер по созданию конкурентоспособной «серебряной» экономики.

Литература:

1. Демографические трудности в Европе: преобразование трудностей в преимущества Резолюция № 1864 ПАСЕ (2011). *Электронная библиотека ПАСЕ.* <http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2012%5D/%5BJan2012%5D/Res1864_rus.asp#TopOfPage>.
2. Денисенко, М. (2005) Тихая революция. *Отечественные записки,* 3 (23).
3. Новая европейская стратегия «Европа-2020». *Электронная библиотека «Право Европейского Союза».* <http://eulaw.ru/content/307>.
4. О незаконном ввозе трудовых мигрантов в целях принуждения к труду Рекомендация ПАСЕ (2013). *Электронная библиотека ПАСЕ.* <http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2013%5D/Jan2013/Rec2011_rus.asp>.
5. Узун, Ю. В., Коч, С. В. (2012) Консолідована демографічна політика ЄС як засіб подолання «геронтофобії» та «синдрому Доріана Грея. *Вісник ОНУ, (Соціологія і політичні науки),* Т. 17., Вип 2(16), 116 – 128.
6. Укрепление прав женщин во всем мире Резолюция 1860 ПАСЕ (2011). *Электронная библиотека ПАСЕ.* <http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2012%5D/%5BJan2012%5D/Res1860_rus.asp#TopOfPage>.
7. Opinion of the European Economic and Social Committee on «The future of the labor market in Europe – in search of an effective response to demographic trends» (2011) (exploratory opinion). *Офіційний сайт Європейської Комісії.* <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2011:318:0001:0008>.
8. The demographic future of Europe. From challenge to opportunity (Commission Communication). *Электронная библиотека «Документы Еврокомиссии» на англ. языке*. <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52006DC0571:EN:NOT>.

Александр Соколов

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Multiculturalism, as a phenomena of the modern society development, raises questions that consider the prevailing legal theories and theories of political order. The attention has been focused on the transformation by the liberal doctrine the individual human rights in the majority of the West democracies directed on the development of the group rights of minorities. The transformation of the democracy doctrine manifested in the different forms of «positive discrimination» and «special» rights, that are suggested minorities by the political systems with an aim to weaken the social tension in the complex societies. The typical reactions of the modern socio-political systems have been considered as political projects of «isolationism», «assimilationism», «soft multiculturalism», «hard multiculturalism», «apartheid», etc.

Изменения этнического и культурного ландшафта современных обществ, плотный контакт представителей различных правовых культур приводит к трансформации правового сознания, детерминирует появление новых тенденций в современной политико-правовой культуре, приводит к рецепции правовых и культурных норм контактирующих групп, обусловливает взаимовлияние национальных политических системах, ставит вопрос о механизмах реагирования правовых систем на изменения в экономической, политической, социальной, технологической, технической, информационной, культурной сферах.

Таким образом, обязательным направлением исследований мультикультурных практик становится правовая и политическая компаративистика. Так, выделяя выгоды сравнительного правоведения, Рене Давид отмечал, что оно «значимо для взаимопонимания народов и создания лучших правовых форм, отношений в международном общении» [1]. Мультикультурализм ставит ряд вопросов, которые касаются преобладающих ныне правовых теорий и теорий политического порядка. Актуальным становятся проблемы коллективных прав, которые вступают в конфликт с либеральной доктриной индивидуальных прав человека, которая была характерной для

[1] Давид, Р. (1988) *Основные правовые системы современности*. Москва: Прогресс, 5.

большинства Западных демократий. Пересмотр демократической доктрины проявляется в так называемых «поддерживающих мероприятиях» («affirmative action»), которые предоставляют политические и социальные преимущества или меры «позитивной дискриминации», применяемые к национальным, расовым, гендерным и другим меньшинствам.

Основными задачами правовой компаративистики в процессе исследования межкультурных взаимоотношений являются: а) сравнение национальных правовых систем с целью установления общих черт и особенностей, б) анализ решений, принимаемых по сходным проблемам в различных национально – правовых системах, в) исследование процессов рецепции и согласования правовых норм и правовых традиций, г) исследование процесса развития правовых норм, которые вызваны необходимостью в соответствии межкультурных контактов. Наработки правовой компаративистики позволяют: определить уровень законодательного воплощения мультикультурной стратегии, которая уже принята различными государствами; сравнить их правовые механизмы и практики по проблемам мультикультурной реальности.

Определение факторов внедрения принципа мультикультурализма в политико-правовой и социально-культурной практике обусловливает анализ форм его закрепления (как образовательного, религиозного, правового принципа и др.). Мультикультурализм предлагает подходы к объяснению сущности общества, которое осознает собственную многосоставность и реализует на уровне идеологии и в форме национальной политики принципы признания, недискриминации, свободы группового и индивидуального выбора, социального согласия, межэтнической и межкультурной толерантности.

Мультикультурализм охватывает спектр социальных, этнокультурных, политических проблем, которые возникают между государством, национальным большинством, национальными коренными меньшинствами, этническими группами иммигрантов. В данном контексте значимы как инструментальные – социально-технологические средства ослабления социальной напряженности, так и те, которые направлены на трансформацию политических и правовых систем национальных государств, их внутренней национальной политики. Определение последствий нормативного внедрения принципа мультикультурализма, т.е. реакции социально-политических систем на вызовы со стороны социокультурных групп, является предметом политологического анализа.

Среди типичных реакций выделяют «изоляционизм», «асимиляционизм», «мягкий мультикультурализм», «жесткий мультикультурализм», «апартеид» [1].

Изоляционизм – политические, социокультурные и экономические меры, направленные на создание жесткой границы между группами в обществе, с целью не допустить культурное многообразие, групповое сегментирование, в котором видится угроза стабильности социальной системы и национального пространства. Историческим примером является политическая практика Японии до середины XIX в., но и сегодня этот принцип наиболее заметен в ее миграционной и культурной политике. Ярким примером является иммиграционное законодательство Австралии в 70-х гг. XX в., которое было направлено на сохранение белой расы англо-кельтского происхождения и британской культуры как доминирующей. Современным примером «изоляционизма» может быть Северная Корея, ряд мусульманских государств (Бахрейн, Ливия, Саудовская Аравия). Так, миграционная политика Саудовской Аравии получила название «политики нулевой натурализации», что означает невозможность получения гражданства и гражданских прав мигрантами. Практика изоляционизма может быть исключительной мерой по отношению к определенной, нежелательной группе (например: в Бахрейне в отношении шиитов[2]. Причиной такой реакции является страх деформации общества, «замещения» традиционного культурного пространства.

Определенной альтернативой изоляционизму предстает «ассимиляция» которая заключается в инкорпорации (аккультурации, миксации) мигрантов в культурное пространство принимающей стороны. Она представляется как условие их успешной интеграции и возможность получения «пакета» социальных и политических прав. Примером является практика большинства западных стран до середины 50 – х гг, политика которых была направлена в сторону «национализации» мигрантов. Яркими моделями ассимиляционной стратегии являются все формы «плавильных котлов» в США, СССР, Югославии, Франции, и др.

---

[1] Кукатас, Ч. Теоретические основы мультикультурализма. *Электронная библиотека InLiberty.ru* <http://www.inliberty.ru/library/authors/Chandran_Kukathas/> (2014, январь, 24).

[2] Узун, Ю. В. (2012) *Практика мультикультурализма как индикатор геополитической субъектности государства и развитости гражданского общества*. Одесса: Феникс, 4, 130.

Такие стратегии считаются составным элементом стабильности и целостности политической национальной общности, которая создавалась в результате большого потока мигрантов или значительного количества культурных групп. Недостатком «ассимиляционизма» является его продолжительность, формирование гибридных форм культуры, невозможность завершения процесса в течении одного поколения, особенно когда вопрос стоит об ассимиляции групп с глубокими различиями, непредсказуемость социально-культурных результатов.

Промежуточной формой между политикой изоляции и ассимиляции стал «мягкий мультикультурализм». Эта модель не ставит барьеры на пути «чужеродных» элементов, является терпимой к антилиберальным группам и не относится отрицательно к различиям. Следует отметить, что со стороны государства нет поддержки таких различий. Главными элементами мягкой стратегии является языковая и образовательная программы. Примером политика билингвизма в Канаде, или отсутствие протекционизма общегражданскому языку в Швеции, поддержка миноритарных языков с целью привлечения их носителей в гражданскую жизнь.

В треугольнике: государство – культурные сообщества – индивид, именно индивид выбирает стратегию поведения, исходя из собственных ожиданий, ценностей, целей. Такая форма мультикультурной политики исследователями названа формой «доброжелательного безразличия государства» в социокультурных процессах[1].

Ограничение индивида в праве выбора поведения, наделение государства возможностями выступать не «арбитром», а главным «игроком» отличает предыдущую «мягкую» стратегию мультикультурализма от «жесткой». Политика «жесткого мультикультурализма» всегда направлена на поддержку культурных различий, идентичностей при соблюдении принципов равноправия развития межгрупповых связей, взаимодействий, толерантности в отношении друг к другу. Происходит фактически навязывание равноправия путем культивирования «cultural identity». Нетолерантное поведение отслеживается государством и карается непризнанием в правах.

Крайней формой реакции на культурное многообразие, которая проявляется в сегрегации, геттоизации группы, наделение разной степенью социальных, политических, экономических, культурных прав и обязанностей и создает жесткую иерархическую систему

[1] Кимлика, У. (1998) Либеральное равенство. *Современный либерализм*. Москва: Прогресс-Традиция, 138–190.

признан «апартеид» [1]. Данная практика сохраняет общество разделенным, сегментированным что несет в себе значительный потенциал конфликтности

Для социополитического анализа, мультикультурализм является как проблемой микроуровня – проблемой взаимопонимания и взаимосуществования людей разной культуры, так и проблемой макроуровня – образование целостного общества. Так, на стыке политического и общефилософского анализа, в рамках философии политики оформилась типология мультикультурализма. М. Тлостанова доказывает существование таких типов мультикультурализма, как плюралистический (либеральный), диалогический (полицентрический), повстанческий (оппозиционный), консервативный (корпоративный)[2].

«Плюралистический» представлен концепциями Г. Каллена, Дж. Роуза, В. Кимличка. Они исходили из того, что социетальная культура обеспечивает общность социальных практик и институтов, охватывает все сегменты общества и является условием достижения социокультоной целосности либеральных обществ [3]. Так Гораций Каллен ввел в научный обиход термин «культурный плюрализм», как альтернативный к «ассимиляции».

«Диалогический» тип представлен концепциями Б. Паркха и Э. Саида. Этот тип предлагает рассматривать «других» не как онтологическую данность, но как исторический конструкт, а в этих условиях культуры становятся зонами контроля включения.

Особым типом мультикультурализма М. Тлостанова называет «повстанческий», ссылаясь на Генри Жиру, который впервые использовал этот термин при анализе культур пограничья [4]. К сторонникам этого типа мультикультурализма относятся леворадикальные, национально-освободительные, экстремистские движения, которые обвиняют либеральный мультикультурализм в том, что он создает обманчивую картину гармоничного многообразия, которое не учитывает «различий» между культурными группами. Этот тип мультикультурализма не занят культивированием различий, а

1 Кукатас, Ч. Теоретические основы мультикультурализма. *Электронная библиотека InLiberty.ru* <http://www.inliberty.ru/library/authors/Chandran_Kukathas/> (2014, январь, 24).

2 Тлостанова, М. В. (2000) Движение идеи мультикультурализма в США конца XX века. *США: Канада: экономика, политика, культура*, 5, 74.

3 Кимлічка, В. (2001) *Лібералізм і права меншин*. Харків: Центр освітніх ініціатив, 137.

4 Тлостанова, М. В. (2000) Движение идеи мультикультурализма в США конца XX века. *США: Канада: экономика, политика, культура*, 5, 100.

направлен на защиту дискредитированных групп. «Повстанческий» тип коррелирует с коммунитаристским видением мультикультурализма Ч. Тейлора.[1]

Отдельным типом мультикультурализма является «консервативный» или «корпоративный» мультикультурализм, который поддерживают ученые (Д. Горовиц, А. Шлезингер и др.).[2]. Их позиция направлена на размывании культурных границ, абсолютизируя желаемую гомогенность национальной культуры.

Теоретизирование вокруг типов мультикультурализма является одним из видов конструирования новой социальной реальности, предметом дискусси между сторонниками философских концепций либерализма и коммунитаризма, основанного в 1971 г. после выхода в свет труда Дж. Ролза «Теория справедливости». Дискуссии между этими течениями продолжаются. Проблемы индивидуальных и групповых прав и объема «нейтральности» государства по межкультурному диалогу остаются центральными пунктами дискурса. Социолог Питер Вагнер видит проблему понимания в том, что развитие частной сферы, которая является одним из столпов либерализма, трансформирует мир в сторону растущей изолированности индивида. Индивид мыслится вне социального контекста, исходя из идеи, что социальные силы не должны быть абсолютными по отношению к человеку, поскольку универсальными должны быть только права, дающие человеку свободу в его самоопределении, позволяют сбросить путы групповых условностей, в том числе культурных. Эти тезисы опровергают комунитаристы, подчеркивая социально обусловленный характер индивидуальности. Так А. Макинтайр, отмечает, что индивид имеет определенную роль и статус в пределах определенной культуры [3]. А Ч. Тейлор отмечает, что «... свободный индивид может получить идентичности и поддерживать ее только в рамках культуры... Они (идентичности) свойственны институтам, которые нуждаются в непрерывности, а часто и в поддержке общества. Следовательно, требование поддерживать живую и разнообразную культуру – это еще и требование иметь сложное и

[1] Тейлор, Ч. (2003) Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами. *Современный либерализм.* Москва: Прогресс-Традиция.

[2] Schlesinger, A. M. (1992) *The Disuniting of America. Reflections on a Multicultural Society.* New York; London: Norton.

[3] Чукин, С. Г. (2001) Ю. Хабермас versus А. Макинтайр: к вопросу об основаниях современного философствования. Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. *Сборник к 75-летию профессораМ.Я. Корнеева,* Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 11, 86.

интегрированное общество, которое хочет и может поддерживать все эти институты»[1]. В этом ракурсе мультикультурная парадигма выступает синтезом либерализма и коммунитаризма, воплощая коммунитаристское стремление к объединению и либеральное понимание личности и терпимости. Объединяя правовую концепцию справедливости и приоритет прав человека на котором строится гражданское общество, с правами национальных, религиозных, сексуальных и других меньшинств, каждое из которых выступает как отдельное сообщество.

Мультикультурализм трактуется не только как форма теоретической концептуализации роста культурного плюрализма современных национальных сообществ, как проблема межкультурной коммуникации, но и как важное направление развития современной социальнй теории и политической практики. Мультикультурализм предполагает согласование вопросов социального, политического и экономического равенства членов общества, как на индивидуальном так и на групповом уровнях.

Литература:

1. Давид, Р. (1988) *Основные правовые системы современности*. Москва: Прогресс.
2. Кимлика, У. (1998) Либеральное равенство. *Современный либерализм*. Москва: Прогресс-Традиция, 138–190.
3. Кимлічка, В. (2001) *Лібералізм і права меншин*. Харків: Центр освітніх ініціатив.
4. Кукатас, Ч. Теоретические основы мультикультурализма. *Электронная библиотека InLiberty.ru* <http://www.inliberty.ru/library/authors/Chandran_Kukathas/> (2014, январь, 24).
5. Проценко, О., Лісовий, В. *Лібералізм.* Київ: Простір, Смолоскип, 258.
6. Тейлор, Ч. (2003) Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами. *Современный либерализм.* Москва: Прогресс-Традиция.
7. Тлостанова, М. В. (2000) Движение идеи мультикультурализма в США конца XX века. *США: Канада: экономика, политика, культура*, 5.
8. Узун, Ю. В. (2012) *Практика мультикультурализма как индикатор геополитической субъектности государства и развитости гражданского общества*. Одесса: Феникс, 4.
9. Чукин, С. Г. (2001) Ю. Хабермас versus А. Макинтайр: к вопросу об основаниях современного философствования. Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. *Сборник к 75-летию профессораМ.Я. Корнеева,* Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 11.
10. Schlesinger, A. M. (1992) *The Disuniting of America. Reflections on a Multicultural Society.* New York; London: Norton.

[1] Проценко, О., Лісовий, В. *Лібералізм.* Київ: Простір, Смолоскип, 258.

Светлана Шевченко

КЛЕРИКАЛИЗМ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

In the article the problem of historical choice of survival of humanity is examined in his cultural variety, above all things in religious-state relations. Legislation of states sets different rights for religious organizations and variously communicates with them. Nevertheless, tendency to strengthening of influence of church/religious organizations on a political process and to strengthening of requirement in church organizations for some political organizations is obvious. The decline of level of state possibilities on providing of social unity stipulates a tendency to creation of unions of state and religious institutes, to the height of influence of religious organizations.

События начала XXI века, связанные с ростом настроений культурного изоляционизма и «национал-патриотизма», с ростом нетерпимости к представителям иной веры, национальности и культуры, демонстрируют активизацию проблемы исторического выбора выживания человечества в его многокультурном разнообразии. При этом, с одной стороны, растет стремление выработки универсальной этики (так, в соответствии с резолюцией ООН, 2000 год был объявлен «Международным годом культуры мира» с целью активизации диалога культур и к 50-летию ООН был подготовлен сборник «Глобальная этика: Декларация Парламента религий мира»), а с другой стороны, – растет уровень вмешательства церковных организаций в политические процессы, обнаруживая тенденцию к клерикализации.

Последняя тенденция очевидна в тех государствах, где отмечается высокая степень недоверия к органам власти и институтам государства, где церковные организации перебирают на себя функции обеспечения социальных «лигатур» – т. е. связей, с последующей детерминацией социального и политического поведения людей, обращающихся к ним. Эта тенденция проявляется сейчас и в современной Украине, где противостояние на Майдане в декабре-январе 2013-2014 гг. обнаружило активное вмешательство религиозных организаций в политический процесс. Так, например, Предстоятель Украинской греко-католической церкви Любомир Гузар со сцены на Майдане Незалежности молился за успех Евромайдана, обращаясь к протестующим с призывам «не иметь страха»; с другой

стороны, – Митрополит Вышгородский и Чернобыльский УПЦ (МП) Павел (Лебедь) во время «круглого стола» похвалил милицию и поинтересовался, сколько платят студентам на Евромайдане. Таким образом, церковные организации даже в светских государствах влияют на ход политического процесса и часто не только словом, но и делом.

О роли взаимоотношений церкви, религиозных организаций, религии вообще и государственных институтов исследователи задумывались давно. Немецкий социолог Макс Вебер и английский историк Арнольд Тойнби придавали самодовлеющее и определяющее значение религии. М. Вебер, исследовавший феномен протестантизма и всей реформации, признавал его решающую роль в развитии капиталистических отношений в Европе. А. Тойнби, отводивший религии роль системы, определявшей основные принципы той или иной цивилизации, считал, что христианство было той «куколкой», из которой вылупилась вся западная цивилизация[1]. Работы Т. Гоббса, Г. Ф. Гегеля, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, О. Конта, К. Маркса, К. Мангейма, Ш.-Л. Монтескье, Н. М. Никольского составляют сегодня научную основу сравнительного метода по данной проблематике. Достаточно вспомнить слова Г. В. Ф. Гегеля о том, что «… религия и основа государства – одно и то же : они тождественны в себе и для себя… и вместе с тем различны; в ходе исторического процесса они строго разделяются, но затем вновь полагаются как истинное тождество… Народ, имеющий плохое понятие о Боге, имеет и плохое государство, плохое правительство и плохие законы. В религии и государстве – одно понятие свободы»[2].

Вопрос о социальной обусловленности религии и её роли в политическом развитии общества изучался О. Контом, Э. Дюркгеймом, М. Вебером, Г. Зиммелем, П. Сорокиным, Ш. Эйзенштадтом и др. Социально-психологические интеграции социума через коллективный ритуал изучали также М. Вебер, Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, А. Рэдклифф–Браун, Д. М. Угринович, З. Фрейд, В. Франкл, Э. Фромм и др. Проблеме социальной динамики и влияния на неё религии посвящены работы Роберта Нилли Бэлла, Даниэла Бэлла, С. Н. Булгакова, М. Вебера и др. Особенности социально-политических представлений и сущность христианства в своих

[1] Тойнби, А. (2001) Роль религии в цивилизационном устроении общества. *Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия*, сост. Б. Ерасов. М.: Аспект-Пресс, 129.

[2] Гегель, Г. Ф. В. (1975) Отношение религии к государству. *Философия религии: в 2 т.* М., Т. 1., 401.

работах рассматривали А. Гарнак, А. Гуревич, В. Розанов, Ю. Кимелев, Й. Григулевич, Т. Шульц, И. Ястребов и др. Социокультурные проблемы диалога мировых религий рассматривали в своих трудах И. Василенко, Б. Ерасов, А. Журавский, Л. Медведко, М. Уотт и др.

Целью статьи является анализ современной системы отношений церковных (религиозных) организаций и государственных институтов, анализ тенденции клерикализации в условиях реконструкции системы национально-государственных отношений.

При анализе взаимоотношений религиозных и национально-государственных институтов современный политический анализ использует устоявшуюся классификацию стран, выделяющую плюралистические и клерикальные политические системы.

При этом плюралистическими признаются те, в которых конституционно гарантирован плюрализм как идейно-регулятивный принцип общественно-политического и социального развития, который исходит из существования нескольких (или многих) независимых основ политических знаний и миропонимания. Признаками плюралистических государств являются : отсутствие преимуществ какой-либо Церкви (конфессии); признание религии частным делом граждан; право людей каких-либо вероисповеданий занимать государственные посты; игнорирование религиозных праздников государством.

С другой стороны, клерикальными государствами являются те, которые основаны на принципе клерикализма (от лат. Clericalis – «церковный») –общественно-политическая практика осуществления церковью, религиозными политическими партиями или другими религиозными организациями системы мер на конфессиональной идеологической основе, направленных на достижение доминирующей роли религии и церкви в разных сферах общественной жизни. Признаками клерикальных государств являются : наличие религии, которая имеет статус государственной; изучение религиозных догматов в школах; высшие должности обязательно занимают лица, которые являются последователями правящей в стране конфессии; зависимость условий и безопасности проживания иноверцев в этих странах от культуры конкретного народа и правящего режима.

По данным Гарвардского университета, в 2000 г. 75 государств мира признали то или иное вероучение официальным. Так, к клерикальным политическим системам относятся почти все страны, где доминирует исламская религия (причем, это и теократическая республика Иран, и абсолютная монархия Саудовская Аравия, и др.); Таиланд, Лаос, Камбоджа, Бутан, где государственной религией

объявлен буддиз, и в Шри-Ланке, где буддизму отведено «передовое» место; до 2006 г. в этот перечень стран, «имеющим государственную религию», входил и Непал, который был единственной страной мира, которая признавала государственный статус индуизма (это положение было отменено решением парламента страны в 2006 г.). Ряд государств Европы – Исландия, Дания, Греция (это лишь отдельные примеры) – сохраняют государственную церковность.

Некоторые страны Европы имеют особые отношения с церквями и иногда это не одна церковь, а несколько. Например, действующая Контитуция Индонезии гарантирует свободу вероисповедания, однако по закону, принятому в 1965 г., особый статус, предусматривающий поддержку и защиту государства, предоставлен основным религиям страны – исламу, протестантизму, католицизму, индуизму, буддизму и конфуцианству. Подобную ситуацию демонстрирует Бельгия, где популярным в 80-х годах XX ст. было экуменическое движение за объединение церквей.

В данном русле вызывает интерес и ситуация в Финляндии, в которой несколько религий признаются таковыми, что имеют особый статус (Лютеранская и Православная). Соответственно, в Финляндии отношения между церковью и государством регулируются особыми соглашениями. Деятельность церкви регулируется особым законодательством. Церковь имеет право на особый церковный налог (собирается при помощи государственных структур на добровольной основе). Однако юридически Церковь Финляндии не является государственной. В ФРГ особый статус имеют и Католическая, и Евангелическая Церкви.

Что касается евангелическо-лютеранской церкви, то она является государственной в Дании, Исландии. В Норвегии евангелически-лютеранская церковь оставалась таковой до 2012 г. Однако с отделением от государства король остаётся главой церкви, священники сохраняют статус государственных служащих, а государство сохраняет ответственность за поддержание церковных зданий в надлежащем состоянии. Аналогичная ситуация и в Швеции, где с 2000 г. Церковь независима от государства, хотя король продолжает оставаться главой церкви, церковным налогом облагаются все граждане, церковь получает средства из государственного бюджета и является крупным лесо– и землевладельцем.

В Дании главой церкви является король, взимается церковный налог, священники являются государственными служащими. В Исландии главой церкви является президент, а государство отвечает за экономическое состояние церкви. В Шотландии также есть

национальная Пресвитерианская Церковь Шотландии, но английский монарх является не главой этой церкви, а лишь её членом.

Католицизм признан государственной религией во многих государствах – в Ватикане, Лихтенштейне, Монако, Сан-Марино, в некоторых кантонах Швейцарии, Мальте, Мальтийском ордене, Аргентине, Доминиканской Республике, Коста-Рике, Сальвадоре.

В ряде государств, где католицизм нашел широкое распространение, установлены особые отношения с римо-католической церковью (в Испании, Германии, Италии, Бразилии, Ирландии). Так в Испании, где католицизм до 1978 г. был государственной религией, расходы церкви полностью покрывались государством. Сейчас в Испании, где характерной особенностью является практика заключения государством соглашений с религиозными организациями (римо-католической церковью, протестантской и иудейской федерациями, а также мусульманской комиссией), действуют специальные договора, регулирующие различные аспекты жизнедеятельности церкви в сфере права, образования, культуры, экономики. За католической церковью закреплено право принимать пожертвования от верующих, организовывать сборы. Церковь получает поддержку от государства в виде ежегодно определяемой дотации из госбюджета. Наряду с этим на нужды церкви направляются средства, отчисляемые из подоходного налога. С 1987 г. испанский налогоплательщик может по своему усмотрению направить 0,5 % от подоходного налога либо на нужды церкви, либо в госбюджет на социальные цели. На протяжении ряда последних лет количество средств, направляемых гражданами на нужды церкви, неуклонно растет. Государство освобождает от налогов средства и пожертвования, полученные церковью, а также деятельность, связанную с религиозным преподаванием, приобретением предметов культа. Церковь освобождается также от уплаты налога на недвижимость за здания, используемые для религиозных целей. Определено, что религиозное преподавание в учебных заведениях любого уровня не носит обязательного характера. Католическая церковь имеет право открывать свои учебные заведения, деятельность которых осуществляется на основе общего законодательства. Создан институт военных капелланов, определены отсрочки от призыва для семинаристов, выбор альтернативной службы для священников, предусмотрено освобождение от прохождения воинской службы для епископов и приравненных к ним священнослужителей.

В Германии также католицизм пользуется значительным влиянием, в его пользу взимается до 10 % подоходного налога. В Италии

конституцией 1947 г. провозглашена свобода совести, но при этом сохранен государственный характер католицизма. В Бразилии католическая церковь полностью отделена от государства и провозглашена свобода совести, однако президентская власть освящается церковью и религиозное обучение является частью школьных программ при свободном посещении занятий. Бразильская церковь формирует государственные программы по образованию, экономическим, аграрным и законодательным вопросам. В Ирландии конституция гарантирует католической церкви особый статус, позволяющий ей контролировать системы здравоохранения и образования. Здесь запрещены разводы, аборты и продажа контрацептивных средств.

Православная церковь также закрепила свои привилегированные отношения с государственными институтами в ряде стран Восточной Европы.

Ещё в 1975 г., с момента принятия ныне действующей Конституции Греции, в ст. 3 Раздела II (Отношения Церкви и государства) установлено: «Господствующей в Греции религией является религия восточно-православной Церкви Христовой. Православная Церковь Греции, признающая своим главой Господа нашего Иисуса Христа, неразрывно связана в своих догматах с Великой константинопольской Церковью и со всякой другой единоверной Церковью Христовой, неуклонно соблюдает, так же как и они, святые апостольские и соборные каноны и священные традиции. Она является автокефальной и управляется Священным Синодом архиереев, находящихся на церковной службе, и избираемым ими Постоянным Священным Синодом, который создается в порядке, определяемом уставом Церкви, с соблюдением положений Патриаршего тома от 29 июня 1850 года и акта Синода от 4 сентября 1928 года[1].

Деятельность Православной Церкви в Греции связана с государством. 97 % греков – православные. Крещение и венчание юридически приравниваются к гражданским актам регистрации рождения и брака. Православные священнослужители получают государственную зарплату, имея при этом ряд льгот (например, освобождение от воинской повинности). Государственные чиновники, включая правительство и президента, при вступлении в должность приносят присягу на Библии в присутствии духовенства. В школах преподается Закон Божий. Священники в Греции получают зарплату от государства, они приводят к присяге всех высших чиновников. В 2005 г. греческий «Союз за права человека» представил законопроект по

[1] Конституция Греции 1975. *Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова.* <http://worldconstitutions.ru/archives/153>

отделению Элладской Православной Церкви от Греции. «Правозащитники» пытались внести изменения в сферах церковного имущества и финансирования (с выплатой жалованья священникам от Церкви, а не от государства). Ведется речь и об ограничении преподавания основ Православия в учебных заведениях. Предлагалось также узаконить возможность кремации усопших. В результате в 2005 г. Церковь лишили права распоряжаться строительством храмов других конфессий. Элладская Православная Церковь добровольно согласилась снять с себя эту функцию. Теперь просьбу о строительстве мечети или синагоги надо подавать непосредственно в министерство образования и исповеданий. Вскоре после принятия этого решения власти объявили о строительстве первой за почти два столетия мечети в Афинах. Также была разрешена кремация покойников (иноверцев), хотя Православная Церковь предписывает церковное погребение. Министр образования Греции Мария Яннаку запретила православным священникам исповедовать учащихся прямо в школах. В изданном ею циркулярном письме говорится, что директора школ обязаны уведомлять учеников, желающих исповедоваться, о времени, когда те могут сделать это в своих приходах. До последнего времени священники, с разрешения педагогических коллективов, могли приходить в школу и исповедовать учеников. В начале текущего десятилетия из греческих удостоверений личности была изъята графа «вероисповедание». Греция, как член ЕС, обязана придерживаться стандартов этой организации по отношению к свободе совести. Около 40 % жителей Греции поддерживают идею отделения Церкви от государства, в то время как примерно 33 % выступают против. Остальные не определились с ответом. Проведение народного референдума по вопросу об отделении Церкви от государства предложил в 2005 г. митрополит Фессалоникийский Анфим.

В Грузии в 2002 г. Президент Эдуард Шеварднадзе и Католикос – Патриарх всея Грузии Илия II подписали «конституционное соглашение», в соответствии с которым православие фактически возведено в ранг государственной религии, хотя такого термина в самой конституции нет. В девятой статье конституции Грузии записано : «… государство признает исключительную роль Грузинской православной церкви в истории Грузии и вместе с тем провозглашает полную свободу религиозных убеждений и вероисповедания, независимость церкви от государства»[1].

[1] Конституция Грузии 1995 *Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова.* <http://worldconstitutions.ru/archives/130>

Согласно главе 13 п. 3 конституции Республики Болгария 1991 г., «восточное православие является «традиционным» вероисповеданием страны», однако п. 1 и п. 2 этой же главы закрепляют принцип свободы вероисповедания и принцип секуляризации. Пункт 4 главы 13 Конституции Болгарии запрещает религиозным организациям заниматься политической деятельностью[1]. Аналогично определен статус церкви в Конституции «православной» Македонии, где в ст. 19 говорится о свободе вероисповедания и об отделении Македонской православной церкви, как и других религиозных организаций, от государства.

В странах традиционного православного вероисповедания – например, в современной России и в Украине, прослеживается усиление тенденции клерикализации. Признаками этого является празднование православных дат качестве общегосударственных, демонстрация государственными лицами их православного вероисповедания (присутствие на богослужениях), присяга на Библии (в Украине Президенты – Л. Кравчук, В. Ющенко присягали на Пересопницком Евангелии). С критикой клерикализации выступают ряд организаций, но наиболее активные проявления наблюдаются в России. Еще в 2002 г. общество «АТОМ» – аббревиатура «Атеистическое общество Москвы», опротестовало рост клерикализма, проявляющегося в том, что церковь вмешивается в политическую деятельность, внедряется в Вооруженные Силы, исправительные учреждения и другие государственные структуры. С протестами выступали и представители академических институтов и политические либеральные организации, например, «Яблоко».

Что касается иудаизма, то официально он не является государственной религией ни в одной стране мира, однако в Израиле религия не отделена от государства. Здесь главный церковный орган – Раввинат и институты обучения религии (ешивы) прямо поддерживаются Министерством по делам религии. В ведение этого министерства также входят местные религиозные советы и местные религиозные суды, решения которых выполняются исполнительной властью. Религиозная принадлежность еврея учитывается миграционным и семейным правом. В сфере семейного права действует исключительно религиозное право – заключение и расторжение браков находится под контролем Раввината Израиля. В результате в стране нет гражданских браков для евреев (для последователей других верований вступление в брак контролируется представителями

[1] *Конституция на Република България 1991.* <http://www.parliament.bg/bg/const/>

соответствующих религиозных структур; только два атеиста имеют право зарегистрировать брак вне религиозной системы – в суде по делам семьи). В шабат (субботу), согласно религиозному канону, работа большей части организаций (включая сферу услуг и транспорт) останавливается, что также свидетельствует о влиянии религиозных структур на социальную и политическую жизнь страны.

В отношении ислама, который признается государствообразующей религией, следует отметить, что его суннитское направление признается официальной государственной религией в 21 стране мира – в Марокко, Алжире, Тунисе, Египте, Сомали, Судане, в Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейне, Иордании, в Палестине, Йемене, Катаре, Коморских островах, в Мавритании, Афганистане, Пакистане, Бангладеш, Брунее, в Мальдивской Республике, в Малайзии. Так, например, Конституция Республики Тунис 1959 г. с поправками 1988 г. в статье 5 устанавливает гарантию неприкосновенности личности и свободу совести, обеспечения отправления религиозных культов, при условии, что оно не нарушает общественного порядка, однако в статье 1 Конституции говорится, что Тунис – это государство, религия которого Ислам, Преамбула Конституции ставит цель «Именем Аллаха, Милостивого и милосердного! …Сохранить верность учению Ислама».

Государствами, в которых шиитское направление является доминирующим и имеющими тесную связь религиозных институтов с органами государственной власти, являются теократическая Республика Иран и Йемен. Так, Конституция Республики Йемен фиксирует в ст. 2, что государственная религия Йемена – ислам, а ст. 3, что Шариат является главным источником законодательства. Устройство системы власти и законодательства, опирающегося на нормы Корана и Шариата в этих государствах, обнаруживает наиболее тесную связь религии и государственного механизма. В условиях отсутствия церкви как таковой в странах распространения ислама термин «клерикализм» используется условно, и под ним понимается институциональное влияние религиозной конфессии (ислама) на политические процессы и функционирование государственных институтов.

Официальный антиклерикализм – атеизм как выбор государства существовал только в Албании с 1967 по 1991 годы, т. к. был провозглашен законодательно. В 1998 году в новой Конституции Албании, в ст. 10 отмечается, что, во-первых, в Республике Албания нет официальной религии. Государство нейтрально в вопросах веры и совести и гарантирует свободу их выражения в общественной жизни.

Во-вторых, государство признает равенство религиозных объединений. Государство и религиозные объединения взаимно уважают независимость друг друга и сотрудничают на благо каждого и для всех. В-третьих, отношения между государством и религиозными объединениями регулируются на основе соглашений, заключаемых между их представителями и Советом министров. Эти соглашения ратифицируются Кувендом. Кроме того, религиозные объединения имеют статус юридического лица. Они независимы в управлении своими капиталами, согласно своим принципам, правилам и канонам, без учета третьих интересов.

Таким образом, законодательство государств устанавливает различный объем прав для религиозных организаций и по-разному поддерживает связь с ними. Тем не менее, тенденция к усилению влияния церковных/религиозных организаций на политический процесс и к усилению потребности в церковных организациях для некоторых политических образований очевидна. Снижение уровня государственных возможностей по обеспечению социального единства обусловливает тенденцию к созданию союзов государственных и религиозных институтов, к росту влияния религиозных организаций. В отсутствии светской альтернативы социального единения потребность в секуляризации утрачивает целесообразность. Решающим становится вопрос, способно ли рациональное мышление, базирующееся на научных методах, выработать мировоззрение, дающее ответы на вопросы о смысле человеческой и социальной жизни. Речь идет об интеллектуальном багаже секулярного общества, всех видах светского сознания, его духовном багаже – светском гуманизме. Хотя сегодня на популярность претендует и другая альтернатива мировым религиям – возврат к архаичным верованиям (магическим ритуалам, мифологии, астрологии, оккультизму и т. д.).

Литература:

1. Гегель, Г. Ф. В. (1975) Отношение религии к государству. *Философия религии: в 2 т.* М., Т. 1.
2. Конституция Греции 1975. *Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова.* <http://worldconstitutions.ru/archives/153>
3. Конституция Грузии 1995 *Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова.* <http://worldconstitutions.ru/archives/130>
4. *Конституция на Република България 1991.* <http://www.parliament.bg/bg/const/>
5. Тойнби, А. (2001) Роль религии в цивилизационном устроении общества. *Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия*, сост. Б. Ерасов. М.: Аспект-Пресс, 129.

Мария Доброва

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В УКРАИНЕ

The article deals with the formation of political identity. The main factors that influence this process during the transition period.
Using constructivist method and approach of symbolic interactionism examines the formation of political identity as part of constructing reality, and as part of the character space policy is seen as a means of emphasizing some differences from other social groups.
It is noted that in the transition state of the political system along with political values and ideologies of particular importance to the issues of history, language, culture, regional and socio-economic division of the country, the activities of religious denominations, which affect the formation of political identity.

Актуальность темы статьи обусловлена практической значимостью проблемы формирования политической идентичности в условиях переходного периода в Украине. Поиск механизмов формирования политической идентичности как важного фактора эффективного управления и демократической публичной политики, адекватных современным вызовам переходного общества, выступает актуальной проблемой политологических теоретических и рикладных исследований.

В переходный период происходит неоднозначный и нелинейный процесс институционализации демократических практик, правил и норм политического и социального взаимодействия.

Исследования становления и развития феномена политической идентичности во время модернизации и урбанизации связывает этот феномен со становлением современного общества, парламентаризмом, индустриализацией, деятельностью политических партий, общественных организаций, развитием медиа-пространства.

Процесс формирования политической идентичности в условиях переходного периода в Украине носить противоречивый характер – это один из главных вызовов для посткоммунистических стран, в которых, после распада Советского Союза, общества остаются разнородными по этническому, конфессиональному, культурному и языковому факторам, по уровню экономического развития территории и регионов. В святи с такими противоречивыми и далеко не

всегда предсказуемыми процесами на посткоммунистическом пространстве происходит апробация новых политических принципов взаимодействия власти и общества, в результате которой формируется новая политическая идентичность.

Нельзя недооценивать влияние глобализационных процессов на формирования этой идентичности, появлению новых, наднациональных экономических и политических акторов, что ставит под. сомнение национальную идентичность, создавая глобальную экономическую, политическую систему и в целом глобализованное общество. Одновременно глобализационные процессы, размывая национальные границы и идентичности, создают условия для появления и развития локальных, региональных и местных идентичностей.

В условиях глобализации, информационного общества и «экономики знаний», развитие политической идентичности выступает одним из главных факторов успешности общества и государства. В полной мере это касается украинского общества, в котором, наряду с институционной, политической и экономической составляющими демократических реформ возрастает роль и значимость самоопределения индивида и личностного политического выбора в процессе формирования гражданского общества и правового демократического государства.

Исследование факторов формирования политической идентичности посвящены работы таких известных зарубежных и отечественных авторов, как В. Абушенко, Б. Ажнюк, Б. Андерсон, А. Астаф'ев, С. Буерачный, П. Бергер, В. Бяки, Г. Брюбейкер, О. Галазюк, М. Гибернау, Е. Гиденс, С. Гантингтон, Н. Головатый, О. Зернецка, М. Кастельс, Т. Карозерс, М. Козловець, Н. Колтун, Н. Костенко, И. Кудря, О. Стегний, Ф. Фукуяма и др.

В переходный период политическая идентичность формируется в переменчивых политических условиях, смены роли государства под воздействием процессов демократизации и глобализации. Политическая идентичность означает процесс солидаризации индивида с определенной социальной, культурной и политической общностью, с идеологией социальной группы, их символами.

Идентифицируясь с определенной позицией в политическом пространстве, индивид принимает социально-политическую роль с обязательным набором прав и обязанностей (О. Резник), воспринимает, характеризует и переживает самого себя как своеобразного объекта – носителя (агента) общественных отношений. Это

то значение, которое субъект присваивает себе и которое другие приписывают ему (В. Ядов).

Политическая идентичность формируется в процессе осознания гражданином ценностной основы и идеологических ориентиров политической деятельности и политического участия.

По мнению М. Кастельса, интерпретации идентичности эпохи модерна прошли три исторических этапа, тесно переплетенных с эволюцией политической и экономической систем.

Во-первых, идентичность, которая является основой легитимизующей стратегии, характерна для индустриального общества.

Во-вторых, резистентная идентичность, которая формируется на основе презентации локальных сообществ и потребности их признания на национальном и глобальном уровнях.

В-третьих, проектная идентичность, которая выступает основой формирования личности, как актора, действующего субъекта информационного общества [1].

Цель статьи – исследовать факторы формирования политической идентичности в условиях переходного периода в Украине.

Процесс формирования политической идентичности характеризуется влиянием многих факторов, это комплексное социальное явление, которое совмещает личностный выбор (включая психологическую мотивацию), групповое измерение (региональная идентичность, местные традиции) и общественный уровень (национальная идентичность, идеологическая идентичность, гражданская и социокультурная идентичность).

Проблема политической идентичности заключается в осознании индивидом принятых и господствующих в данном обществе политических норм и ценностей, социальных образцов и лояльном отношении к ним, самоотождествлении с ними. Содержание политической идентичности включает разные сферы социального, всю многогранность опыта индивида и выражается в его практической политической деятельности.

В переходный период формирования политической идентичности связывается со следующими факторами.

Во-первых, с посткоммунистической трансформацией, как переходом от монопольного господства коммунистического государства и партии, которая декларировала создание новой идентичности

[1] Кастельс, М. (2000). *Информационная епоха: экономика, общество и культура* / пер с англ.; под. науч ред. О. И. Шкаратана. Москва: ГУ ВШЭ.

«советского» человека, к демократическому типу политического режима.

Не в последнюю очередь именно через посткоммунистическое состояние можно констатировать незавершенность формирования национальной идентичности в Украине и наличие региональной (пространственно-территориальных) идентичности, носители которой в определенной мере отличаются в восприятии национальной истории, культуры, этнической идентификации и т. д.

Во-вторых, чрезмерная политизирование социокультурной составляющей идентичности (языковых, культурных, религиозных), которая становится предметом политической борьбы, образует пространство политического выбора, влияющего на социальную солидарность в переходном обществе.

В то же время следуют отметить отказ от упрощенного восприятия идентичности как данности и фиксации отличий между группой, сообществами и обществами переходного типа.

Внимание исследователей политической идентичности концентрируется на процессе политической презентации, интерпретации и артикуляции символов, которые привносят определенные смыслы относительно идентичности.

Стоит согласиться с М. Козловець и Н. Колтун в том, что «В процессе формирования исторической памяти ведущую роль играют социальный опыт, этнические стереотипы аксиологической окраски и историческая традиция. В исторической памяти, в конечном итоге, остается то, что вызывает эмоциональный отзыв, соответствующий запросам настоящего [1].

Отдельным является вопрос о влиянии научного знания на определение объема и содержания исторической памяти. Значение исторического знания для национальной идентичности возрастает также с учетом явления, названного «парадоксом Бромлея», суть которого заключается в том, что в условиях разрушения традиционного общества и в святи с этим отмирания традиционно-бытовой культуры, потери весомых этнографических черт, все же происходит рост этнонационального сознания. Последнее же формируется через осознание национальным сообществом самобытности собственной исторической судьбы, а следовательно, историческая память в сфере функционирования общественного сознания выполняет мощную компенсаторную функцию. Как сложный феномен национальной

[1] Козловець М., Ковтун, Н. (2010). *Національна ідентичність в Україні в умовах глобалізації: монографія*. Київ: ПАРАПАН, 110–111.

культуры, историческая память фиксирует и хранит реальные события как столетней давности, так и новейшей истории» [1].

В-третьих, деятельность основных акторов процесса конструирования политической идентичности – прежде всего, политической элиты, органов государственной власти и институций гражданского общества.

В исследованиях политических акторов выделяются такие основные направления, как определение сущностной характеристики политической культуры общества, «выгоды» политического класса, экономические и идеологические интересы политических акторов и др.

К особенности формирования политической идентичности в переходном обществе следуют отнести высокий уровень региональной идентификации среди граждан, наличие и преобладание на определенной территории так называемой «советской идентичности», низкий уровень экономического развития и благосостояния населения и т. п. В переходных обществах складывается понимание политической идентичности как динамичного и фрагментируемого феномена общественной жизни, который формируется под воздействием политической и интеллектуальной элиты.

Политическая элита выполняет функцию формирования и реализации «политики идентичности» в масс-медиа, образовании, культуре, создании символических праздников и т. д. При этом следуют учитывать, что политика идентичности ограничена культурной и социальной традицией прошлого, сложившимися политическими и историческими мифами, которые и определяют восприятие обществом процесса конструирования идентичности.

Институции гражданского общества, как независимых от государства разных социальных групп, движений, объединений, культурных, национальных, территориальных и других сообществ, служат формой выражения разнообразных интересов личности и активно участвуют в формировании политической идентичности.

Этот процесс нуждается в эффективной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, формировании экономической модели «социально-ответственного бизнеса» и «государственно-частного партнерства», реализации политических механизмов, которые обеспечивают «равенство возможностей», расширяют поле индивидуального выбора и личной ответственности.

---

[1] Козловець М., Ковтун, Н. (2010). *Національна ідентичність в Україні в умовах глобалізації: монографія*. Київ: ПАРАПАН, 111.

В качестве отдельного фактора формирования политической идентичности переходного общества следуют отметить процесс формирования так называемой «пограничной» идентичности на основе расширения информационной культуры и глобализации. Последний феномен повлек изменения в понимании сущности национального государства и связанной с нею политической идентичностью. Глобализационные процессы, как основа формирования политической идентичности современной епохи, «обусловили существенные изменения в функциональной нагрузке феномена национального государства. Для него глобализация является своеобразным тестом на выживание, суровой и безжалостной проверкой способности адаптироваться к необратимым интеграционным процессам. Особенно это опасно для молодых государств, которые только что стали на путь независимого развития и в достаточной степени еще не обеспечили укрепления своей «иммунной» системы» [1].

Среди факторов, влияющих на процесс формирования идентичности, следуют отметить также социокультурные и геополитические. К социокультурной составляющей идентичности относят язык, религию, культуру, систему ценностей, а к геополитическим – внешнее окружение и международную политическую ситуацию.

Обобщая результаты исследования проблематики факторов формирования политической идентичности в условиях переходного периода в Украине, следуют отметить следующее.

Процесс формирования политической идентичности характеризуется комплексным влиянием многих взаимосвязанных факторов. В нем совмещаются личностный выбор индивида и его психологическая мотивация, групповое измерение политического взаимодействия, общественный уровень (национальная идентичность, гражданская идентичность) и измерение цивилизационной идентичности. Именно последняя становится определяющим фактором политического развития в условиях глобализации.

Транзитивное общество не всегда способно произвести эффективные политические механизмы солидарности индивидов. Важность взаимосвязи между политической идентичностью и функционированием политических институтов (государства, партии) подтверждается проблемами политической социализации индиви-

[1] Козловець М., Ковтун, Н. (2010). *Національна ідентичність в Україні в умовах глобалізації: монографія*. Київ: ПАРАПАН, 72.

да, усвоения норм политической культуры и активистского типа гражданской культуры.

Вместе с тем политическая идентичность способствует формированию стойких образцов политического поведения и политического (электорального) выбора.

Литература:

1. Кастельс, М. (2000). *Информационная епоха: экономика, общество и культура* / пер с англ.; под. науч ред. О. И. Шкаратана. Москва: ГУ ВШЭ.
2. Козловець М., Ковтун, Н. (2010). *Національна ідентичність в Україні в умовах глобалізації: монографія*. Київ: ПАРАПАН, 110–111.

Евгения Садыкова

ПУБЛИЧНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В УКРАИНЕ КАК КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ

The article analyzes political-law aspects, related to the process of opposition and power in modern Ukrainian political. Socio-cultural focus of participants of Evromaydan is probed. It is determined that demonstrators have the mixed reasons which politically engaged only an insignificant degree. The got results fetch out latent socio-economic factors, predisposing people to political activity. The considerable decline of economic, social and political feasibilities, accessible to the population, becoming the result of protest motions, resulted in heavy and growing «relative deprivation».

Понятие «революции» в современных социально-политических науках приобрело наиболее общий смысл любых резких, кардинальных и закономерных качественных преобразований, осуществляемых в различных сферах общественной жизни, причем в их взаимосвязи, что выражается в понятии «социальная революция». Любая революция представляет собой закономерный результат и завершающий этап длительного периода нереволюционных (эволюционных) процессов социальных изменений. При этом характер революционной фазы преобразований (резкость и глубина изменений, насильственный или ненасильственный характер и т.д.) во многом определяется характером развития общества на его предыдущей эволюционной стадии (чем более «созревшим» подходит общество к революции, тем менее болезненным оказывается сам революционный переход), а также внешними факторами.

Революцию можно определить как кардинальное и закономерное изменение в системе распределения политических, экономических и духовно-политических прав среди всех членов общества, тех или иных его социальных групп или институтов, производимое при поддержке более или менее широкого народного движения (включающего в себя представителей всех классов общества) и осуществляемое, как правило, неконституционным путем. Признак насильственности производимых революцией преобразований (и тем более – вооруженной борьбы) не является ключевым, существенным и необходимым. Революционные преобразования могут производиться и относительно мирным путем.

Революционный процесс в обществе, по мнению автора, начинается с раскола в его высшем социальном слое, порождающей

идеологическую борьбу, а затем и в собственно политической элите, порождающей уже борьбу политическую. Оба эти вида борьбы раскалываются постепенно на два лагеря (революционеров и консерваторов) все общество. Линия конфронтации, таким образом, проходит не между социальными классами, а через все классы («вертикально»), и представители всех классов оказываются как по одну, так и по другую «сторону баррикад». К моменту наступления самих революционных преобразований идеологические и политические проекты и программы, а также исполнительные силы формирования нового общества оказываются, таким образом, уже готовыми. Без этой предварительной «подготовки» революция в обществе не может ни начаться, ни, тем более, победить. Революции необходимо созреть как в духовном, в политическом, так и в массово-политическом отношении.

Основной и общей причиной актуализации революционного процесса является длительное, стойкое ухудшение общей безопасности общества (абсолютное или относительное), в которой его экономическая безопасность составляет только часть (хотя и первостепенной важности). Непосредственным «толчком» (поводом) к революционным преобразованиям является обычно не только и не столько экономический кризис сам по себе, сколько и чаще всего, длительный застой и стагнация в общественном развитии.

Почти во всех посткоммунистических странах Центральной Европы последствия распада коммунизма были относительно мирными. Собственность оказалась в значительной степени разгосударствлена; созданы рынки потребительских товаров, труда и собственности. Аппараты коммунистической власти были расформированы, а политические партии включились в борьбу за голоса избирателей: были введены избирательные системы, предполагающие демократичность. Однако не все страны обрели социальные и политические характеристики успешных капиталистических демократий. Причем, как те, что тем или иным образом стремятся к участию в Европейском союзе (Украина, Молдова, Грузия и Армения), так и другие, такие как Россия, Беларусь, Кыргызстан, Узбекистан, Азербайджан и Казахстан [1].

Все эти страны имели в большей или меньшей степени несовершенные «переходы» к капитализму и демократии. Во многих странах, в том числе и во многих из вышеперечисленных, с 1989 г. имели место «цветные» или «бархатные» революции – в Сербия (2000 г.),

[1] Lane, D. (2007). *Introduction: Outcomes of Transformation*. Basingstoke: Palgrave.

Беларусь (2001 и 2006 гг.) Грузии (2003 г.), Украине (2004 г.) и Киргызстане (2005 г.). Эти публичные протестные движения восприняли тот или иной «цвет» (на Украине – оранжевый, в Грузии – розовый и т. д.) как символ для идентификации своих сторонников и для обозначения характера движения. В 2005 г. подобное развитие событий было инициировано в России, Узбекистане и Казахстане, но затем приостановлено. Общим для всех общественных протестов были попытки социально-политических преобразований, нацеленных на введение «демократии снизу». Хотя и различаясь по содержанию, они разделяли общие цели : смещение несменяемого политического руководства, призывы к свободным и справедливым выборам, к свободе прессы. Литература же, посвященная этим феноменам, является зачастую журналистской по своему подходу, пристрастной по ориентации и скорее нормативной, чем объективной по содержанию.

В настоящей статье конкретный пример, который стал объектом анализа – политический кризис и общественные протесты в современной Украине (так называемый «Евромайдан»), как гражданское противоборство, которое, по мнению автора, имеет революционные признаки. Итак, *цель данной статьи* – анализ политико-правовых аспектов, связанных с процессом противостояния оппозиции и власти в Украине конца 2013 – начала 2014 годов. На основе проведенного социологического исследования проанализировать социально-культурный фокус участников Евромайдана и их форм протеста.

Отказ украинского руководства от подписания договора с Евросоюзом спровоцировал массовые акции протеста в Киеве и других городах. Митинги и многочисленные протесты продолжаются в настоящее время. Их участники выступают в поддержку евроинтеграции и требуют смены власти во главе с В. Януковичем. Проходящие протесты в Киеве не отражают ситуацию по стране в целом. Западные области, поддерживающие столичных манифестантов, объявили всеобщую мобилизацию, общегородские забастовки и собирают в столицу представителей своих Евромайданов. Восточные регионы, включая южную часть страны, традиционно поддерживающие президентскую команду и курс на сближение с Россией, проводят внеочередные сессии и подписывают обращения к президенту с требованием навести порядок в стране. По мнению автора, впервые после Оранжевой революции 2004 года население разных частей

Украины настолько кардинально разошлось в оценке событий и видении дальнейших перспектив [1].

Многочисленные акции протеста, начавшиеся в начале декабря прошлого года, не только продолжаются и поныне, но приобрели еще больший размах. По данным СМИ, на конец января 2014 года митингующими было захвачено десять облгосадминистраций, во всех захваченных протестующими областях созданы так называемые «Народные рады». Однако легитимность этих коллегиальных органов вызывает сомнение у многих экспертов. Первый президент Украины Леонид Кравчук считает, что Народные рады, которые создаются в регионах, являются стихийными, неконституционными и нелегитимными, что в результате может привести к развалу государства: «Органы власти, которые создают стихийно, они нелегитимные. Кто решится иметь дело с нелегитимными органами власти» [2].

В свою очередь Прокуратура Львовской области обжаловала в судебном порядке три решения Львовского областного совета, принятых 25 января: «Об образовании исполнительного комитета Львовского областного совета», «Об обращениях к госслужащим, судьям, работникам правоохранительных органов и военнослужащим» и «О признании Народной Рады Украины коллегиальным органом, уполномоченным представлять интересы народа Украины». Указанные решение были приняты на внеочередном пленарном заседании сессии Львовского областного совета. Причиной отмены послужило несоответствие Конституции Украины, нормами закона Украины «О местном самоуправлении в Украине» [3].

Анализируя действующее законодательство, можно сделать вывод о том, что у областных советов нет полномочий относительно создания своих исполнительных комитетов или других исполнительных органов. Следовательно, создание исполнительного комитета Львовского областного совета противоречит требованиям статей 6, 19 Конституции Украины и статей 5, 11, 43, 58 закона Украины «О местном самоуправлении в Украине». Также решениями суда

---

[1] Иванов Р. Евромайдан вне Киева: что происходит в украинских регионах. *Аргументы и факты*. <http://www.aif.ua/politic/ukraine/1036606>(2014, февраль, 6).

[2] Józefaciuk M. Кравчук назвал создаваемые в областях Народные рады стихийными и нелегитимными. *УНІАН. Информационное агенство.* <http://www.unian.net/politics/877667-kravchuk-nazval-sozdavaemyie-v-oblastyah-narodnyie-radyi-stihiynyimi-i-nelegitimnyimi.html> (2014, февраль,6)

[3] Прокуратура оспорила в суде признание Народной Рады Украины во Львовской области. *ZN.UA*. <http://zn.ua/UKRAINE/prokuratura-osporila-v-sude-priznanie-narodnoy-rady-ukrainy-vo-lvovskoy-oblasti-137577_.html> (2014, февраль, 6).

были отменены «Народные рады», созданные Тернопольским и Житомирским городскими советами, а в Ровенской области окружной административный суд запретил председателям 13 городских и районных советов создавать «Народные рады»[1]. Есть информация о создании «Народных рад» в Николаеве, Одессе и Днепропетровске, тем не менее, в общей своей массе восточные и южные регионы страны не одобряют происходящих сейчас в Киеве событий. Облсоветы собирают чрезвычайные и внеочередные сессии депутатов, чтобы выразить поддержку позиции власти и потребовать наведения порядка в стране. В большинстве восточных и южных городов, таких как Донецк, Мариуполь, Днепропетровск, Одесса, Севастополь и др. наряду с «Евромайданами» проходят так называемые «Антимайданы».

Украина сталкивалась с подобной ситуацией в процессе Оранжевой революции 2004 года. Тогда расстановка сил была примерна та же: восток поддерживал пророссийского на то время В. Януковича, запад выступал за прозападного В. Ющенко. В тот период ситуация накалилась до того, что восток страны перестал подчиняться центральным органам власти и решил приостановить отчисления в госбюджет. Пик противостояния окончился Съездом депутатов всех уровней в Северодонецке, где прозвучала идея отделения восточной части Украины. Сейчас некоторые эксперты опасаются того, чтобы нынешнее развитие событий снова не пошло по подобному пути.

Для того, чтобы снять социально-политическое напряжение и разрешить конфликт, необходим поиск компромисса путем переговоров и конструктивной работы Верховной Рады. Тем не менее, диалог власти и оппозиции пока не получается. По сути, столица разделилась на восставший митингующий центр города и тщательно охраняемый правительственный квартал.

Усиление общественных протестов возникло 16 января 2014 года, после принятия Верховной Радой Украины ряда так называемых «скандальных законов», которые, по мнению ряда экспертов, носили репрессивный характер и «сводили на нет» свободу мирных собраний граждан. Общественный совет Киево-Могилянской академии и Центр политико-правовых реформ направили открытое письмо, в котором подвергли критике принятые решения[2]. В заявлении

[1] Суд запретил создавать Народные рады в Ровенской области. *Одна Родина. Информационно-аналитическое издание.* <http://odnarodyna.com.ua/content/sud-zapretil-sozdavat-narodnye-rady-v-rovenskoy-oblasti>(2014, февраль, 6).

[2] Киево-Могилянская академия заявила о репрессиях в Украине.*Аргументы недели.* <http://an.crimea.ua/page/news/55321/> (2014, февраль, 6).

отмечается, что народные депутаты, которые принимали это решение, нарушили Конституцию Украины и Закон «О Регламенте Верховной Рады Украины», в частности :

1. Было ограничено, предусмотренное ст. 93 Конституции, право законодательной инициативы народных депутатов и других субъектов законодательной инициативы, поскольку они не имели возможности внесения поправок и предложений к этим законопроектам;

2. Имело место ограничение конституционных полномочий комитетов Верховной Рады осуществлять законопроекта работу, подготовку и предварительное рассмотрение вопросов (ст. 89 Конституции), ведь законопроекты были получены большинством парламентских комитетов только на следующий день после принятия «законов» и ими не рассматривались;

3. Верховной Радой была применена форма голосования, которая не давала возможности установить количество народных депутатов, проголосовавших за законопроекты. Следовательно, были нарушены ст. 84 и 91 Конституции, которые предусматривают личное голосование народных депутатов на заседаниях Верховной Рады и принятия законов большинством от ее конституционного состава;

4. Так же была нарушена ст. 82 Конституции, согласно которой порядок работы Верховной Рады устанавливается Конституцией и Законом о регламенте Верховной Рады, а также ст. 19 Конституции, согласно которой органы государственной власти, их должностные лица обязаны действовать лишь на основании и в пределах полномочий, предусмотренных Конституцией и законами Украины;

5. Законопроекты были включено в повестку дня пленарного заседания Верховной Рады с процедурными нарушениями, в частности:

- не было предоставлено для ознакомления народным депутатам;
- законопроекты не прошли установленных Регламентом процедур обсуждения при их принятии и были приняты за основу и в целом.

Кроме того, по мнению экспертов, принятые «скандальные законы» посягали на право граждан Украины на справедливый суд и противоречили Европейской конвенции о защите прав человека.

В свою очередь Министерство иностранных дел Украины заявило, что законы, принятые парламентом Украины 16 января, направлены на имплементацию в украинском законодательстве ряда норм, которые уже существуют в законодательстве многих европейских стран, отвечают общепризнанным демократическим стандартам

и международным практикам, а также являются совместимыми с обязательствами в рамках ОБСЕ [1].

Однако, непрекращающиеся массовые протесты общественности, активные действия оппозиции и давление со стороны Совета Европы заставили правящую коалицию пойти на переговоры, в ходе которых стороны договорились об отмене ряда спорных законов и отставки Премьер-министра и кабинета Министров в целом. Таким образом, уже 28 января Верховная рада Украины отменила большинство законов, принятие которых вызвало общественное возмущение и протесты. За отмену проголосовал 361 депутат, двое выступили против, еще 49 воздержались. От Партии регионов решение поддержали 167 парламентариев. Всего было отменено 9 из 12 законов, которые 31 января 2014 года заверил подписью Президент.

Так, признаны утратившими силу законы Украины, принятые 16 января 2014 года : Закон Украины от 16.01.2014 № 72-VII «О внесении изменений в Закон Украины «О судоустройстве и статусе судей» и процессуальные законы о дополнительных мерах защиты безопасности граждан»; Закон Украины от 16.01.2014 № 722-VII «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно ответственности за совершение административных правонарушений во время проведения футбольных матчей»; Закон Украины от 16.01.2014 № 723-VII «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно ответственности за административные правонарушения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, зафиксированные в автоматическом режиме»; Закон Украины от 16.01.2014 № 724-VII «О внесении изменений в Регламент Верховной Рады Украины»; Закон Украины от 16.01.2014 № 725-VII «О внесении изменений в Уголовный процессуальный кодекс Украины относительно заочного уголовного производства»; Закон Украины от 16.01.2014 № 726-VII «О внесении изменения в Закон Украины «О бесплатной правовой помощи» об отсрочке вступления в силу положений пункта 6 раздела VI «Заключительные и переходные положения»; Закон Украины от 16.01.2014 № 727-VII «О внесении изменений в статью 197 Налогового кодекса Украины относительно освобождения от налога на добавленную стоимости операций по ввозу на таможенную территорию Украины природного газа»; Закон Украины

[1] МИД. Законы, принятые 16 января, отвечают всем европейским стандартам – МИД. *Корреспондент.net.* <http://korrespondent.net/ukraine/politics/3286316-zakony-pryniatye-16-yanvaria-otvechauit-vsem-evropeiskym-standartam-myd> (2014, Февраль, 6).

от 16.01.2014 № 728-VII «О внесении изменений в статью 297 Уголовного кодекса Украины относительно ответственности за осквернение или разрушение памятников, сооруженных в память тех, кто боролся против нацизма в годы Второй мировой войны – советских воинов-освободителей, участников партизанского движения, подпольщиков, жертв нацистских преследований, а также воинов-интернационалистов и миротворцев)»; Закон Украины от 16.01.2014 № 729-VII «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины относительно ответственности за отрицание или оправдание преступлений фашизма».

Одновременно остались действующими, законы, принятые 16 января:

Закон № 731-VII «О внесении изменений в Закон Украины «Об устранении негативных последствий и недопущения преследования и наказания в связи с событиями, имевшими место во время проведения мирных собраний»; Закон № 719-VII «О Государственный бюджет Украины на 2014 год».

Однако, по мнению оппозиции, отмена данных законов и отставка правительства были лишь частью требований протестующих. Практически все эксперты заявляют, что дальнейшее развитие событий будет зависеть от политического диалога между властью и оппозицией. Иначе противостояние будет продолжаться и дальше. По состоянию на начало февраля 2014 года западные области страны объявили бессрочную забастовку, а восточные регионы просят президента жестко отреагировать на последние события в Киеве, вплоть до введения чрезвычайного положения.

Единственная возможность на нынешнем этапе сохранить страну от раскола и не допустить широкомасштабного гражданского противостояния – это попытка справиться с политическим кризисом парламентским путем. Именно это и будут сейчас делать политики с обеих сторон – власти и оппозиции. «Для силового решения проблемы мало возможностей, поскольку в Украине ни в армии, ни в СБУ нет таких силовых структур, которые могли бы это сделать. Поэтому ответственные политики должны понимать, что заигрывать с разного вида силовыми угрозами, запугивать не получится. Нужно найти компромиссы, которые помогли бы всем сторонам конфликта выйти из него с минимальными потерями» [1].

[1] Иванов Р. Майдан 2013: как дальше будут развиваться события. АиФ.ua < http://www.aif.ua/politic/ukraine/1035534> (2014, Февраль, 6).

Ученый мир Запада еще не успел дать оценку происходящим процессам, однако заявления политиков в СМК и освещение событий, связанных с Евромайданом в Украине, входят во все новостные ленты практически всего мира. Так, Парламентская ассамблея Совета Европы приняла резолюцию с пакетом рекомендаций. В резолюции ПАСЕ, принятой 30 января, содержится предупреждение в адрес украинских властей : в случае силового разгона протестных акций в Киеве и дальнейших нарушений прав человека на Украине, ПАСЕ уже в апреле поднимет вопрос о санкциях в отношении Киева. Кроме того, ПАСЕ осудила эскалацию насилия во время протестов и призвала украинскую власть вступить в открытые, честные и эффективные переговоры с оппозицией [1].

Среди множества политических заявлений заслуживает внимание активная позиция комиссара по правам человека Нилса Муйжниекса: «В центре внимания комиссара Совета Европы будут различные правозащитные аспекты нынешней ситуации в стране, включая действия полиции в отношении митингов и собраний и использование силы в связи с этим, а также утверждения о похищениях, плохом обращении и нарушениях надлежащих правовых процедур», – сообщила пресс-служба европейского омбудсмена [2].

В свою очередь российское правительство официально выступает с достаточно конкретной критикой в отношении революционных процессов в столице Украины и по стране в целом. Так, 10 декабря российские парламентарии утвердили заявление по поводу политической ситуации в Украине. На официальном сайте Государственной думы РФ сообщается, что российские политики призвали украинских оппозиционеров не выходить за правовые рамки, предусмотренные основным законом государства. Депутаты Госдумы попросили участников многотысячных демонстраций прекратить действовать вне конституционного поля. К числу неправомерных акций народные избранники отнесли блокирование работы госорганов, несанкционированные протесты, погромы, уничтожение памятников и захват здания киевской городской администрации [3].

---

[1] Новиков К. Упражнение в ненависти.*Газета.ru* <http://www.gazeta.ru/politics/2014/01/30_a_5876033.shtml>(2014, Февраль, 4.)

[2] Комиссар Совета Европы по правам человека летит в Украину. *Цензор.нет*. <http://censor.net.ua/news/269272/komissar_soveta_evropy_po_pravam_cheloveka_letit_v_ukrainu>(2014, Февраль, 4.)

[3] Госдума РФ обнародовала свою позицию по поводу украинского Евромайдана. *Пронедра.*<http://pronedra.ru/politics/2013/12/10/gosduma-osudila-evromaidan/> (2014, Февраль, 6)

В данной статье содержится попытка оценить ориентации населения, их мнение относительно народных протестов путем изучения опросов общественного мнения, проведенных во время этих событий. Опрос участников Евромайдана был проведен с 20 по 30 января 2014 г., инициатором и организатором которого является автор статьи при содействии «Социологического информационно-исследовательский центра «Пульс» по методике, которая обеспечивала случайную выборку участников.

Среди причин протестов и акций гражданского неповиновения можно выделить несколько главных (респондентам предлагалось выбрать 5 главных ответов):

– Отказ правительства от подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом (35,3 %),
– Отсутствие справедливости в судах и тотальная коррупция всех ветвей власти (41,1 %)
– Применение силы к мирным демонстрантам на Майдане в ночь на 30 ноября, репрессии (57,7 %),
– Стремление изменить жизнь в Украине (30 %).
– Отставка Президента и правительства (35,5 %).

Среди главных требований наибольшую поддержку (более половины) среди опрошенных участников Майдана получили:

– принятие закона об амнистии и освобождение арестованных участников Майдана (62 %),
– прекращения репрессий (65 %)
– отставка правительства (70 %),
– отставка президента и проведение досрочных президентских выборов (65 %),
– подписание Договора об Ассоциации с Европейским Союзом (57 %),
– привлечение к ответственности виновных в избиении демонстрантов на Майдане (65 %),
– роспуск Верховной Рады и назначение досрочных парламентских выборов (65 %).

Кроме того, значительная часть участников Майдана высказалась за заведение уголовных дел на всех чиновников, участвующих в коррупционных связях (50 %), необходимость повышения уровня жизни людей (47 %), освобождение Юлии Тимошенко (38 %) и изменение Конституции, возвращения к конституционной реформе 2004 года, для ограничений президентской власти (38 %).

Итак, практически половина участников Евромайдана (51,2 %) согласны на проведение переговоров с участием власти, оппозиции

и общественных лидеров, при посредничестве международных организаций, однако 37,7 % опрошенных считают, что никаких переговоров с властью вести не нужно, остальные 11,1 % не определились.

По результатам проведенного автором исследования, выделены следующие возможные действия, конкретные формы протеста (респондентам предлагалось выбрать пять главных ответов) :

- 72,2 % готовы на санкционированные митинги и демонстрации;
- 43,1 % согласны участвовать в забастовках;
- 37,0 % могут принимать участие в сборе подписей под коллективными обращениями;
- 5,6 % готовы в пикетировать государственные учреждения;
- 15,5 % настроены на создание независимых вооруженных формирований;
- 14,3 % готовы к захвату зданий;
- 11,2 % согласны на голодовку в знак протеста.

Исследование показало, на каких условиях протестующие готовы завершить акции сопротивления :

- абсолютное большинство участников Евромайдана (74 %) готово разойтись только в случае выполнения всех требований;
- готовы удовлетвориться выполнением нескольких требований 38,5 %;
- объективные причины могут заставить покинуть Майдан 26,5 %;
- физиологические причины (плохое самочувствие и др.) 13 %;
- решение большинства 13 %;
- разочарование в лидерах 5,5 %;
- репрессии 6 %.

Большинство участников Евромайдана – 72% – ответили, что готовы быть на акциях протеста «столько, сколько нужно»; среди киевлян такая готовность больше (83 %), чем среди приезжих (62 %).

По данным исследования, на Евромайдане присутствует 50 % жителей Киева и 50% приезжих из разных областей Украины (преимущественно западные области). Большинство приезжих (89 %) участников Евромайдана приехали самостоятельно, приезд остальных организован какой-то политической партией, организацией или общественным движением.

Абсолютное большинство участников Майдана (94,1 %) не принадлежит ни к какой из партий, ни к общественным организациям и движений. Членами партий является 3,4 %, 2,5 % принадлежат к

общественным организациям. Что касается гендерного и социально-культурного фокуса участников Евромайдана, то можно отметить, что среди участников Евромайдана больше мужчин (56 %), чем женщин (44 %), средний возраст участника Майдана 37 лет (38 % в возрасте от 15 до 29 лет, 49 % – 30-54 года, 13 % – 55 лет и старше). По уровню образования на Евромайдане преобладают люди с высшим образованием – 65 %, со средним и средним специальным – 22 %, незаконченным высшим – 13 %. 56,4 % участников Евромайдана предпочитают говорить на украинском языке, 27 % – русскоязычные, 18 % – общаются и на украинском, и на русском, 1 % – другие.

По роду занятий среди участников Майдана наибольшую группу – 40 % – составляли специальности интеллектуальной направленности, 12 % – студенты, 9 % – предприниматели, 9 % – пенсионеры, 8 % – руководители, 7 % – рабочие.

Представляют интерес исследования, проведенные центром R&B. Результаты опросов определяют предпочтение граждан по всем регионам Украины [1]. По данным исследования, наибольшей поддержкой Евромайдан пользуется на Западе (84 %) и в Центре (66 %) Украины. Также Евромайдану симпатизирует треть жителей Юга Украины (33 %) и 13 % жителей восточного региона. Больше всего не поддерживают Майдан на Востоке (81 %) и Юге (60 %) Украины, также не поддерживают митингующих 27 % жителей центральных и 11 % жителей западных областей. При этом 46 % опрошенных поддерживают интеграцию в ЕС, а 36 % – в Таможенный союз. Каждый пятый житель Украины не смог сделать однозначный выбор.

Таким образом, можно сделать вывод, что демонстранты имеют смешанные мотивы, которые лишь незначительной степени политически ангажированы. Полученные результаты оттеняют подспудные социально-экономические факторы, склонявшие людей к политической активности. Значительное снижение экономических, социальных и политических возможностей, доступных населению, ставшее результатом протестных движений, привело к тяжелой и растущей «относительной депривации»[2] . Резкое ослабление уровня лояльности и доверия к правительству, критическое падение уровня поддержки режима – достойно отдельного внимания относительно кризиса легитимности.

---

[1] Майдан поддерживает половина украинцев, – опрос R&B. *L.B.UA. Избранное для всех.* <http://lb.ua/news/2013/12/10/245866_maydan_podderzhivaet_polovina.html> (2014, Февраль, 6)

[2] Gurr T. 1970. Why Men Rebel. Princeton NJ: Princeton University.

Литература:

1. Госдума РФ обнародовала свою позицию по поводу украинского Евромайдана. *Пронедра.* <http://pronedra.ru/politics/2013/12/10/gosduma-osudila-evromaidan/> (2014, Февраль, 6)
2. Иванов Р. Евромайдан вне Киева: что происходит в украинских регионах. *Аргументы и факты*. <http://www.aif.ua/politic/ukraine/1036606>(2014, февраль, 6).
3. Иванов Р. Майдан 2013: как дальше будут развиваться события. АиФ.ua <http://www.aif.ua/politic/ukraine/1035534> (2014, Февраль, 6).
4. Киево-Могилянская академия заявила о репрессиях в Украине.*Аргументы недели.* <http://an.crimea.ua/page/news/55321/> (2014, февраль, 6).
5. Комиссар Совета Европы по правам человека летит в Украину. *Цензор. нет*. <http://censor.net.ua/news/269272/komissar_soveta_evropy_po_pravam_cheloveka_letit_v_ukrainu>(2014, Февраль, 4.)
6. Майдан поддерживает половина украинцев, – опрос R&B. *L.B.UA. Избранное для всех.* <http://lb.ua/news/2013/12/10/245866_maydan_podderzhivaet_polovina.html> (2014, Февраль, 6)
7. МИД. Законы, принятые 16 января, отвечают всем европейским стандартам – МИД. *Корреспондент.net.* <http://korrespondent.net/ukraine/politics/3286316-zakony-pryniatye-16-yanvaria-otvechauit-vsem-evropeiskym-standartam-myd> (2014, Февраль, 6).
8. Новиков К. Упражнение в ненависти.*Газета.ru* <http://www.gazeta.ru/politics/2014/01/30_a_5876033.shtml>(2014, Февраль, 4.)
9. Прокуратура оспорила в суде признание Народной Рады Украины во Львовской области. *ZN.UA.* <http://zn.ua/UKRAINE/prokuratura-osporila-v-sude-priznanie-narodnoy-rady-ukrainy-vo-lvovskoy-oblasti-137577_.html> (2014, февраль, 6).
10. Суд запретил создавать Народные рады в Ровенской области. *Одна Родина. Информационно-аналитическое издание.* <http://odnarodyna.com.ua/content/sud-zapretil-sozdavat-narodnye-rady-v-rovenskoy-oblasti>(2014, февраль, 6).
11. Gurr T. 1970. Why Men Rebel. Princeton NJ: Princeton University.
12. Józefaciuk M. Кравчук назвал создаваемые в областях Народные рады стихийными и нелегитимными. *УНІАН. Информационное агенство.* <http://www.unian.net/politics/877667-kravchuk-nazval-sozdavaemyie-v-oblastyah-narodnyie-radyi-stihiynyimi-i-nelegitimnyimi.html> (2014, февраль,6)
13. Lane, D. (2007). *Introduction: Outcomes of Transformation*. Basingstoke: Palgrave.

Maria Mordovets

STATE POLICY ON THE PREVENTION OF EXTREMISM ESCALATION AS A FORM OF DEVIANT SOCIO-POLITICAL ACTIVITY

The article is devoted to investigation of the experience of state policy on the prevention of extremism escalation as a form of a deviant socio-political activity. In the article definitions of the term «extremism» represented in the legal and political acts of different states are considered. Public approaches in determination of features, manifestations, forms of extremist activity are demonstrated. Legal acts of the PACE, SCO, and also state acts of the Russian Federation, Ukraine, Czech Republic, Great Britain, the USA are studied.

Unavailability of a dialogue between participants of the socio-political system, absence of mediators who are able to carry on negotiations and support interaction between opponents result in disharmony and imbalance in the system. A party that usurps power and law (authoritarian minority or totalitarian majority) emerges along with a party, deprived of its rights or limited in them (marginal minority or deviant majority). Socio-political conflict between bearers of the identified roles reveals their mutual fear and readiness to apply pressure. Both parties are «ready» to extremism but eventually it is expressed by that party which feels greater weakness.

International extremism is more and more displaying itself as a result of a system crisis in the new global world and it was doctrinally formed at the end of XX century. Forms of extremism (terror, terrorism, revolution) appeared to have been fixed earlier, as they are easier analyzable by an example of national and subregional conflicts. However, extremism as a wider notion in comparison to them is being formed only now, as its specific developments are not always well-defined. Thus, terrorism of Hezbollah party is sometimes interpreted as a form of conducting national liberation war by «indirect actions».

Having endured consequences of fascism in the XX century, global community sets to search ways how to prevent such phenomena as national terror, racism, and ethic discrimination. It seemed that approved by majority of states documents, which set principles of human rights, equality, and identity formation of nations, according to which Constitutions of democratic states were developed, mainly solved this problem. However, tragic events at the turn of the centuries showed that we would have to realize errors and to work out efficient warrants of

equality of socials groups, nations, exclusion of extremism and intolerance escalation.

Problems of terrorism and extremism are studied in works of Ukrainian researches – V.A. Lipkan, D.I. Nikiforchuk, M.M. Rudenko, P.Ya. Kondratev, and Russian researches – Yu.I. Avdeev, S.V. Borisov, Z.M. Beshukova, P.N. Kobets, V.V. Malyshev, G.K. Nurlybaeva, P.A. Prokhorov, S.G. Fedorov, V.V. Ustinov, etc. T. Boyar-Sazonovich, A. Grachev, V. Glushkov, V. Emelyanov and others devoted their works to political and legal aspects of establishment of extremist activity counteraction system. However, the rule-making activity in states dictates a need in new researches of experience in prevention of extremism growth and demonstration. The o*bjective of this article* is analysis of modern state policy in the sphere of prevention of extremist activity escalation.

The term of «extremism» (from Latin *extremus* – extreme), meaning adherence to radical views and methods of goal achievement, has been used since the middle of the XIX century. At first, it was applied with respect to political antimonarchical trends. Along with the term of «radicalism», «extremism» was started to be used with respect to political opponents irrespectively of a nature of their activity and views. Therefore, Russian Explanatory Dictionary (1940) includes a definition of the notion as «extremely radical actions»[1].

For the first time at the European level, the notion of «extremism» was defined in a document of PACE – in Resolution «Threat posed to democracy by extremist parties and movements in Europe» (2003). In the Resolution «the extremism is called to be such a form of political activity that directly or indirectly rejects principles of parliamentary democracy and is based on the ideology and practice of intolerance, alienation, xenophobia, anti-Semitism, and ultra-nationalism»[2]. In the document it is noted that extremists constitute a threat to all democratic states because their fanaticism can serve as a pretext to apply and justify violence. The Assembly of the Council of Europe admitted that anti-extremism protection presents the democracy with a dilemma: to secure the freedom of expression, assembly and association to all political groups, and at the same time to protect itself against activity of extremist groups rejecting democratic principles and human rights. Therefore,

[1] Волин, Б. М., Ушаков, Д. Н. (1940) *Толковый словарь русского языка*, Т. 4., 534.

[2] Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе ПАСЕ Резолюция (2003). *Официальный сайт Парламентской Ассамблеи Совета Европы. Документы на русском языке.* <http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5Brussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp> (2014, январь, 24).

reminding of Recommendation 1438 (2000) «Threat posed to democracy by extremist parties and movements in Europe» and Resolution 1308 «Restrictions on political parties in the Council of Europe member states», PACE expressed its position that states have to neutralize effect of extremism by political and administrative measures. It is important to stress that in the Resolution (2003) PACE admitted that due to a specific nature of historical development of countries and different criteria of tolerance applied in the countries, different penalties for similar offenses are set, but restrictive measures to eliminate extremism roots must be used. It was an achievement that PACE called on Governments of the European states for the purposes of anti-extremism protection to provide an opportunity to restrict the freedom of expression, assembly and association in their legislation; and to introduce: 1) effective sanctions subject to availability of facts proving inflicting damage by extremist political parties and their members; 2) punishments that are adequate and performing a deterrent role for appeals for violence, race discrimination and intolerance; 3) measures aimed at suspension or termination of government financing of organizations conniving extremism; 4) in emergency cases (subject to availability of a threat to a constitutional order) – measures aimed at dissolution of extremist parties and movements; 5) to control, if necessary – to prevent renewal of activity of the dissolved parties and movements under another label or in another organizational form; 6) to encourage parties to reject associating with extremist parties, if necessary – to enhance transparency in funding of political parties; 7) to develop school curricula in a spirit of democracy, to work out immunity against extremism ideology; 8) to develop campaigns to explain pernicious influence of extremism on democracy; 9) to encourage civil society; 10) to introduce administrative measures and to initiate international cooperation preventing spread of extremism by means of information technologies; 11) to support activity of the European Commission against Racism and Intolerance which is entrusted to struggle against intolerance all over Europe.

A bit earlier within the scope of Shanghai Cooperation Organization's activity, «The Shanghai Convention on struggle against terrorism, separatism, and extremism» (2001) was approved. It defined the notion of «extremism» in the following way (cl. 3 p. 1 art. 1): «it is an action aimed at forced seizure and retention of power, and forced alteration of a state constitutional order, as well as violent encroachment on public security, including organization of … illegal armed units and participation in their activity, and which is criminally proceeded according to the national leg-

islation of the Parties»[1]. This Convention was signed and ratified by: China, Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan.

One of the first regulations that set the notion of «extremism» and established methods of its counteraction is Law «On Counteraction to Extremist Activity» approved in 2002 in Russia. In 2006 a list of actions considered as extremism was extended. Now they include: activity of public organizations, mass media or individuals including arrangement of actions oriented to forced change of constitutional order bases; violation of integrity of RF security; seizure or appropriation of power authorities; establishment of illegal armed units; carrying out of terrorism activity or its public justification; incitement of race, national, religious or social hatred; abasement of national dignity; mass rioting, violence, and acts of vandalism; propaganda of exceptionality, superiority or inferiority of citizens; prevention of public authority activity associated with force or threat of its application; slander with respect to a person taking a public post; application of force or a threat of its application with respect to a public representative or his/her relatives; infringement on life of a public or community leader; actions aimed at infringement of human and citizen rights and freedoms; personal injury or infliction of damage to property based on their commitments, race or other grounds; propaganda or public demonstration of Nazi symbols and attributes; public appeals or distribution of materials inciting to extremist activity; financing of extremist activity and other facilitation of its arrangement and performance.

In 2011 Home Secretary of Great Britain T. May declared intentions of the government to enhance monitoring of funds that are spent for struggle against extremism. T. May stated that annually Britain spends tens of millions of pounds on extremism prevention, but a result is absent, or it is detected that money was used for financing of extremist organizations. This situation became possible because the government allocated money to Islam organizations for programs aimed at propaganda of extremism rejection, however due to insufficient review of these organizations, the effect is reverse. Great Britain and the USA make financial contributions. At that time a new report on prevention of extremism spread was presented[2].

---

[1] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (от 15 июня 2001 года). *Медийный проект законодательства всех стран Центральной Азии*. <http://medialaw.asia/document/-2056> (2014, январь, 24).

[2] Updated anti-extremism strategy published. *Official new site of BBC-news* <http://www.bbc.co.uk/news/uk-13679360> (24.01.2014).

In 2001, British government started to toughen measures related to struggle against extremism by approving relevant law. The following was toughen: security measures in air transport, tightened legislation related to chemical, biological, and nuclear weapons to ensure safety of civil nuclear facilities and those facilities that could be chosen by terrorists as their targets. Additional measures were introduced to a list of financing channels of extremists (a right to arrest with no fixed term without legitimate criminal investigations and court decisions, and further deportation of foreign citizens).

In 2005, in Great Britain the Law «Prevention of terrorism» including issues of extremist activity was approved. The Law revoked such preventive measure for suspects of extremism as imprisonments without filing accusation. Previously it was recognized as contradictory to human rights. Instead of this, the law introduced travel restrictions or house arrest. Moreover, restrictions in use of telephone, the Internet, trips over the country and meetings with people can be applied to suspects.

The UK Terrorism Act, 2006 introduced new types of crimes connected with extremism: 1) Support of terrorism and extremism (publication of statements that could be regarded as direct or indirect support). 2) Indirect support of terrorism (statements glorifying commitment and arrangement (in the past, future or at any time) of such acts or crimes. Maximum sanction is 7 years of imprisonment. 3) Distribution of extremist publications. Maximum sanction is 7 years of imprisonment. 4) Preparation to an extremist act; 5) Training of others. Maximum sanction is 10 years of imprisonment. 6) Servicing of a place used for extremism training; 7) production of materials or possession of any radioactive devices (*i.e.* «dirty» bomb). The sanction is life imprisonment; 8) Extremist threats, etc.[1]

In 2007, a new act came into force. It expanded opportunities of public authorities to control residents of the country. 795 organizations obtained access to confidential information about telephone conversation of British people. The act obliged phone companies to record information and to transfer it to authorities on demand. After acts of terrorism in 2007 in London, Preventing Violent Extremism Program based on 4 Ps – prevention, prosecution, patronage, and preparation – was approved. Home Office presented a list of measures aimed at struggle against extremism, including entrance prohibition to foreigners suspected of extrem-

[1] Британская система борьбы с экстремизмом. *Электронный ресурс Исследовательского центра «Спецслужбы под контролем»* <http://www.agentura.ru/dossier/uk/counterterror/> (2014, январь, 24).

ism and its propaganda[1]. For three years (2006 – 2009) 230 people, 80 of which were declared religious extremists, did not obtain the entrance visa to Great Britain[2]. For the purposes of struggle against youth extremism in 2006 the Government of Great Britain issued a Directive on struggle against extremism spread in universities and colleges, and in 2010 measures aimed at extremism counteraction in the Internet were taken. Analyzing activity of Great Britain in the sphere of counteraction of extremism escalation as a deviant behavior form of youth, G. Nurlybaeva noted that extremism prevention in this country is carried out preemptively and pointwise. For these purposes, local police departments track persons carrying out agitation in communities. Thus, county police site regularly post information on how members of local community can help police in liquidation of extremism threats, what should be called an arrangement of extremist activity[3].

In 2011 T. May listed new trends in struggle against extremism in Great Britain: work in prisons and universities related to restriction of access to websites including potentially extremist content; work in urban ghetto, where there are conditions for spread of extremist views (25 districts in several cities are included); increase of control over information on the Internet. It means that in Great Britain struggle against extremism is conducted both at the national and social level according to a network principle, ensuring success.

In contrast to the practice of the EU, Great Britain and Russia, in the USA statement of extremist views is protected by the first amendment to the Constitution, and only certain actions are considered to be crimes in cases when they are subject to relevant definitions set in legislation. In some states of the USA such crimes are often classified as «hate crimes» against persons of another race or nationality, religion, etc.[4]

P.N. Kobets, Doctor of Law, presents analysis of experience in prevention of extremism escalation in such countries as France, Italy, Spain,

---

[1] Нурлыбаева, Г. К. (2011) Молодежный экстремизм и особенности противодействия со стороны полицейских служб Великобритании. *Российский следователь,*10, 33-36.

[2] Малышев, В. В. (2013) Европейский опыт противодействия экстремизму. *Правовая инициатива*, 8, 14.

[3] Нурлыбаева, Г. К. (2011) Молодежный экстремизм и особенности противодействия со стороны полицейских служб Великобритании. *Российский следователь,10,* 33-36.

[4] Борисов, С. В., Васнецова, С. А. (2013) Экстремизм: тенденции, характеристики и вопросы противодействия органами исполнительной власти. *Правовая инициатива,* 6, 10-17.

etc., in sufficient details.[1] Thus, in the Criminal Code of France a list of people, to who preventive methods could be applied, is significantly extended. Along with individuals, legal entities were also declared as subjects of criminal responsibility. Amendments to the Law «On Identity Check» related to regulation of a checking procedure of persons entering territory of France, who can constitute a threat to order and security of the country, are introduced. The Law simplifies the checking procedure with respect to suspected persons. Deportation of undesirable persons is provided by the Law «On conditions of entrance and staying of foreigners in France». Regulations of France set recompensive norms (inducing people participating in offences to cooperation with law enforcement agencies). The Law of France «On struggle against terrorism and state security violations» provides cases of relief from punishment of an offender or an abettor of a terrorism crime (art. 6), if they, after having notified on an imminent crime, made all reasonable efforts to prevent the crime and helped to identify other participants of the crime.

As to Italy and Spain, for the purposes of struggle against extremist activity use of special methods of fact-finding that differ from usual ones regulated by criminal procedure and administrative law is provided. The Criminal Code of Spain (1995), Law «On struggle against armed gangs and terrorist elements» contain norms of a preventive nature and recompensative norms (as in France). For example, Article 579 of the CC of Spain prescribes a reduction of a punishment term for those who will voluntarily go before authorities and facilitate prevention of crime commitment. The Czech Republic demonstrates a significant experience in counteraction of extremism escalation, though in legislation of the country there is no special law on struggle against extremism as well as there is no definition, that is often used in criminal code, of the notion of «extremism»[2]. In this country, the notion of extremism was defined in a report of the Ministry of Internal Affairs of the CR in 2002 as «ideologic positions which significantly deviate from rules of law, show elements of intolerance and infringe on constitutional principles». Z.M. Beshukova notes that a notion of «a crime with extremist context» is used in the report, that means types of crimes reasoned by extremist positions.

[1] Кобец, П. Н. (2009) Законодательные основы предупреждения терроризма в европейских странах и необходимость совершенствования российского законодательства с учетом международного опыта. *Международное публичное и частное право*, *1*, 37-40.

[2] Бешукова, З.М., Прохоров П.А (2011). Законодательные и правоприменительные аспекты противодействия экстремизму: анализ опыта Чешской Республики. *Российский следователь*, *8*, 10-17.

As an alternative, a notion of «crime reasoned by race, national, or other social hate» is used.

In Ukrainian legislation a legal definition of «extremism» has been absent until January 16, 2014, when in the Criminal Code Article 110-1 «Extremist activity» was introduced. A Note to the article states: «extremist materials mean materials intended for disclosure: calling, substantiating, justifying a need to carry out activity aimed at arrangement, incitement, commitment of actions for the purposes of forced change or overthrow of the constitutional order, infringement of territorial integrity, inviolability, state sovereignity, seizure and retention of power, carrying out of mass disorders…»[1].

Thus, the growth of government activity in the sphere of regulatory fixation of measures aimed at struggle against extremist threats to peace and state security and the state system as a whole, and each person in particular, as well as toughening of steps taken for prevention of social activity escalation tending to transformation into extremist activity should be acknowledged. We should note that most of states considered by us still does not have a well-defined interpretation of the notion of «extremism», and in their legislation they set punishments for such activity in different ways. However, the process supported at the level of SCO and Council of Europe offers hopes for confident steps of the state aimed at prevention of violence escalation in the world.

Bibliography:

1. Бешукова, З.М., Прохоров П.А (2011). Законодательные и правоприменительные аспекты противодействия экстремизму: анализ опыта Чешской Республики. *Российский следователь*, 8, 10-17.
2. Борисов, С. В., Васнецова, С. А. (2013) Экстремизм: тенденции, характеристики и вопросы противодействия органами исполнительной власти. *Правовая инициатива,* 6, 10-17.
3. Британская система борьбы с экстремизмом. *Электронный ресурс Исследовательского центра «Спецслужбы под контролем»* <http://www.agentura.ru/dossier/uk/counterterror/> (2014, январь, 24).
4. Волин, Б. М., Ушаков, Д. Н. (1940) *Толковый словарь русского языка*, Т. 4., 534.
5. *Закон про внесення змін до Закону України «Про судоустрій і статус суддів» та процесуальних законів щодо додаткових заходів захисту безпеки громадян 2014* (Верховна Рада України). *Офіційний сайт Верховной Ради України.* <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/721-18> ((2014, январь, 24).

[1] *Закон про внесення змін до Закону України «Про судоустрій і статус суддів» та процесуальних законів щодо додаткових заходів захисту безпеки громадян 2014* (Верховна Рада України). *Офіційний сайт Верховной Ради України.* <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/721-18> (2014, январь, 24).

6. Кобец, П. Н. (2009) Законодательные основы предупреждения терроризма в европейских странах и необходимость совершенствования российского законодательства с учетом международного опыта. *Международное публичное и частное право*, 1, 37-40
7. Малышев, В. В. (2013) Европейский опыт противодействия экстремизму. *Правовая инициатива*, 8, 14.
8. Нурлыбаева, Г. К. (2011) Молодежный экстремизм и особенности противодействия со стороны полицейских служб Великобритании. *Российский следователь,*10, 33-36.
9. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе ПАСЕ Резолюция (2003). *Официальный сайт Парламентской Ассамблеи Совета Европы*. *Документы на русском языке.* <http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5Brussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp> (2014, январь, 24).
10. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (от 15 июня 2001 года). *Медийный проект законодательства всех стран Центральной Азии*. <http://medialaw.asia/document/-2056> (2014, январь, 24).
11. Updated anti-extremism strategy published. *Официальный новостной сайт BBC-news* <http://www.bbc.co.uk/news/uk-13679360> (2014, январь, 24).

Alexander Bilousov

ESTABLISHMENT OF UKRAINIAN STATE POLICY ON PROMOTION OF THE CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF EUROPEAN GOVERNANCE CONCEPT

The process of the Ukrainian public policy's institutionalization of assistance development of civil society, normative-legal providing of his functioning is examined. It is justified, that conceptualisation of this process took place on the basis of accumulation and comprehension of positive experience of collaboration of public authorities with the institutes of civil society, and also as a result of creative comprehension and application world, mainly, European, experience.

Normative legal support of civil society functioning has been and remains one of the urgent problems in both political theory and practice. Institutionalization of state policy on the promotion of civil society development has become an important component of this process. Its conceptualization has become feasible due to the accumulation and understanding of positive experience of public authorities' cooperation with civil society institutions, as well as to the result of creative thinking and application of the worldwide, mainly European, experience.

The process of establishment and development of state policy on promotion of the civil society development, formation of respective fundamental principles, and most importantly –acknowledgment of them by the actors of the process of interaction is the result of accumulation of certain experience of the Ukrainian statehood restructuring and its interpretation in the scientific and analytical environment.

In this course, cooperation of the Ukrainian civil society institutions with the relevant civil society of the European Union, both at bilateral national and Europe-wide levels, is noteworthy.

The urgency and main directions of such cooperation were rightly pointed out, in particular, by Ukrainian public experts in the analytical report «Civil Society in the Association Agreement between Ukraine and the EU». The authors focused on certain specifics of such kind of cooperation: «Civil Society in the EU, in contrast to the Ukrainian civil society, has a more longstanding tradition, but at the same time it is extremely non-uniform and branched. Civil society of the EU includes civil society of the EU Member States, as well as supra-national civil

society, which functions in the form of pan-European platforms and networks. As a rule, the latter is located in Brussels to influence decisions and activity of the EU institutions. As to the civil society of the EU Member States, it significantly affects national governments' decision-making, which in turn forms the EU policy. Accordingly, development of the Ukrainian civil society's relations with the civil society of the EU Member States is an important moment in the process of their interaction».[1]

The respective European concept of governance and attempts to implement its basic principles in Ukraine, not only in this area of public policy, but also in public administration system as a whole, have significant influence on the formation of the Ukrainian state policy on promotion of the civil society development.

The attractiveness of this concept and its fundamental principles for solving main tasks of the institutional reform, which long ago ripened in the Ukrainian administrative system, has been duly appraised by national experts. For example, a well-known expert on European governance I.A. Gritsiak remarks that the institutional system of the European Union is a certain reflection of nature, objectives and tasks, development trends, an organizational and administrative embodiment of European integration.[2]

The modern European concept of governance is based on the principles, which were most clearly and fully outlined in the White Paper on European Governance (original title: «European Governance: White Paper»), promulgated by the European Commission in July 2001. This edition contains a number of recommendations and proposals for strengthening democracy in Europe and increasing the EU institutions' legitimacy through the further public involvement and development of civil initiatives.[3]

Certainly, the innovative character of the White Paper on European Governance for reforming the European governance practices was largely (if not decisively) caused by the influence of philosophical principles of information society paradigm, development of its material and technical infrastructure and establishment of appropriate forms of

---

[1] Солоненко, І., Хорольський, Р., Шаповалова, Н., Лациба, М. (2012). *Громадянське суспільство в Угоді про асоціацію між Україною та ЄС.* Київ: Громадська рада при Українській частині Комітету з питань співробітництва між Україною та ЄС, 18.

[2] Грицяк, І. А. (2006) *Європейське управління: теоретико-методологічні засади*. Київ: К. І. С., 150-152.

[3] *Європейське врядування: Біла книга*. (25 липня 2001 року) Комісія Європейських Співтовариств Брюссель, COM(2001) 428, остаточна редакція. http://upi.org.ua/load/4-1-0-113.

civil participation in the world as a whole and in particular in the EU countries. Its proposed model of the «spiral of success», which is based on the feedback and involvement of interested parties throughout the whole process and at all levels, has replaced the traditional linear model of the power vertical (top-bottom). In its turn, principles, proposed in the White Paper on European Governance, and directions of reforming governance practices have stimulated the further development of information society in the EU countries, the demand for the newly formed practices of civil participation and have defined a new higher level of cooperation of authorities with civil society institutions.

Owing to the systematic approach to solving urgent administrative problems, implemented in the White Paper on European Governance, its authors could formulate appropriate proposals and recommendations.

There are five principles of good governance in the text of the document: openness, participation, accountability, innovation, and teamwork. Moreover, every principle is equally important in the overall system of democratic governance and can be applied at all levels of power.

One of the main directions of «effective public involvement» in the White Paper on European Governance is, in particular, «participation of civil society», because exactly civil society plays an important role in providing the opportunity for citizens to express their concerns and actively participate in the discussion of decisions, and thus it plays an important role in determination and elaboration of the political development vector of the country. They often act as an «early warning system» in the system of political debates.[1]

The role of trade unions and employers' unions in the further development of social partnership and achievement of consensus in the result of social dialogue is also clearly spelled out. Such standards should reduce the risk that officials, responsible for execution and implementation of one or another decision, will consider opinion of only a specific group, which has a privileged position by virtue of belonging to a particular industry or as a result of its «privileged» citizenship. These standards are offered to improve representativeness of organization of civil society and structuring their debates with the EU institutions.

Surely, these EU proposals, promulgated by the White Paper on European Governance, are extremely relevant today for Ukraine in

[1] *Європейське врядування: Біла книга.* (25 липня 2001 року) Комісія Європейських Співтовариств Брюссель, COM(2001) 428, остаточна редакція. <http://upi.org.ua/load/4-1-0-113>.

the context of establishing information society in general, and closer constructive cooperation with authorities of social networks, in particular.

Thus, the European standards in this area have doubtlessly influenced to a certain extent the institutionalization of public policy on the civil society development in Ukraine. One of the serious consequences of such policy's realization is, in particular, a noticeable improvement in normative legal support for the functioning of the latter.

One of the first attempts to institutionalize this relatively new phenomenon for the national practice of state governance was the adoption in 2007 of «The Concept on Promotion by the Executive Authorities of the Civil Society Development» (hereinafter – the Concept)[1]. The very fact of its adoption evidenced that, first, commanding elite is conscious of the need for civilized normalization of relations between public authorities and civil society institutions, and secondly, it is interested in the development of the latter by means of a set of directed measures implemented by the state.

This interest has been clearly represented in the document itself. So, it was declared that the purpose of the Concept is to create favourable conditions for the further development of civil society and strengthening of democracy in Ukraine. For the first time at this level (program document of public policy) fundamental principles of relations between executive authorities and civil society institutions were recorded.

Recognizing the progressive for its time sense of the Concept for strengthening the systemic nature of cooperation of executive authorities and civil society institutions, one should admit to some extent its limited nature and certain lack of systematization. In addition, in the result of public monitoring, it was found that annual plans of measures for its implementation were performed on average no more than 30%.

All this has indicated that there is an objective long-felt need to develop and adopt appropriate documents of strategic level, but its practical implementation has become possible only with the adoption of a number of subsequent documents.

Thus, the necessary legal basis for practical implementation and legitimation of state policy on promotion of the civil society development was on the whole adopted in July 2010 in the Law of Ukraine «On the Principles of Domestic and Foreign Policy». For the first time in Ukraine, strategic priorities of this policy were assigned at the legislative level (in

[1] *Розпорядження про схвалення Концепції сприяння органами виконавчої влади розвитку громадянського суспільства 2007* (Кабінет Міністрів України). *Офіційний вісник України*, 89, 89.

particular, Art. 5 «Principles of Domestic Politics in the Field of Civil Society Formation»)[1].

The next logical step in institutionalization of public policy on promotion of the civil society development was signing of the Presidential Decree No 32/2012, 25 January 2012, «Questions of Promotion of the Civil Society Development in Ukraine». The Coordinating Council on questions of the civil society development was created, and regulations concerning its status were approved for its implementation. According to this Decree, the Coordinating Council on questions of the civil society development was requested to prepare within one month a preliminary strategy of state policy on promotion of the civil society development and a plan of priority measures for its implementation[2]. Developed preliminary strategy of public policy on promotion of the civil society development and plan of priority measures for its implementation attracted broad public discussion and were adopted by the Presidential Decree No 212/2012, 24 March 2012[3].

Apparently, it is not an exaggeration to note that in the branch of cooperation between state and civil society documents of such level and systematicity, as the Strategy on public policy on promotion of the civil society development, are not yet known in the modern history of Ukraine. Functional definition of civil society with a clearly marked practical orientation is already established in its initial assumptions. In particular, the Strategy is based on the understanding of civil society and its institutions as such a condition of society, in which fundamental rights and freedoms of person and citizen are freely enforced through various forms of public social activity and self-organization.

Activity of civil society is characterized by insufficient level of its institutional, financial and human resources opportunities. As a result, the level of publicly significant voluntary activism of the citizens in Ukraine and in the entire post-Soviet space is low.

Classification of the strategic priorities of state policy on promotion of the civil society development in Ukraine is the following:

---

1 *Закон про засади внутрішньої і зовнішньої політики 2010* (Верховна Рада України). *Офіційний веб-портал Верховної ади України*. <http://www.president.gov.ua/documents/12069.html>.

2 *Указ «Питання сприяння розвитку громадянського суспільства в Україні» 2012* (Президент України). *Офіційний веб-портал Верховної ади України*. <http://www.president.gov.ua/documents/14412.html>.

3 *Указ «Про Стратегію державної політики сприяння розвитку громадянського суспільства в Україні та першочергові заходи щодо її реалізації» 2012* (Президент України). *Офіційний веб-портал Верховної ади України*. <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/212/2012>.

- promotion of establishment of maximum openness, transparency and accountability, society executive authorities, local self-government;
- growth of social capital to enhance mutual trust and cooperation in the society;
- creating favourable conditions for formation and functioning of civil society institutions;
- ensuring the participation of civil society in formulation and implementation of state, regional policy, in particular, by creating conditions for broad and effective representation of citizens' interests in organs of the executive authorities and local self-government, regular advising (dialogue) with public on critical issues of society and state activity;
- public control over activities of organs of the executive authorities, local self-government, empowerment of civil society institutions in administrative decisions and their implementation;
- promoting charitable, volunteer activities and other forms of social activity and civil culture.

There are appropriate mechanisms and concrete actions provided for implementation of the Strategy. It is noteworthy that the mechanisms of processes of activity planning and monitoring of relevant plans' implementation, which are laid down in the Strategy, stipulate close cooperation of the responsible officials of state authorities with the members of the public, at all stages and on equal bases. Thus, basic communicative function between them lies on the Coordinating Council on the civil society development.

Exactly the Council, as a state and public body, where government efforts and those of «third sector» are combined, monitors and evaluates annual plans of implementation, analysing effectiveness of the Strategy implementation, preparation of proposals for updating its provisions and correction of annual plans.

Great attention is paid to such important area of work for the Strategy implementation as increasing level of civil and legal culture. Strategy development and approval, in particular, should help to promote development of social responsibility of business in Ukraine, ensuring interaction with civil society on major issues of public life.

Necessity to improve regulatory framework of civil society in the direction of its movement towards European standards was also determined by foreign policy obligations of Ukraine undertaken in the direction of implementation of the European integration course. Thus, the Agreement on Partnership and Cooperation, concluded between

Ukraine and the EU in 1994, included an obligation of Ukraine to adapt its laws to the EU legislation in sixteen priority sectors. However, despite number of state and legal acts adopted in the following years, this task has been actually put into practice only in 2012-2013, thanks to implementation of the Strategy of state policy on promotion of the civil society development.

As to the new basic law of Ukraine «On Public Associations» from June 22, 2012 No 5026-VI, adopted in the framework of the named Strategy implementation, it has finally implemented European standards on basic legal principles of non-governmental organizations.

Improving regulatory support of activity of civil society organization in Ukraine was noted by experts of a number of influential international organizations. In particular, according to the report of «CIVICUS» for 2013 Ukraine has been ranked at the 46th place in the index of enabling environment for the civil society development. First five positions, which are the best, in this ranking have been given to New Zealand, Canada, Australia, Denmark and Norway, and the last, the worst were allocated to, respectively, Gambia, Burundi, Iran, Uzbekistan and the Democratic Republic of Congo[1].

Thus, the process of improving the regulatory provisions of civil society functioning has been recently active in Ukraine. Influential determinant of this process is institutionalization of public policy on promotion of the civil society development, in particular, the approval of strategy and plans for its implementation.

Bibliography:

1. Грицяк, І. А. (2006) *Європейське управління: теоретико-методологічні засади*. Київ: К. І. С.
2. *Європейське врядування: Біла книга*. (25 липня 2001 року) Комісія Європейських Співтовариств Брюссель, COM(2001) 428, остаточна редакція. http://upi.org.ua/load/4-1-0-113.
3. *Закон про засади внутрішньої і зовнішньої політики 2010* (Верховна Рада України). *Офіційний веб-портал Верховної ади України*. <http://www.president.gov.ua/documents/12069.html>.
   Розпорядження про схвалення Концепції сприяння органами виконавчої влади розвитку громадянського суспільства 2007 (Кабінет Міністрів України). *Офіційний вісник України*, 89, 89.
5. Солоненко, І., Хорольський, Р., Шаповалова, Н., Лациба, М. (2012). *Громадянське суспільство в Угоді про асоціацію між Україною та ЄС*. Київ: Гро-

[1] CIVICUS' 2013 Enabling Environment Index. <http://civicus.org/downloads/2013EEI%20REPORT.pdf>.

мадська рада при Українській частині Комітету з питань співробітництва між Україною та ЄС.
6. *Указ «Питання сприяння розвитку громадянського суспільства в Україні» 2012* (Президент України). *Офіційний веб-портал Верховної ади України*. <http://www.president.gov.ua/documents/14412.html>.
7. Указ *«Про Стратегію державної політики сприяння розвитку громадянського суспільства в Україні та першочергові заходи щодо її реалізації» 2012* (Президент України). *Офіційний веб-портал Верховної ади України*. <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/212/2012>.
8. CIVICUS' 2013 Enabling Environment Index. <http://civicus.org/downloads/2013EEI%20REPORT.pdf>.

Юлия Билецкая

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

This article analyzes the various approaches to understanding the political conflict. Various political interpretations that characterize the phenomenon of political conflict are discussed. Social value of various theories of political conflict is determined. Theoretical aspects of historical development of this concept, due to the aggravation of various conflicts are discussed. It is defined that public events in the state processes leading to confrontations, become the basis for effective management at different stages of the conflict.

Конфликт – явление не новое для человеческого сообщества и получил свое развитие с древних времен. Однако с формированием государственных отношений и структуризацией органов государственной власти политические конфликты стали предметом научного анализа и не теряют актуальности и на современном этапе.

Ведь именно политические конфликты несут в себе риски и угрозы стабильности общества и государства и, вместе с тем, являются неотъемлемым атрибутом процесса развития. Отсюда – потребность прогнозирования и моделирования механизмов разрешения социально-политических конфликтов, управления конфликтной ситуацией.

Учение о социально-политической сфере конфликта имеет свои особенности. Потому для создания эффективной модели системы механизмов преодоления и предупреждения и разрешения политических конфликтов представляется важным исследовать научные разработки этого явления, что и определяет актуальность данной статьи.

Цель данного исследования – анализ трудов ученых разных исторических времен и эпох, переосмысление ценности учений о политических конфликтах и характеристика роли политического конфликта в жизни общества, а также определение дальнейших направлений научного анализа проблемы.

Первые научные исследования конфликтов появились в VII – VI ст. до н.э. Китайские философы считали, что источник развития всего существующего – это противоречие между положительными (ян) и отрицательными (инь) сторонами, которые принадлежат материи. Древние греки оставили нам учение о противоположностях и их роль в возникновении вещей. Гераклит (конец VI – начало V

ст. до н. э.), пытаясь объяснить причины движения, утверждал, что движение надо представлять как процесс, который происходит в результате борьбы противоположностей. Социальный конфликт в виде войны рассматривался Гераклитом отцом всего сущего, тогда как Платон расценивал это как зло[1].

Накопленные знания о политическом конфликте продолжается в эпоху античности, средневековья и эпоху Возрождения. Попытки его осмысления предпринимаются известными мыслителями того времени, а именно Платоном, Аристотелем, Блаженным Августином, Н. Макиавелли.

В дальнейшем научном обороте идеи этих мыслителей нашли свое развитие в учениях Гоббса (в работе «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского»), Локка (в труде «Два трактата о правлении»), Ш. Монтескье (в работе «О сути законов»), А.Токвиля (в книге «О демократии в Америке»), О. Конта (в «Духе позитивной философии») и других[2].

Так, Т. Гоббс значительное место в образовании государства отводил конфликтному фактору, а естественное состояние общества представлял как «войну всех против всех». При этом Гоббс указывал на три основные причины конфликта: соперничество, недоверие, жажда славы[3]. А потому, осмысление явления политического конфликта у данного мыслителя рассматривается как желание властвовать с помощью насильственных методов, применением силовых способов достижения поставленной цели.

Цицерон (I ст. до н.э.), осознавая неизбежность конфронтации в общественной жизни, пытался доказать существование «справедливого» и «несправедливого» насилия. Макиавелли считал конфликт универсальным и непрерывным состоянием общества. Одним из первых научный анализ причин внутриполитических конфликтов предпринял английский философ Фрэнсис Бэкон[4].

---

[1] Криволапчук, В. О. Політичний конфлікт як об'єкт політичних і правових досліджень. *Сайт національної бібліотеки ім. В. І. Вернадського.* <http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/VLduvs/2009_4/09_4_1_3.pdf>.

[2] Криволапчук, В. О. Політичний конфлікт як об'єкт політичних і правових досліджень. *Сайт національної бібліотеки ім. В. І. Вернадського.* < http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/VLduvs/2009_4/09_4_1_3.pdf>.

[3] Криволапчук, В. О. Політичний конфлікт як об'єкт політичних і правових досліджень. *Сайт національної бібліотеки ім. В. І. Вернадського.* < http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/VLduvs/2009_4/09_4_1_3.pdf>.

[4] Криволапчук, В. О. Політичний конфлікт як об'єкт політичних і правових досліджень. *Сайт національної бібліотеки ім. В. І. Вернадського.* <http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/VLduvs/2009_4/09_4_1_3.pdf.>.

Впоследствии конфликт как социальное явление исследовал Адам Смит (1723 – 1790)[1]. По его мнению, в основе конфликта лежит деление общества на классы и экономическое соперничество, которые рассматриваются как важная движущая сила развития общества и тем самым выполняют полезные функции. Эту же мысль в 1821 году заметил Гегель в работе «Очерки философии права».

Конфликты изучали И. Кант, К. Клаузевиц, Дарвин. Главная идея последнего – развитие живой природы – это постоянная борьба за существование. Взгляды Ч. Дарвина были развиты в некоторых социологических и психологических теориях конфликта[2].

Первые попытки создания социологической теории совершенствования социальной системы, которая исследует роль конфликта, возникли во второй половине XIX ст. в трудах английского социолога Герберта Спенсера (1820-1903). Он обосновал тезис о том, что конфликты устанавливают определенное равновесие в обществе, чем обеспечивают процесс общественного развития. Он рассматривал социальный конфликт с позиций социал-дарвинизма, считал его неизбежным явлением в истории общества и стимулом общественного развития.

На базе научных идей, сформулированных в трудах Т. Гоббса «Левиафан»[3], Н. Макиавелли «Государь»[4] в середине XIX ст. в западно-европейских научных школах оформляется конфликтология как отрасль политической науки, которая затем стала отдельной учебной дисциплиной.

Большой вклад в создание основ социологии конфликта был сделан Георгом Зиммелем, который ввел в научный оборот термин «социология конфликта». Георг Зиммель – немецкий социолог (1858-1918), основоположник функциональной теории, согласно которой конфликт – универсальное явление, которое является неотъемлемой составляющей социальных отношений[5].

Г. Зиммель описал остроту протекания конфликта и его последствия. В современной теории конфликтов существует два направ-

---

[1] Берлач, А. І., Кондрюкова, В. В. (2007). *Конфліктологія: навчальний посібник.* К.: Університет Україна.

[2] Криволапчук, В. О. Політичний конфлікт як об'єкт політичних і правових досліджень. *Сайт національної бібліотеки ім. В. І. Вернадського* http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/VLduvs/2009_4/09_4_1_3.pdf.

[3] Гоббс, Т. (2001). *Левиафан.* М.: Мысль.

[4] Макіавеллі, Н. (2013). *Володар.* Нью-Йорк.

[5] Криволапчук, В. О. Політичний конфлікт як об'єкт політичних і правових досліджень. *Сайт національної бібліотеки ім. В. І. Вернадського.* <http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/VLduvs/2009_4/09_4_1_3.pdf.>.

ления, в основе которых лежит теория Маркса – диалектическая теория конфликта или Г. Зиммеля – конфликтный функционализм. Маркс представил социально-структурные причины конфликтов и подчеркнул антагонистический характер конфликта. К. Маркс рассматривал в основном классовые конфликты, их причины и характер, абсолютизируя роль экономических отношений в возникновении социального конфликта[1]. Зиммель описал условия изменения остроты конфликта и интегративные последствия конфликта[2].

Ключевые тезисы теории социального конфликта Маркса:

– чем более неравномерно распределены в системе дефицитные ресурсы, тем глубже конфликт между господствующими и остальными социальными группами системы;

– чем глубже подчиненные группы начинают осознавать свои интересы, тем вероятнее, что они будут сомневаться в законности и справедливости существующей в настоящее время формы распределения дефицитных ресурсов;

– чем больше подчиненные группы системы сознают свои интересы и сомневаются в законности распределения дефицитных ресурсов, тем вероятнее, что они совместно инициируют открытый конфликт с доминирующими группами системы;

– чем сильнее поляризация господствующих и подчиненных, тем более насильственным будет конфликт;

– чем более насильственным является конфликт, тем больше следует ожидать структурных изменений системы и перераспределения ресурсов[3].

В данном случае автор акцентирует внимание на значимости равномерного распределения дефицитных ресурсов в обществе и проблему взаимодействия между господствующими и социальными группами в обществе. Если социальные группы понимают негативность и неприемлемость политических процессов, происходящих в обществе, тогда возникают серьезные противоречия с негативными результатами для общества. А потому можно констатировать, что К. Маркс считал, что обязательно в конечном итоге конфликт усиливается и приобретает революционный характер и приводит к изменениям структуры системы.

---

[1] Берлач, А. І., Кондрюкова, В. В. (2007). *Конфліктологія: навчальний посібник.* К.: Університет Україна, 56.

[2] Криволапчук, В. О. Політичний конфлікт як об'єкт політичних і правових досліджень. *Сайт національної бібліотеки ім. В. І. Вернадського.* <http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/VLduvs/2009_4/09_4_1_3.pdf> (2013, ноябрь, 20).

[3] Маркс, К. (1962). *Письмо Иосифу Вейдемейру*, 5 марта 1852. Собр. соч. 2-е изд.

Конечно, его научная мысль имеет важное значение для формирования учение о политическом конфликте, но показывает только негативный характер явления, и ориентируется на крайний результат в процессе политического конфликта.

В отличии от К. Маркса Г. Зиммель чаще анализировал менее интенсивные и острые конфликты, которые укрепляют интеграцию социальной системы, помогает осмыслить политический конфликт, как и качественный элемент в общественном формировании.

Ключевые тезисы теории социального конфликта Г. Зиммеля:

– чем больше групп привлечены к конфликту, тем острее конфликт;

– чем «сплоченнее» группы, вовлеченные в конфликт, тем он острее;

– чем больше пределы индивидуальных целей и интересов участников, тем он острее;

– когда конфликт становится самоцелью, тогда меньше шансов на его решение;

– чем меньше изолированные конфликтующие группы, тем проще решить конфликт[1].

Анализируя учение Г. Зиммеля, можно определить пути преодоления конфликта. Ученый отмечает изолированность конфликтующих групп, как один из эффективных и простых путей решения конфликта. Значимость данного способа имеет актуальность и сегодня для решения конфликтов.

В первой половине XX ст., получила развитие системно-функциональная школа Т. Парсонса, рассматривающая конфликт как причину дестабилизации и дезорганизации общественно-политической жизни. Ученый определял конфликт как аномалию общественной жизни, и поэтому главной задачей видел поддержание бесконфликтных отношений между различными элементами общества, сможет обеспечить социальное равновесие, взаимопонимание и сотрудничество. На уровне социальной системы интегративную функцию должны выполнять правовые институты, религия и обычаи, поэтому со временем, по мнению Т. Парсонса, общество становится менее конфликтным[2]. Для Парсонса исторический процесс высвобождения индивида от закрепленности в традиционных связях неотделим от социальной дифференциации, понимается как

[1] Зиммель, Г. (1994). Человек как враг. *Социологический журнал*, 2, 115–116.

[2] Криволапчук, В. О. Політичний конфлікт як об'єкт політичних і правових досліджень. *Сайт національної бібліотеки ім. В. І. Вернадського* <http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/VLduvs/2009_4/09_4_1_3.pdf>.

неизбежность возникновения и прогрессивного возрастания неоднородности внутри социально-политического сообщества или системы.

Основу современной западной социологии конфликта заложил в 1956 году труд американского социолога Л. Козера «Функции социального конфликта»[1], в котором обоснованно положительную роль конфликтов в обеспечении устойчивости социальных систем. Теория позитивно-функционального конфликта рассматривает конфликт как борьбу за ценности и социальный статус, власть, материальные и духовные блага. Это борьба, в которой целью сторон является нейтрализация и уничтожение противника. Однако эта борьба выполняет и позитивные функции – во-первых, предоставляет возможность для выхода негативных эмоций, во-вторых, люди во время конфликта лучше узнают друг друга, а взаимное познание может трансформировать враждебные отношения в отношения сотрудничества. Социальный конфликт, по мнению Л. Козера, стимулирует социальные изменения, появление новых общественных порядков, норм и отношений.

Значение учения Л. Козера объясняет главную задачу конфликта, служить противодействием неправомерным посягательствам на естественные права и свободы общества.

Немецкий ученый Р. Дарендорф рассматривал конфликт как ситуацию, в которой имеет место несоответствие между правами социальных групп и доступом к социальным, в том числе материальным, благам и возможностям реализовать эти права, т.е. наличием реального доступа к этим благам. Он отмечал: «Я использую термин «конфликт» как для определения соперничества, конкуренции, споров и намерений, так и для открытых столкновений»[2].

В обществе постиндустриального характера основное противоречие в социальной системе перемещается, по мнению Р. Дарендорфа, из экономической плоскости, из сферы отношений собственности в область отношений господства-подчинения. Следовательно, основной конфликт оказывается, связан с перераспределением власти в обществе.

Р. Дарендорф анализирует конфликт, как определенное соотношение между элементами, которые можно охарактеризовать через объективные или субъективные противоположности. Внимание

[1] Козер, Л. А. (1996). Функции социального конфликта. *Американская социологическая мысль*. М.

[2] Держалюк, О. М. (2006). Політичний конфлікт, як фактор внутрішньої загрози національній безпеці. *Стратегічні пріоритети*, 1, 35.

ученого сосредоточено на конфликтах, которые представляют собой лишь один из типов социальных конфликтов.

Автор теории конфликтной модели общества Р. Дарендорф утверждает, что классовый конфликт определяется характером власти. Ученый считает безнадежные попытки ликвидации глубинных причин социальных антагонизмов и допускает возможность влиять на изменение специфики протекания конфликта. А это открывает перед современным обществом перспективу не революционных переворотов, а постепенных эволюционных изменений[1].

По мнению ученого, интенсивность, что может варьироваться, относится к степени участия сторон в данных конфликтах, а не непосредственно к значимости предмета столкновения. Р. Дарендорф объясняет это положение следующим примером: борьба за председательство в футбольном клубе может проходить бурно и даже с применением насилия, но она, как правило, не означает для участников так много, как в случае конфликта между предпринимателями и профсоюзами по поводу заработной платы. В данном случае акцент сделан на значимость предмета столкновения и степень материальной заинтересованности сторон противоречия[2].

По мнению Р. Дарендорфа, метод подавления конфликта является не эффективным способом работы с конфликтами. В той мере, в которой социальные конфликты пытаются подавить, возрастает их потенциальная «злокачественность», и тогда взрыв предельно насильственных конфликтов является лишь делом времени. Во всей истории человечества революции представляют горькие доказательства этого тезиса. Метод подавления социального конфликта не может использоваться в течение длительного срока, то есть периода, превышающего несколько лет[3].

Ярким примером нерешенности конфликтов и их углубления до кризиса служить Советский Союз, а именно декларируемая бесконфликтность того общества. В период построения социалистического государства изучение конфликтов, особенно социально-политических конфликтов не было нужным и целесообразным. Считалось, что социалистическое общество может развиваться бесконфликтно и гармонично. На самом деле конфликты не были

[1] Дарендорф, Р. (1994). Элементы теории социального конфликта. *Социологические исследования*, 5, 151.

[2] Дарендорф, Р. (1994). Элементы теории социального конфликта. *Социологические исследования*, 5, 151.

[3] Дарендорф, Р. (1994). Элементы теории социального конфликта. *Социологические исследования*, 5, 152.

полностью погашены, они просто не решались, создавая иллюзию бесконфликтности. И логическим завершением являлся распад.

Таким образом, имея наглядные примеры и научные разработки, можно утверждать о негативности явления подавления конфликта, как способа его решения, как и не признание конфликтности и не решение ситуации. Ученым предоставляется возможность понять потребность умения решать конфликтную проблему, а не избегать ее, создавая иллюзию стабильности и благополучия.

Большинство из проанализированных научных теорий представляют классические социологические теории конфликта. В отличие от них, политологические теории конфликта еще не получили общепризнанного характера. На сегодняшний день можно констатировать формирование трех направлений политологических исследований конфликтов: теория политических структур (групп), теория политической стабильности и этнополитические теории.

Представителями теории политических групп являются В. Парето, Г. Моска, Ж. Сорель, Ф. Оппенгеймер, А. Бентли. Сущностными особенностями этой теории есть тезисы о потребности постоянного изменения элит, существовании сил, способных заменить правящую группу, а также тезис о том, что именно благодаря деятельности политических групп с различными интересами реализуется политическая жизнь общества.

Исследованию факторов, которые могут предотвратить конфликтогенность общества, посвящена теория политической стабильности. Эта теория представлена в работах Дж. Блондель, Д. Истона, С. Липсета, Д. Сандерса. По их мнению, объекты поддержки политической системы и фактор категории «нормальности», отклонение от которой приводит к конфликтам, связаны с уровнем массового сознания. По мнению этих ученых, стабильными являются только те системы, которые имеют опыт перманентного состояния политической демократии и не имеют значительных оппозиционных движений.

Этнополитические теории появились в последней четверти XX ст. Так называемая концепция внутреннего колониализма М. Гектера, концепция «неравномерного развития» Т. Нейрн и теория Дж. Ротшильда, по которой в ходе модернизации происходит политизация лидеров этнических меньшинств, что приводит к политизации всего сообщества.

Вопрос этнических меньшинств является весьма актуальным, что подтверждается количеством научных трудов по данной проблематике. Этнические конфликты – явление характерное практически

для каждого современного общества, и изучается учеными в зависимости от специфических исторических, культурных, ментальных и других особенностей общества.

Человечество столкнулось с конфликтами с момента своего возникновения: споры и войны сопровождали его на протяжении всего исторического развития общества. И только в средине XX ст. в Уставе ООН появилась статья 33 «Мирное разрешение споров»[1], которой предусматривается, что «стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого может угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны, прежде всего, пытаться решить противоречия путем переговоров, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору «. Однако, несмотря на понимание опасности конфликтов, несмотря на средства по их предупреждению, конфликтов избежать не удается.

Существует мнение об интенсификации конфликтов из-за столкновения политических партий. Считается, что основанием конфликта являются не различные программы, а неумение договариваться и разговаривать из-за того, что все они имеют одну цель – завоевание и разделение власти. Однако учитывая, что многопартийность – неотъемлемый атрибут демократии, управление такими конфликтами необходимо. Конфликт нельзя отделить от общественной жизни. Конфликты являются специфическим видом социального влияния, где стороны осознают свое противостояние и проявляют свое отношение к нему. Они сознательно организуются, определяется стратегия и тактика борьбы. Но конфликты можно и нужно преодолевать, разрешать.

Французский социальный психолог Х. Таузард отмечал, что социальный конфликт не может быть полностью описан с помощью психологических категорий враждебность, агрессия, они не всегда присутствуют в социальном конфликте. Сам конфликт определяется автором как «ситуация, в которой действующие лица (индивиды, группы, организации, нации) либо преследуют несовместимые цели и ценности, либо одновременно в конкурентной манере стремятся достичь одну и ту же цель»[2].

---

[1] *Устав Организации Объединённых Наций и Устав Международного Суда* (26 июня 1945 г.) ГА ООН *Офіційний сайт Верхвоної Ради України*. <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_010>.

[2] Держалюк, О. М. (2006). Політичний конфлікт, як фактор внутрішньої загрози національній безпеці. *Стратегічні приорітети*, 1, 35.

Американские исследователи Р. Макк и Р. Снайдер считали, что конфликт – это ситуация, которая возникает при наличии не менее двух сторон, отношения между которыми складываются на базе какого-то дефицита и построены таким образом, что стороны стремятся получить выгоду за счет друг друга, и их действия направлены на достижение несовместимых целей, исключающих друг друга[1].

Популярная в 90-е годы теория фрустрации универсальных человеческих потребностей Джона Бертона не выходит за пределы базисных допущений Г. Зиммеля и Л. Козера.

Ученые американского института мира при Университете Дж. Мейсона (The United States Institute of Peace) сформулировали дисциплинарный подход, который ориентирован на практическое решение конфликтов. Данный подход получил широкое признание в последнее десятилетие прошлого века и, в первую очередь, при решении международных конфликтов. Его основной идеей выступает непризнание любых пределов и границ знаний, он предполагает целостное понимание феномена социального конфликта. В каждом отдельном случае конфликта этот подход помогает определить, каким должен быть допустимый уровень анализа, единица анализа и какие социальные науки в совокупности наиболее подходят для его адекватного понимания и решения[2].

Для современного общества характерно нарастание конфликтности. Миграция населения, инфляция, рост безработицы – все это факторы назревания конфликтов в будущем. Важно накапливать опыт цивилизованного решения социальных конфликтов. Умение управлять ситуацией, находить компромиссы – основные приоритеты при зарождении противоречия.

---

[1] Запрудський, Ю. Г. (1993). *Внутри конфликта*. Социс, 7, 51.

[2] Криволапчук, В. О. Політичний конфлікт як об'єкт політичних і правових досліджень. *Сайт національної бібліотеки ім. В. І. Вернадського.* http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/VLduvs/2009_4/09_4_1_3.pdf.

Become a Contributor for the Journal

EUROPEAN POLITICAL AND LAW DISCOURSE

The Journal is issued 6 times per year.

Requirements to manuscripts:
Page Limit is 10 – 30 pages.
The language of articles is English, French, German, Czech, and Russian.

For an article in any language, the following is required in English: an abstract (400-500 characters), a title of the article and complete data of an author – full first, middle and last name, academic title, academic degree, position, and place of employment.

Footnotes are allowed, no endnotes.

Bibliography after the article is optional.
Bibliography should be arranged in accordance with the agreements of the American Psychological Association (APA).

Illustrations to articles (graphics and images) should be submitted in the TIFF or JPEG format (each image in a separate file). While preparing illustrations authors should take into account that colour printing is not available in the Journal.

The editorial board do not register and do not review for publication manuscripts that do not comply with the aforementioned requirements.

Address for service:
E-mail: eppd13@gmail.com
ediskurs@gmail.com
Web: eppd13.cz

Mailing Address:
Šternovská 735, Újezd u Brna, 664 53,
okres: Brno, kraj: Jihomoravský